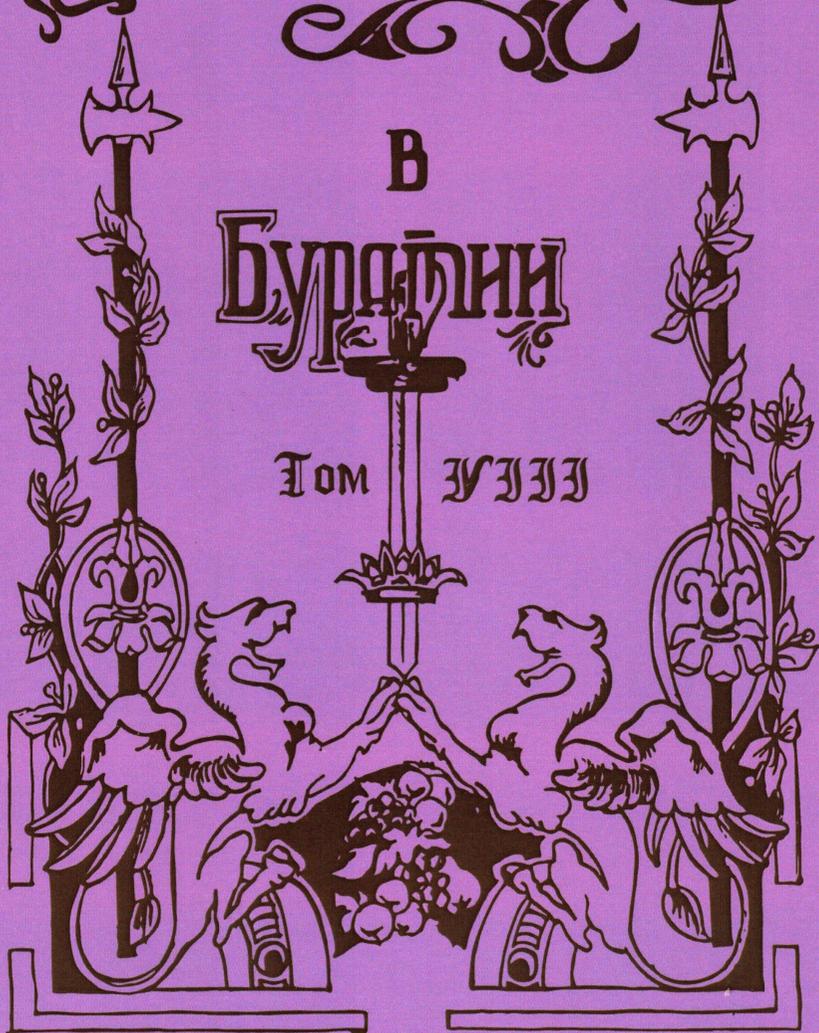

Доляки

В

Бураґни

Том ЗУЗЗ

ФГБОУ ВО «ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»
МОО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ПОЛЯКОВ Г. УЛАН-УДЭ
„НАДЖЕЯ”

ПОЛЯКИ В БУРЯТИИ

Том VIII

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2019

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Рос.Бур)
П 541

Утверждено
редакционно-издательским Советом
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Ответственный редактор
Семенов Е.В., к.и.н., доцент

Редколлегия:

Виноградова А.И., Головина О.Ю., Немчинова Т.А., к.и.н., доцент,
Цыремпилова И.С., д.и.н., проф.

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда
«Вспульнота Польска»

П 541 Поляки в Бурятии. Т. 8 / отв. ред. Е. В. Семенов. –
Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК, 2019. – 208 с.
ISBN 978-5-89610-296-0

В данное издание вошли статьи исследователей истории поляков в Забайкалье и Бурятии, а также материалы освещающие историю польских семей.

Издание предназначено для специалистов в области истории Сибири, краеведов и всех интересующихся историей поляков в Сибири.

УДК 94 (571.54)
ББК 63.3 (2Рос.Бур)

ISBN 978-5-89610-296-0 (Том 8)
ISBN 978-5-89610-295-3

© Национально-культурная автономия поляков
г. Улан-Удэ „Наддея”, 2019.
© Автор обложки Б. Туник, 1996-2019.

WSCHODNIO-SYBERYSKI PANSTWOWY INSTYTUT KULTURY
NARODOWO-KULTURALNA AUTONOMIA POLAKÓW M. ULAN UDE
«NADZIEJA»

POLACY W BURIACJI

TOM VIII

Ułan Ude
Wydawnictwo FPBEO WE „WSPIK”
2019

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Рос.Бур)
II 541

Opracowanie redakcyjne
dr Semenov E.W.

Komitet redakcyjny:
dr hab Cyriempłowa I.S. profesor WSPIK,
Gołowina O.J., dr. Niemczynowa T.A., Winogradowa A.I.

Dofinansowano ze środków „Wspólnota Polska”

II 541 Polacy w Buriacji. T. 8. – Ułan Ude : Wydawnictwo
FPBEO WE „WSPIK”, 2019. – 208 c.
ISBN 978-5-89610-296-0

Zbiór «Polacy w Buriacji» zawiera artykuły badaczy historii Polaków na Zabajkalu i w Buriacji, również zostały umieszczone materiały genealogiczne rodzin polskich w Buriacji.

Książka przeznaczona specjalistom w zakresie historii Syberii, krajoznawców oraz wszystkich zainteresowanych historią pobytu Polaków w Syberii.

УДК 94 (571.54)
ББК 63.3 (2Рос.Бур)

ISBN 978-5-89610-296-0 (Tom 8)
ISBN 978-5-89610-295-3

© Narodowo-Kulturalna Autonomia Polaków
m. Ulan Ude «Nadzieja», 2019.
© Projekt okładki B. Tunik, 1996-2019.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представлен очередной выпуск сборника «Поляки в Бурятии». Членами МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надзея» на протяжении более чем двадцатипятилетнего периода деятельности нашей организации проводится активная краеведческая и научно-исследовательская работа. Результаты этого направления деятельности публикуются на страницах общественной газеты «Первше кроки», сборника «Поляки в Бурятии» и материалах научно-практических конференций.

Восьмой том сборника «Поляки в Бурятии» традиционно включает в себя материалы, освещающие историю пребывания поляков на территории Бурятии и Забайкалья. Сборник состоит из двух разделов: «Польская тематика в современных региональных исследованиях» и «Мемуарное наследие поляков Бурятии: новый взгляд».

Первый раздел сборника «Польская тематика в современных региональных исследованиях» включает в себя научные материалы, посвященные истории пребывания поляков в Забайкалье. Статья доктора исторических наук, руководителя отдела истории и научных исследований Музея независимости в Варшаве Заленчны И., открывающая раздел, рассказывает об одном из наиболее известных поляков Бурятии середины XIX в. Александре Деспот Зеновиче. Материал Гулина А.С. раскрывает неисследованные аспекты смертности польских ссыльных участников восстания 1863-1864 гг. в Забайкалье. Статья Семенова Е.В. освещает историю поляков, проживавших в Верхнеудинске во второй половине XIX в. Почетный председатель НКА поляков «Надзея» Иванова М.И. описывает историю становления и развития воскресной школы при Автономии и обозначает важную роль учителя в организационном и образовательном процессе. Материал Иванова Г.Г. посвящен двум Героям Советского Союза, связанным с Бурятией: К.В. Оцимику и Н.И. Редков-

скому. В статье Мостовщиковой Г.Н. рассказывается о деятельности поляков в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Приамурского отдела Российского географического общества на рубеже XIX-XX вв.

Второй раздел «Мемуарное наследие поляков Бурятии: новый взгляд» традиционно включает в себя воспоминания потомков поляков Бурятии о своих предках, прибывших сюда по самым разным причинам. Статья Белоусовой Г.С. продолжает повествование истории семьи Каптеровых-Дульских. В статье Мелешевич М.А. описывается история семьи Мелешевич из г. Бабушкин. Резникова С.В. рассказывает о своем прадеде Лех К.В., приехавшем на строительство Паровозовагоноремонтного завода и связавшего свою судьбу с г. Улан-Удэ. В материалах Виноградовой А.И. рассказывается о судьбах А.Т. Отрадных (Венгловской), С.И. Дайбовой (Роловец) и А.А. Барской. Статья Голубева Е.А. описывает жизненный путь основателя НКА поляков «Наджея» и Почетного председателя В.В. Соколовского, который покинул нас в 2017 г. В статью включены фотографии не вошедшие в предыдущий сборник. Мостовщикова Г.Н. в своей статье рассказывает о Почетном председателе НКА поляков М.И. Ивановой, проработавшей на посту председателя 11 лет и внесшей неоценимый вклад в развитие нашей организации.

Этот раздел богато иллюстрирован фотографиями и копиями документов из семейных архивов.

Завершает сборник перевод, практически неизвестной работы Ю. Кобылецкого «Поездка из Иркутска в Кяхту на границу Китайской Монголии через Байкал или Святое море, имевшая место в 1832 г.». Статья переведена А.Н. Гребенщиковым.

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке фонда «Вспульнота Польска» (Варшава, Польша).

Головина О.Ю.
Председатель МОО НКА поляков
г. Улан-Удэ «Наджея»

ПОЛЬСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 94(571.1/.5)(=162.1)

**Заленчны Иоланта
(г. Варшава, Польша)**

ХРАНИТЕЛЬ ССЫЛЬНЫХ АЛЕКСАНДР ДЕСПОТ ЗЕНОВИЧ (1829-1897 ГГ.)

В статье рассматриваются вопросы деятельности Александра Деспот Зеновича на посту тобольского генерал-губернатора. Основное внимание автор статьи уделяет оценке помощи А. Деспот Зеновича польским ссыльным участникам восстания 1863-1864 гг., оказавшимся на территории Сибири.

Ключевые слова: Деспот Зенович Александр, польские политические ссыльные, Кяхтинское градоначальство.

**Załączny Jolanta
(Warszawa, Polska)**

PROTEKTOR ZESŁAŃCÓW ALEKSANDER DESPOT ZENOWICZ (1829-1897)

W XIX wieku na terenie Syberii można było – oprócz zesłanych tam karnie uczestników powstań – spotkać wielu Polaków, którzy służyli w armii lub pracowali w carskiej administracji. Tu warto wymienić choćby prezydentów Irkucka: Franciszka Sałackiego i Bolesława Szostakowicza oraz Zacharego Cybulskiego, burmistrza Tomska czy Stanisława Despot Zenowicza, burmistrza Baku. W opinii publicznej byli to ludzie rzetelni, porządni, nie dający się przekupić, co – niestety – było w Rosji dość powszechne.

«Wśród powszechnie panującego w Rosji łapownictwa w urzędach i instytucjach Polacy-urzędnicy odznaczali się uczciwością i prawością. (...) Znany jest szereg nazwisk lekarzy-Polaków, prawdziwych przyjaciół ludzkości, adwokatów, sędziów i wyższych urzędników, cieszących się popularnością i niekłamanym szacunkiem u Rosjan. Ci godnie reprezentowali imię polskie na obczyźnie. W ogóle w rdzennie rosyjskich guberniach nigdzie prawie nie można było zaobserwować jakiegś nienawiści lub niechęci do Polaków» [18, s. 46].

Dużą popularnością zarówno wśród Polaków, jak i Rosjan cieszył się inny urzędnik Aleksander Despot Zenowicz. Wszyscy, którzy mieli z nim styczność, także Rosjanie, wyrażali się o nim «jako o człowieku rzadkich cnót» [11, s. 290]. Podkreślano jego erudycję oraz «niestychaną sprawiedliwość» [3, s. 290]. Wśród polskich zesłańców zyskał zaszczytne miano opiekuna, «protektora wygnańców» [14, s. 153].

Aleksander Despot Zenowicz urodził się w roku 1829 w Kietowiszkach (Litwa) w zubożałej rodzinie szlacheckiej o bogatej tradycji. Był najstarszym z rodzeństwa. Ukończył gimnazjum w Wilnie, a potem podjął studia prawnicze w Moskwie, gdzie w 1850 roku zdobył tytuł kandydata nauk. Podczas studiów korzystał z pomocy męża krewnej matki, żony generała-gubernatora Moskwy Pawła A. Tuczkowa. Zenowicz utrzymywał ścisłe kontakty z Polakami studiującymi w Moskwie, organizował odczyty, zachęcał do samokształcenia. Ta żywa działalność w środowisku polskim stała się powodem oskarżenia o szkodliwy wpływ wywierany na młodzież i o poglądy antypaństwowe [21, s. 5-6]. Został za to – bez wyroku sądu – zesłany do Tiumentia pod dozór policyjny. Wydarzenie to przerwało dalszą karierę naukową. August Iwański-senior tak skomentował to wydarzenie: «wykoleiły go z tej drogi naukowej – z czwartego kursu – nadzwyczajne okoliczności, w niczym mu nie ubliżające» [4, s. 199]. W Tiumentiu nie był traktowany jak zesłaniec [15, s. 282]. Dzięki dobrym stosunkom Tuczkowa z

generałem-gubernatorem Syberii Wschodniej Mikołajem Murawiewem Amurskim i jego wstawiennictwu uzyskał zgodę na przeniesienie do Irkucka. Został tam tłumaczem przy Głównym Zarządzie Wschodniej Syberii, a następnie urzędnikiem do szczególnych poleceń przy gubernatorze Wschodniej Syberii. W 1855 mianowano go komisarzem pogranicznym w Kiachcie. Organizował szkoły, usprawniał działanie handlu, popularyzował nowoczesne metody uprawy roli. Powszechnie był postrzegany jako energiczny i odpowiedzialny urzędnik. Jego postawa i zaangażowanie zostały docenione. W wystawionej mu opinii podkreślano jego nieposzlakowaną moralność i gorliwość w pełnieniu służby [24, s. 5]. Było to podstawą do zwolnienia go z dozoru policyjnego.

W roku 1858, na polecenie władz, dokonał kontroli komory celnej w Kiachcie. Wykrył tam poważne nadużycia. Ich ujawnienie spowodowało znaczne podniesienie dochodów państwowych i wysoką ocenę pracy Despot Zenowicza. W nagrodę otrzymał dożywotnią pensję i wyższe rangi, a w roku 1859 mianowany został naczelnikiem Kiachty i gubernatorem terenów pogranicznych. Z racji ich położenia z dala od stolicy i utrudnioną komunikacją musiał o wielu sprawach decydować samodzielnie, załatwiać je na miejscu, co, zdaniem Talko-Hryncewicza, dawało mu częstokroć władzę prawie nieograniczoną, ale «z taktem i humanitarnością rządził krajem na wpół dzikim» [21, s. 5-6]. W realiach rosyjskich był administratorem szczególnym, jak podkreślano: «nie suchy urzędnik i wykonawca prawa, ciemieżca ludności lub łapownik obdzierający zamożniejszych, lecz prawdziwy przyjaciel ludności, obrońca słabszych wobec wyzysku kupców i urzędników» [21, s. 5-6]. Uważany był za pioniera cywilizacji, organizatora życia społecznego i kulturalnego.

Jako gradonaczelnik Kiachty nadzorował Zenowicz wiele dziedzin życia i troszczył się o miejscowe społeczeństwo. Przede wszystkim dbał o rozwój oświaty. W regionach, gdzie brakowało

szkół, zakładał nowe. Namawiał miejscową ludność do posyłania do nich dzieci, szukał nauczycieli, a gdy ich brakowało, sam zabierał się za nauczanie. Leżał mu na sercu los sierot, więc w 1857 roku został dyrektorem Kiachtyńskiego Sierocińca św. Mikołaja. Założył bibliotekę i osobiście sprowadzał do niej księgozbiór i gazety z całej niemal Europy. Organizował pogadanki adresowane do szerokiego grona słuchaczy. Z jego inicjatywy powstała pierwsza na Dalekim Wschodzie drukarnia. Tam drukowano pierwszą gazetę tygodniową we Wschodniej Syberii «Kiachtyńskij Listok» [8, c. 69] (pierwszy numer ukazał się 3 maja 1862 roku). Zenowicz był jej redaktorem, często pisał też artykuły. Za wkład w umacnianie polityki rosyjskiej na Dalekim Wschodzie (za szczególne trudy, działalność i poświęcenie okazane przy powrocie ziem nadamurskich do Rosji) został w roku 1860 odznaczony Orderem Św. Anny, a w roku 1861 Orderem Św. Włodzimierza [19, s. 8].

Natomiast prywatnie ten carski urzędnik utrzymywał przyjazne kontakty z Polakami. Jego dom był zawsze otwarty dla miejscowej inteligencji, w gronie której byli Polacy i to oni właśnie chętnie go odwiedzali. Gościem był m.in. Agaton Giller oraz kolega za studiów Henryk Krajewski [16, s. 282-283]. Podczas takich spotkań Zenowicz miał okazję poznać kłopoty rodaków, a korzystając ze swojego stanowiska, mógł im pomagać. Przykładem Grzegorz Koziarkiewicz, który dzięki jego wstawiennictwu uzyskał zwolnienie ze służby w armii carskiej¹. Wspierał też Zenowicz działania duchowieństwa. Ks. Krzysztof Szvernicki wspominał o życzliwości gradonaczelnika Kiachty dla jego posługi w trakcie podróży misyjnej «dla przyniesienia pomocy duchowej katolikom nad Amurem i ciągle osiedlanym od lat 3 posieleńcom» [26, s. 161-189].

¹ Grzegorz Koziarkiewicz za udział w powstaniu listopadowym został wcielony do armii rosyjskiej. Potem był dyrygentem polskiej orkiestry w Kiachcie.

W związku z kasacją urzędu gradonaczalstwa kiachtyńskiego, w roku 1862 Zenowicz otrzymał nominację na stanowisko gubernatora tobolskiego. Pomimo osobistych obaw podjął się nowych obowiązków, które wykonywał w sposób odpowiedzialny i perfekcyjny, z właściwym mu zaangażowaniem. «Energia, stanowczość, wytrwałość i szybkość nadzwyczajna w prowadzeniu spraw bieżących, odznaczały wszystkie jego czynności, a samodzielność i odstąpienie od wszelkiej rutyny w sposobie doprowadzania spraw i kwestii do skutku, nadawały mu cechy zupełnej reformy» [11, s. 284].

Despot Zenowicz powszechnie znany był jako nieprzejednany wróg wszelkich nadużyć, surowo zwalczający korupcję. Za takie wykroczenia sądził urzędników «z nadzwyczajną sprawiedliwością, a wyrozumiałością ojcowską» [11, s. 285]. Tępił przekupstwo i starał się je za wszelką cenę wyplenić. Za takie podejście cenili go uczciwi podwładni, bali się go nieuczciwi. «Wzorowa administracja kraju i surowe postrzeżenie przestrzeżenie prawa pozyskały mu wziętość ogólną, ale, jak to zwykle bywa, obudziły też niechęć przyzwyczajonych w całej Rosji do samowoli urzędników. Musiał tedy parę razy skutkiem denuncjacji jeździć do stolicy dla wyjaśnień osobistych, z każdym razem jednak wracał ze zwiększonym pełnomocnictwem» [4, s. 198-199]. Dlatego wszyscy uciśnieni przez biurokrację upatrywali w nim swego obrońcę. Zabiegał o polepszenie losu miejscowej ludności (Ostiaków i Wogułów), bezwzględnie przeciwstawiał się wszechobecnej korupcji, walczył z nadużyciami, a to zyskało mu popularność i społeczne uznanie. Zawsze podkreślał, że przez całe życie zawodowe był urzędnikiem rosyjskim, ale nigdy nie ukrywał swoich narodowych przekonań.

Despot Zenowicz miał na uwadze poprawę położenia przebywających w Tobolsku polskich zesłańców. Uważał, że istotnym problemem jest dręcząca ich bezczynność i szukał możliwości wypełnienia im czasu. Za jeden ze sposobów na

przeciwdziałanie bezczynności uznał stworzenie godziwych warunków pracy dla wykształconych zesłańców. W tym celu chciał wyasygnować dla nich jednorazowe zasiłki w wysokości 150-1000 rubli (robotnikom na zakup narzędzi do pracy, ludziom wykształconym na organizację przedsiębiorstw) na rozwój własnej działalności. Chcąc przekonać do swojego pomysłu władze carskie, wskazywał na konkretną korzyść, mianowicie działalność taka mogłaby odciągnąć ich od zgubnych myśli o polityce [15, s. 64; 14, s. 136]. Zdaniem Swietłany Muliny: «Te środki miały sprzyjać rozwojowi przemysłu i handlu na Syberii i doprowadzić do zmniejszenia nakładów państwa [na rozwój tego regionu] oraz do szybszej integracji Polaków z życiem Syberii» [14, s. 168]. Projekt Zenowicza został uznany jednak przez władze carskie za zbyt liberalny. Obawiano się, że takie wsparcie finansowe będzie ewidentnie faworyzować Polaków. Niektórzy urzędnicy przewidywali nawet wykorzystanie przez nich pozyskanych środków na organizację przedsięwzięć antypaństwowych. Chcąc przeciwdziałać takim sytuacjom, generał-gubernator Syberii Zachodniej zaapelował do władz w Petersburgu, by nie przysyłać na Syberię wykształconych Polaków (np. lekarzy). Ponadto postulował usunięcie ze stanowisk urzędniczych wszystkich katolików, po których spodziewał się, że mogą udzielać pomocy materialnej zesłańcom.

Niezrażony tym Zenowicz powrócił do koncepcji wykorzystania zesłańców dla rozwoju Syberii po stłumieniu przez władze carskie powstania bajkalskiego w 1866 roku. Źródła buntu upatrywał w złym traktowaniu zesłańców. Postulował więc zapewnienie im odpowiednich środków materialnych, aby mogli pracować i asymilować się ze środowiskiem. Narzekał, że w ówczesnej sytuacji «Polacy mimowolnie zamykają się sami i tworzą jakiś ułudny świat, sztuczną przestrzeń, która jest anomalią życia społecznego» [14, s. 158].

«Czyżby los tysięcy ludzi, mechanicznie przykutych do życia, bez prawa do udziału w nim, bez prawa do pracy, może być

uznany za naturalny? Nie mając miejsca, gdzie by można było zdobyć kawałek chleba na każdy przychodzący, następny dzień, nie mając własnego kąta, uzależnieni od ludzkiego współczucia poszczególnych prywatnych osób, nie rozumiejąc miejscowego języka, nie wiedząc, za co się brać, by zdobyć dla siebie pożywienie, oprócz zarobków, możliwości których, biorąc pod uwagę ograniczony przemysł Syberii, są minimalne, w pierwszym okresie życia, po przybyciu na Syberię, są oni ludźmi całkowicie zależnymi od przypadków losu» [20, s. 157-158].

Zaniepokojony napływem zesłańców apelował do władz w Petersburgu o stworzenie dla nich lepszych warunków życia. Nie czekając na odpowiedź «podjął wiele decyzji, by zabiedzonej i zdesperowanej masie zesłańców ulżyć w ciężkim życiu» [9, s. 111]. Zainicjował budowę warsztatów rzemieślniczych, w których pracowali wygnańcy. Obsługiwane przez nich kuźnie, stolarnie, warsztaty szewskie, pralnie, browary i piekarnie stały się powszechnie znanymi w mieście. Dołożył starań, aby wybudować kilka kościołów [14, s. 144]. Docierał do poszczególnych zesłańców. Zaopiekował się np. 14-letnim zesłańcem z Nowogródka o nazwisku Doboszyński «wychował go, pomógł mu wstąpić do wojska» [23, s. 92].

Dbął o rozwój miejscowego życia kulturalnego. W swoim domu urządzał raz w tygodniu koncerty muzyczne, do udziału w których zapraszał polskich artystów. Zrodziło to wśród miejscowego towarzystwa swoistą potrzebę naśladownictwa. W wielu domach zaczęto okazywać względy polskim muzykom [10, s. 109-110]. I tak Despot Zenowicz osobistym przykładem zachęcił innych, a ponadto, wykorzystując swoje wpływy, nakłonił do zwrócenia uwagi na zesłańców, do «szanowania, a nawet honorowania zasługujących na to wygnańców» [6, s. 203].

Zabiegał o polepszenie losu rodaków zsyłanych za działalność patriotyczną. Dążył do poprawy warunków panujących w więzieniach, przede wszystkim zwracał uwagę na charakterystyczną dla tych miejsc ciasnotę. Pod jego nadzorem

więzienie tobolskie zmieniło się diametralnie. Urządził tam jadłodajnię dla chorych i starców na 140 osób. Przed przybyciem kolejnych transportów zesłańców gubernator, jakby nie dowierzając swoim urzędnikom «sam zjawiał się w więzieniu lub na punkcie zbornym, doglądał, rozpytywał, dawał odpowiednie zlecenia konwojującym kozakom – zawsze mając na widoku możliwe ulgi, polepszenie losu zesłańców. (...) Dla Polaków zesłańców w roku 1863 zrobił wszystko co tylko mógł, na co mu tylko jego urząd pozwalało, może nawet więcej... Starał się osłodzić los zesłańców, wpływami swymi zmniejszał kary, czynił w nich ulgę, stając jednak zawsze na gruncie prawa i sprawiedliwości i nigdy nie pozwalał sobie przekroczyć go choćby na jeden krok» [11, s. 288-289].

Mając na uwadze poprawę doli zesłańców, a przede wszystkim złagodzenie trudów podróży, przedstawił władzom memoriał, w którym udowodnił, że transport więźniów na podwodach jest nie tylko szybszy, ale też dużo tańszy. Postulat został wprowadzony w życie w roku 1864. Od tej pory nie tylko wysyłano więźniów podwodami, ale mogli oni również odpoczywać w chatkach wieśniaków, a nie jak wcześniej w «kazarmie etapowej» [21, s. 10].

Zenowicz, urzędnik carski, postępował zgodnie z własnym poczuciem uczciwości i przekonaniem narodowymi. Pomagał zsyłanym na Syberię Polakom, zorganizował w Tobolsku komitet opieki nad więźniami. Działał on dzięki wsparciu finansowemu znanego przedsiębiorcy Adolfa Kozieł-Poklewskiego oraz zaangażowaniu miejscowej społeczności polskiej.

Zrozumiałe jest więc, że przebywający na zesłaniu doskonale zapamiętali postać tobolskiego gubernatora i wspominali go wielokrotnie w swoich pamiętnikach. Benedykt Dybowski pisał po latach, że Zenowicz został «opatrznościowo, wyrokiem niebios zesłany, na jeden z głównych punktów etapowych w Tobolsku, kędy pędzono na Syberię ofiary, sądzone na zagładę. Wszyscy wygnańcy, po przybyciu do tego miasta,

odczuwali opiekuńcze, jak gdyby anielskie starania, usiłujące ulżyć ich cierpieniom, złagodzić ciężką ich dolę» [21, s. 3]. Wspominał też, że Despot Zenowicz odesłał mu pieniądze, zagrabione przez naczelnika więzienia w Tobolsku [3, s. 92]. Zapamiętał też Dybowski troskę Zenowicza o zesłańcach, podejmowanie prób ulżenia ich losowi, zabiegi o zmniejszenie kary.

W pamięci Zygmunta Mineyko tak zapisały się działania gubernatora:

«(...) po ulokowaniu się naszym w więzieniu przybył dla inspekcji gubernator tobolski, osoba o ślicznej postawie, należący do znanej polskiej rodziny, łaskawie i grzecznie zachowujący się: oświadczył nam, że gotów jest ulepszyć naszą sytuację i stać się pomocnym dla nas, jeżeli mamy do zakomunikowania skargi. Zapomniałem jego nazwiska, ale zdaje mi się, że był on z Wilna rodem. Zapoznał się on zaraz ze wszystkimi obywatelami zesłanymi na zamieszkanie w Tobolsku, pozwalając im na dowolne wyjście na miasto i powrót do więzienia na przenocowanie, dopóki nie wynajdą mieszkania (...)» [13, s. 421-422].

Michał Janik wyliczał przymioty Zenowicza: «sympatyczna postać (...) na wyższym stanowisku miał wyświadczyć bardzo wiele dobrego dla naszych zesłańców z powstania styczniowego [5, s. 232], (...) miał serce szlachetne i pragnął ulżyć niedoli wygnańców, przestrzegając zresztą ściśle litery prawa. Pamiętnikarze wspominają, że na przyjęcie wygnańców kazał wyczyścić specjalnie w podległej sobie guberni wszystkie etapy i więzienia, zaopatrzyć je w nowe tapczany, bieliznę, naczynia do jadła i ręczniki, opiekował się chorymi, miał łaskawe ucho na życzenia i prośby, rozmawiał po polsku» [5, s. 311].

Podobne opinie wyrażało wielu innych zesłańców. Chwalili go: Agaton Giller, Ludwik Jastrzębiec-Zielonka, Stanisław Półkozic-Plichta i Wacław Lasocki. Ten ostatni –

dzięki interwencji Despot Zenowicza u ministra spraw wewnętrznych został w roku 1866 zwolniony z ciężkich robót i uzyskał pozwolenie na osiedlenie. Podobnie pomógł Zenowicz Franciszkowi Nowickiemu oraz Dominikowi Bociarskiemu.

Jakub Gieysztor odnotował, że «w Tobolsku gubernator Zenowicz był bardzo czynny i użyteczny, a dla naszych bardzo życzliwy. Na całej drodze tutaj jedynie więzienia i szpital były utrzymane dobrze i uczciwie» [5, s. 345].

Inny zesłaniec, wspomniany już August Iwański-senior pisał, że dzięki staraniom Zenowicza «listy i pieniądze z kraju dochodziły do nas najakuratniej, odchodzące czy odpływające partie na wschód zaprowiantowane były starannie; pracę dla pozostałych w Tobolsku wynajdował, słowem był w położeniu naszym dobrodziejem opatrnościowym; przy strofowaniu i karaniu politycznych nutą dominującą, którą zawsze akcentował, było wdrażanie do szanowania sztandaru narodowego. Przyzwyczajony do bezwzględności i tonu rozkazującego, metodę tę w stosunku do wygnańców uprawiał (odzywał się wprawdzie po polsku, ale wszystkim „tykał”)» [4, s. 199].

Także Stanisław Matraś zapamiętał spotkanie z Despot Zenowiczem. Pisał o tym tak: «na trzeci dzień po naszym przybyciu do Tobolska przyjechał do więzienia gubernator Zenowicz (Polak, katolik, bardzo zacna osobistość) i wizytował wszystkich przybyłych do więzienia aresztantów. Korzystając z tej wizyty gubernatora, oskarżyliśmy przed nim nadzorcę więzienia, że pomieścił nas razem ze złodziejami i rozbójnikami i daje nam daleko gorszy wikt, aniżeli tym politycznym więźniom Polakom, którzy mieszkają w „dworzańskich” (szlacheckich) kazamatach i przyjeżdżają pocztą z żandarmami do Tobolska. Gubernator, wysłuchawszy naszej prośby, zburczał nadzorcę wobec nas i kazał nas pomieścić w izbie przeznaczony dla szlachty i wikt dać taki, jaki się nam należał. „W przeciwnym razie – dodał – pociągnę pana do odpowiedzialności i surowo za to ukarzę”» [12, s. 124].

Zesłańcy czuli nie tylko jego wsparcie, przekazywał im też pouczenia i wskazówki. Zalecał, by Polacy swoim zachowaniem i pracą dawali przykład innym. Sugerował zakładanie towarzystw wzajemnej pomocy i wspieranie najuboższych, sam dając w tej kwestii przykład i udzielając pomocy finansowej.

Czuli więc zesłańcy nie tylko pomoc finansową, ale i moralne oparcie, o czym wspominał Henryk Ostoja-Samborski: «Wlewał w serca nasze nadzieję powrotu do kraju i zalecał, abyśmy pamiętali, jaką zajmujemy pod względem narodowym pozycję i korzystali z każdej sposobności przygotowania się na pożytecznych obywateli kraju po powrocie» [17, s. 59-62]. Ostro też upominał tych, którzy – jego zdaniem dawali złe świadectwo. «Gdy się dowiedział o złej konduicie którego z członków tej rodziny [społeczności zesłańczej – JZ] wzywał go do siebie, strofował, namawiał do poprawy, mówiąc „nie rob pan wstydu imieniu polskiemu. Gdy jednak strofowanie nie pomagało, wysyłał niegodnych w dalekie okolice, ażeby uchronić społeczność polską w Tobolsku od wstydu i sromu» [21, s. 11].

Zesłańcy zachowali w pamięci obraz Zenowicza, «człowieka postawy wyniosłej, o prawdziwie męskiej piękności, zawieszistym czarnym wąsem ozdobionej, chodził po mieście zwykle w urzędowym wice mundurze, tj. we fraku ciemnozielonego koloru z błyszczącymi guzikami, wielką gwiazdą ozdobionym z lewej strony, trzymając w prawej ręce laskę żelazną, której, jak opowiadano, niejednokrotnie stante pede jak Piotr Wielki użył» [4, s. 200].

Despot Zenowicz jako urzędnik carski był świadomy, że sprzyjanie polskim zesłańcom może zakończyć jego karierę [27, s. 167-178]. Tak też się stało. W roku 1867 – w wyniku działań osób mu przeciwnych i donosów, których pisanie było w Rosji zakorzenione jako święty obowiązek każdego poddanego wobec cara, Zenowicz został odwołany ze stanowiska gubernatora. Argumentowano to następująco: «pod wieloma względami to

postać wyjątkowa, wyróżniająca się wśród wszystkich tobolskich gubernatorów (...), ale wydaje się całkiem nasycony duchem katolicyzmu, co mimo chęci zmusza patrzeć na jego działania z pewnym podejrzeniem» [19, s. 9].

Został mianowany członkiem rady przy Ministerstwie Spraw Wewnętrznych w Petersburgu. Sprawował tę funkcję przez 30 lat, ale «nie mógł już czynnie pomagać zesłańcom, ale i tak nie odmawiał pomocy Polakom przebywającym w Rosji» [21, s. 15-16]. Jednak angażował się w życie miejscowej Polonii [2, s. 203]. Z jego inicjatywy powstało Towarzystwo Dobroczynności przy kościele Św. Katarzyny. Wspierał także polskich badaczy. Kiedy Julian Talko-Hryncewicz zabiegał o uzyskanie zgody na pracę jako lekarz na Syberii i zwrócił się w tej sprawie do A. Despot Zenowicza, ten zapewnił mu rekomendacje i nie szczędził wskazówek [22, s. 214].

W roku 1897 odszedł ze służby urzędniczej i wyjechał do przyjaciół na Krym. Zmarł w Koreizie 26 kwietnia 1897 roku¹. Został pochowany w Petersburgu na cmentarzu Nikolskim przy ławrze Aleksandra Newskiego. «Wysoko ceniąc zasługi zmarłego, kupiectwo kiachtyńskie wzniosło nad jego mogiłą piękny pomnik, a znając uczucia Zenowicza jako Polaka, kazało wyryć na pomniku napis polski, obok rosyjskiego» [21, s. 19].

Pamiętano też o jego zasługach. W prasie rosyjskiej («Russkaja Starina», «Byłoje») i polskiej («Kraj», «Prawda», «Gazeta Warszawska», «Kurier Lwowski») ukazały się artykuły i wspomnienia. A współcześnie pamięć Aleksandra Despot Zenowicza uczczono w Kiachcie odsłonięciem pamiątkowej tablicy na domu, w którym mieszkał [19, s. 8-9].

Zenowicz wiele uczynił dla polskich zesłańców, wymógł na władzach carskich ich lepsze traktowanie [1, s. 22-27; 25, s. 22-27]. Niewątpliwie «(...) zasłużył sobie na ich wdzięczną

¹ Natomiast według W.S. Aleksander Despot Zenowicz 1896 zmarł 24 kwietnia 1895 roku // Kalendarz katolicki na rok 1896, Petersburg, 1896.

pamięć – we wszystkich wspomnieniach z tego okresu opinie o nim są wyjątkowo jednoznaczne» [7, s. 245]. Zasłużył na miano opiekuna i protektora polskich zesłańców. Bez przypomnienia jego działalności historia deportacji polskich zesłańców byłaby niepełna. «Dobrotliwa działalność byłego gubernatora Tobolska urosła w opowiadaniach tysięcy zesłanych do legendarnych rozmiarów» [21, s. 3] – te słowa Talko-Hryncewicz oddają w pełni wdzięczność, jaką otaczany był Zenowicz. A taką wdzięcznością i pamięcią darzy się tylko postacie szczególne, o wielkim sercu. Poznanie działalności Despot Zenowicza w szerszym kontekście historycznym, a przede wszystkim kierujących nim pobudek patriotycznych pozwala na obiektywną ocenę i uniknięcie stygmatyzacji Polaków w obcej służbie, odejście od powszechnego dość traktowania ich postaw jako zdrady.

Примечания

1. Ремнев А. В. Тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович // Таре 400 лет. Ч. 1. Омск, 1994. С. 22-27.

2. Bazyłow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1984. 473 s.

3. Dybowski B. Pamiętniki dra B. Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 636 s.

4. Iwański-senior A. Pamiętniki 1832-1876. opr. W. Zawadzki. Warszawa, 1968. 576 s.

5. Janik M. Dzieje Polaków na Syberji. Kraków, 1928. 472 s.

6. Jędrychowska B. Życie muzyczne polskich środowisk zesłańczych na Syberii w XIX wieku // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. A. Kuczyńskiego. Wrocław, 1998. S. 200-205.

7. Kaczyńska E. Syberia największe więzienie świata (1815–1914). Warszawa, 1991. 385 s.

8. Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa-Poznań, 2000. 405 s.

9. Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Krzeszowice, 2007. 703 s.
10. Lasocki W. Wspomnienia z mojego życia. T. 2. Kraków, 1933. 362 s.
11. Librowicz Z. Polacy w Syberji. Kraków, 1884. 380 s.
12. Matraś S. Podróż do Syberii po moskiewskich etapach w 1863 i 1864 roku. Lublin, 2010. 412 s.
13. Mineyko Z. Z tajgi pod Akropol. Wspomnienia z lat 1848-1866, opr. E. Kozłowski i K. Olszański. Warszawa, 1971. 551 s.
14. Mulina S. Migranci mimo swej woli. Adaptacja zesłanych powstańców styczniowych na Syberię Zachodnią. Warszawa, 2017. 244 s.
15. Nowak A. Zsyłka w kontekście imperialnej polityki Rosji // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane prof. W. Śliwowskiej. Lublin-Warszawa, 2008. S. 41-67.
16. Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. 434 s.
17. Ostoja-Samborski H. Wspomnienia z powstania 1863 i 1888. Kraków, 1888. S. 59-62.
18. Rawicz-Lipiński T. Nastroje niepodległościowe wśród emigracji polskiej w Rosji // Niepodległość. Czasopismo poświęcone dziejom polskich walk wyzwoleniczych w dobie powstaniowej. 1937. T. XV, № 1 (39). S. 46.
19. Semenov E. Ku pamięci Aleksandra Despot Zenowicza w Kiachcie // Rodacy. Pismo Syberyjskiego Kongresu Polaków w Rosji. 2011. nr 1 (54). S. 8-9.
20. Skok H. Polacy nad Bajkałem 1863-1883. Warszawa, 1974. 334 s.
21. Talko-Hryncewicz J. Aleksander Despota Zenowicz. Lwów, 1913. S. 5-6.

22. Talko-Hryniewicz J. Wspomnienia z lat ostatnich (1908-1932). Warszawa, 1932. 214 s.

23. W.S. Aleksander Despota Zenowicz // Kalendarz katolicki na rok 1896. Petersburg, 1896. S. 92.

24. Wasiliew W. Aleksander Despota Zenowicz // Głos znad Pregoły. 2004. № 8 (97). S. 5.

25. Wójcik Z. Aleksander Despota-Zenowicz w oczach zesłańców // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири : сб. науч. трудов / [редкол. С. А. Мулина и др.]. Омск, 2015. С. 130.

26. Wyjątki z podróży, odbytej przez ks. Krzysztofa Szvernickiego w krajach amurskich, w prowincji irkuckiej i gubernji irkuckiej, dla spełnienia posług duchownych katolikom, od 26 marca 1859 do 15 stycznia 1860 // Pamiętnik Religijno-Moralny. 1861. T. 7. S. 161-189.

27. Załączny J. «Prawie całe swoje życie byłem urzędnikiem rządowym, ale nigdy, w żadnym wypadku nie skrywałem swych politycznych i narodowych przekonań». Aleksander Despot Zenowicz – urzędnik carski, opiekun zesłańców // «Dusza urzędnika» – zewnętrzna akceptacja i wewnętrzna niezgoda? / red. N. Kasperek, M. Klempert. Olsztyn, 2015. S. 167-178.

Гулин А.С.
(г. Москва, Россия)

**К ВОПРОСУ О СТАТИСТИКЕ УМЕРШИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНОКАТОРЖНЫХ,
СОСЛАННЫХ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ ПОСЛЕ
ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863-1864 ГГ.**

В статье впервые предпринят опыт анализа статистических данных об умерших политических ссыльнокаторжных, сосланных в Восточную Сибирь после польского восстания 1863-1864 гг.

Ключевые слова: политические ссыльнокаторжные, статистика умерших, участники польского восстания 1863–1864 гг., III отделение.

Gulin A.S.
(Moscow, Russia)

**TO THE QUESTION OF THE STATISTICS
OF THE DECEASED BY POLITICAL EXILES,
EXILED TO EASTERN SIBERIA
BY THE POLISH UPRISING OF 1863-1864.**

In the article is the first to take the experience of analyzing statistical data about the deceased political exiles who were exiled to Eastern Siberia in the Polish uprising of 1863-1864.

Keywords: political exiled, statistics of the dead, participants in the Polish uprising of 1863–1864, III Division.

Введение

Вопрос о том, какова же действительно была смертность и каковы были ее причины среди сосланных в ссылку и

каторгу участников польского восстания 1863-1864 гг. до сих пор остается вопросом относительной предположительности и гипотетических рассуждений в целом во всей литературе, посвященной ссылке участников и лиц причастных к восстанию, отсюда вытекают разного рода предположения: «многие умерли», «много умерло» и прочее.

Более или менее внятные цифры о смертности по западно-сибирской ссылке польских инсургентов за период с 1863 по 1870 гг. приводит по данным Тобольского и Омского архивов в своей монографии С.А. Мулина, указывая на численность умерших в Западной Сибири в более 500 человек [7, с. 43]. Сама эта цифра может быть принята пока лишь как промежуточный результат исследования данной проблемы, до сверки полученных результатов С.А. Мулиной с полицейскими отчетами по линии МВД, имеющимися в архивных документах в делах Департамента полиции исполнительной, и теми же данными, имеющимися в делах III отделения. Кроме того, статистика С.А. Мулиной содержит методические ошибки, когда автор заверяет об «относительно молодой» смертности ссыльных, имея данные о возрасте только 72 умерших по отношению к цифре 500, что составляет всего 14,4% от общего числа, по которому невозможно сделать каких-либо твердых выводов. Какие гарантии могут быть в том, что остальные 85,6% относятся к категории до 30 лет. Зыбкость выводов С.А. Мулиной очевидна. Следующей ошибочной констатацией автора является то, что она рассматривает западно-сибирскую ссылку вне ее внутреннего движения, фиксируя лишь отток, в то время как внутри ссылки шло постоянное перемещение разных категорий ссыльных из одного вида ссылки в другую, в результате амнистий и послаблений, а также межрегионального перемещения – оттока ссыльных из Восточной Сибири и из внутренних губерний в Западную Сибирь. Вместе с оттоком из Западной Сибири постоянно шел и приток, в нее были частью перемещены: администра-

тивно сосланные во внутренние губернии; уволенные из сибирских гарнизонов, отданные туда в солдатчину участники восстания; уволенные из арестантских рот гражданского и военного ведомства; перемещенные из Восточной Сибири, получившие послабления по амнистиям.

Следующим исследователем, сосредоточившим свое внимание на смертности сосланных в Сибирь поляков-повстанцев, но уже в восточную часть Сибири, стал австралийско-американский историк, специализирующийся на сибирской ссылке, Эндрю Гентес, в его монографии «Массовая депортация поляков в Сибирь, 1863-1880». Пытаясь найти подтверждения своим предположениям о массовой гибели польских ссыльных в период их этапирования, так как сам пешеэтапный порядок следования в ссылку был, пожалуй, одним самых тяжелых испытаний для ссыльных, он поднял отчеты восточно-сибирских госпиталей и к своему разочарованию не нашел ничего убедительного для подтверждения своей версии, перейдя к рассуждениям в стиле «вероятно» и «вполне возможно», создавая полуфантастическую картину ссылки и каторги поляков-повстанцев, не располагая никакими убедительными материалами, полноценно не владея ни историографией вопроса, ни общим пониманием структуры сибирской администрации и системы политической ссылки [3, pp. 116-117, 146, 160-161, 224-225].

В данной статье, не пытаясь всеобъемлемо охватить этот сложный вопрос, как замечено выше, мы сосредоточили свое внимание на статистике смертности среди участников польского восстания 1863-1864 гг., сосланных на каторгу в Восточную Сибирь. Основу наших статистических данных составили полицейские отчеты о смертности среди политических ссыльных, хранящиеся в делах III отделения [1], а также список политических ссыльно-каторжных, составленный нами по военно-судным делам, отчетам восточно-сибирской ад-

министрации о политических ссыльных, по мемуарам самих ссыльных и иным косвенным архивным источникам.

Поводом для составления III отделением отчетности о смертности ссыльных среди политических преступников послужили слухи о высокой смертности среди последних, распространяемые самими ссыльными в письмах к родственникам [1, л. 1, 13]. Кроме того, и для МВД объективной необходимостью было информировать о смерти политических ссыльных власти прошлых мест проживания умерших с целью приведения родственниками усопших в порядок своих дел по брачным и наследственным делам. МВД циркулярами № 1 от 04 января 1864 г. и № 186 от 15 ноября 1864 г. обязало губернское начальство информировать наместника Царства Польского и генерал-губернатора Западного Края о смерти ссыльного «с приложением надлежащих свидетельств» [1, л. 15], вместе с тем краткий отчет о смерти ссыльного из МВД шел и в III отделение к.е.и.в. Само III отделение, также получало свои отчеты о смертности ссыльных по всем губерниям через губернских жандармских штаб-офицеров.

По этим дублированным отчетам и иным привлеченным, как выше сказано, данным нами был получен список из 167 человек, приговоренных к каторжным работам по польскому восстанию 1863-1864 гг. и умерших в период с 1863 по 1871 гг. Среди имен этих ссыльных оказались итальянец Луиджи Кароли и один россиянин, донской казак Степан Гуров, умерший от чахотки в каторжном лазарете. Гуров принял участие в восстании, попав в плен к повстанцам, сделав выбор между: или быть повешенным на березе, или повернуть оружие против своих соотечественников и соратников по оружию, в пользу последнего [6, s. 82]. Поэтому, без учета Гурова и Кароли, наш список умерших здесь сокращается до 165 человек.

По данным С.В. Максимова, приведенным им в его книге «Сибирь и каторга», всего по Январскому польскому восста-

нию было сослано в Сибирь на каторгу на 20 декабря 1866 г. 3894 человека [5, с. 179]. По уточненным нами цифрам по учету сосланных на каторгу с 1867 по 1871 гг., включая приговоренных заочно, число ссыльно-каторжных составило 4110 человек [4, с. 239], но прибыло к местам назначения гораздо меньшее количество, главной причиной которого было вовсе не смертность ссыльно-каторжных по дороге в Сибирь и не побег, а распределение части ссыльных этой категории в период общего хаоса при этапировании вместо каторги на поселение или житие, либо на водворение в Западной Сибири, главным образом в Томской губернии. Число этих затерявшихся каторжников предположительно достигает несколько сот человек, но точные данные отсутствуют. Максимально предполагаемое число прибывших на каторгу в Восточную Сибирь равно примерно 3500 человек, около 200 человек было размещено в Енисейской губернии в Троицком солеваренном заводе, остальные примерно поровну распределены в Иркутской губернии и Забайкальской области. Поэтому приводимые здесь статистические данные об умерших повстанцах-каторжниках мы применяем относительно 3500 человек.

По годам этот список умершим распределяется следующим образом:

Табл. 1

Го- ды	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871
	7	24	47	46	18	7	5	11

Умершие ссыльно-каторжные повстанцы по губерниям в 1864-1871 гг.:

Табл. 2

В Царст- ве Поль- ском	Енисей- ская	Забайкаль- ская об- ласть	Иркут- ская	Томская
1	22	5	132	5

Умершие ссыльно-каторжные повстанцы по месту пребывания в 1864-1871 гг.:

Табл. 3

До оглашения приговора в тюрьме г. Варшавы	По пути следования	На каторге	На поселении
1	10	132	22

Возрастные группы умерших ссыльно-каторжных повстанцев в 1864-1871 гг.:

Табл. 4

От 20 до 30 лет	От 30 до 49 лет	От 50 и старше
24	27	9

Умершие ссыльно-каторжные в острожных тюрьмах и лазаретах в 1864-1869 гг.:

Табл. 5

№	Губерния, область	Название больницы, лазарета	Количество умерших
1.	Енисейская губерния	Ачинская острожная больница	1
2.	Енисейская губерния	Красноярская острожная больница	8
3.	Иркутская губерния	Александровский винокуренный завод	14
4.	Иркутская губерния	Иркутская острожная больница	55
5.	Иркутская губерния	Иркутский солеваренный завод	16

6.	Иркутская губерния	Лиственничная, лазарет	1
7.	Иркутская губерния	Мишиха, лазарет	2
8.	Иркутская губерния	Усть-Кутский солеваренный завод	7
9.	Забайкальская область	Кадая, лазарет	1
10.	Забайкальская область	Петровский Завод, лазарет	1
11.	Томская губерния	Томская острожная больница	3
	Итого:		109

Из приведенной выше статистики видно (табл. 1), что наибольший всплеск смертности среди сосланных на каторгу повстанцев падает на 1866 (47 чел.) и на 1867 (46 чел.), что в общем соответствует периоду наибольшей концентрации ссыльных этой категории в каторжных тюрьмах, и рост численности умерших соответствует общему росту численности политических каторжных в эти годы. Однако, в тот же период вспыхнуло и восстание польских каторжников на Кругобайкальской дороге, при подавлении которого несколько человек (до 30) [2, л. 2, 25 об.] погибло и было тяжело ранено, а 4 руководителя восстания – Нарцис Целинский, Густав Шарамовия, Яков Рейнер, Владислав Котковский – расстреляны. Также и в литературе об этом восстании никаких данных о числе погибших во время этого события не приводится [8]. Соответственно, это восстание, как экстраординарное событие, значительно повлияло, если так можно выразиться, на нормальную статистику, но были ли погибшие во время восстания включены в отчеты об умерших в госпиталях или нет, неизвестно, хотя и из нашего списка видно, что среди умерших в 1867 г. в каторжных тюрьмах Иркутской губернии 19

человек проходили по делу о Кругобайкальском восстании, опять же, возможно, что основная часть из них умерла от полученных ран, все это требует уточнений.

Таким образом, из таблицы № 2 можно видеть, что среди губерний (областей) Забайкалье, где находились самые строгие и жесткие каторжные тюрьмы Нерчинских рудников и заводов, такие, как прежде всего, Акатуевский рудник, в отношении числа умерших каторжников занимает первое место по самому низкому уровню смертности поляков-каторжников в Восточной Сибири, а Иркутская губерния – первое по самому высокому уровню смертности, где только в одной иркутской острожной больнице умерло 55 человек данной категории. Из таблицы № 4 видно по известным данным о возрастном составе умерших каторжников, что наибольшая смертность была в средней возрастной группе от 30 до 49 лет, но тем не менее без полноты данных нельзя сделать твердого и окончательного вывода о том, в какой именно возрастной группе смертность была более высокой.

Заключение

Говоря о жесткости режима содержания и быта, низкого уровня гигиены и медицинской помощи, тесноты помещений и тяжести каторжных работ, которые чаще всего подчеркиваются в литературе как мемуаристами, так и исследователями русской политической каторги, следует заметить, что несмотря на примитивность и отсталость каторжной системы в Российской империи в 60-70 гг. XIX в., которая, находясь в стадии затяжного перехода от николаевской каторги к новой, в то время пока еще к неопределенной системе, в целом, что необходимо отметить, не носила такого истребительного характера, который ей пытаются приписывать недобросовестные критики, а отношение к польским политическим ссыльно-каторжным скорее было слишком гуманным, нежели излишне жестоким. В конечном итоге показатель смертности – это главный индикатор гуманности или жестокости той или

иной системы. Из приведенной нами статистики видно, что из 3500 польских инсургентов, прошедших через восточно-сибирскую каторгу, всего умерло 165 человек или 4,72% от общего числа, или 47,2 на 1000 человек. Если же взять только тех, кто умер непосредственно на каторге, а не по пути следования и на поселении после полученных послаблений, то цифры будут выглядеть следующим образом: 3,77% от общего числа или 37,7 на 1000 человек. Верхний и нижний показатель смертности по каторжным, приведенный выше, вполне себе вписывается в рамки статистики по смертности среди заключенных по промышленно развитым странам (Франция, Пруссия, США) второй половины XIX в., в которых смертность среди тюремного населения, несмотря на всю «передовую» систему, колебалась в пределах 3,5-5% от среднегодового числа заключенных, только в Англии этот показатель был равен 1,5% [9]. Однако, надо заметить, что известная система этапирования британских каторжных по морю *hulk prison ships* – в Австралию, и такая же система этапирования во Франции – во Французскую Гвиану, давала смертность, доходившую до 60% от числа перевозимых морем каторжников.

Отсюда, слухи о жестокости русской системы каторги и ссылки довольно сильно преувеличены, и статистика о смертности только подтверждает наши выводы. Но для большей убедительности сама проблематика требует еще дальнейшей разработки. Пока же к нашим выводам мы относимся, хотя и как к достаточно показательным, но все-таки, прежде всего, как к промежуточным.

Примечания

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф. 109. 1864. Оп. 39. Д. 266. («О смертности политических преступников»).

2. ГА РФ. Ф. 109. 1866. Оп. 206. Д. 119. («О возмущении ссыльнокаторжных поляков, работавших на Кругобайкальской дороге в Иркутском округе»).

3. Gentes A. A. The mass deportation of poles to Siberia, 1863-1880. Alstead, NH, USA : Palgrave Macmillan, 2017. 262 p.

4. Гулин А. С. «Во глубине сибирских руд...»: к вопросу о характере повседневных каторжных работ политических ссыльно-каторжных на Нерчинских рудниках в 60–70-е годы XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6 (39). С. 235-251.

5. Максимов С. В. Сибирь и каторга // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Книговек, 2010. Т. 2, Ч. II–IV. С. 7-638.

6. Meżyński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i syburskiej katorgi 1863-1869. Tarnopol, 1910. 164 s.

7. Мулина С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб : Алатая, 2012. 198 с.

8. Коваль С. Ф. За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 191 с.; Лейкина-Свирская В. Р. О характере восстания ссыльных поляков на Байкале в 1866 г. // Исторические записки. Т. 72. М. : АН СССР, 1962. С. 229-243; Митина Н. П. Во глубине сибирских руд (К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте). М. : Наука, 1966. 144 с.; Skok H. Powstanie polskich zesłańców za Wajkałem w 1866 roku // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1963. T. 54/2. S. 244-269.

9. Наконечный М. Ю. Смертность заключенных в отечественной пенитенциарной системе в 1885-1915 и 1930-1953 годах: сравнение в историческом контексте. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=2284>; Смертность в тюрьмах индустриальных стран XIX – нач. XX века: краткий обзор проблемы, исторический фон для сравнения с Российской Империей 1880-1917 гг. URL:

<https://corporatelielivejournal.com/18731.html>.

Семенов Е.В.
(г. Улан-Удэ, Россия)

**ПОЛЯКИ В ВЕРХНЕУДИНСКЕ
В 60-80-Е ГГ. XIX В.**

В статье рассматриваются вопросы формирования польской диаспоры г. Верхнеудинск во второй половине XIX – начале XX вв. Автор рассматривает влияние польской политической ссылки и добровольного переезда поляков в Сибирь на увеличение количества поляков в городах Сибири, в том числе и Верхнеудинска. В статье рассматриваются основные виды деятельности поляков и их вклад в развитие экономики и культуры Забайкалья.

Ключевые слова: польские политические ссыльные, Верхнеудинск, католический костел.

Semenov E.V.
(Ulan-Ude, Russia)

**POLES IN VERKHNEUDINSK
IN 60-80-TH XIX CENTURE**

The article discusses the formation of the Polish community in Verkhneudinsk in the second half of XIX – early XX centuries the Author examines the influence of the Polish political exile and voluntary relocation of poles to Siberia to increase the number of poles in Siberian cities, including Verkhneudinsk. The article discusses the main activities of poles and their contribution to the development of the economy and culture of Transbaikalia.

Key words: Polish political exiles, Verkhneudinsk, catholic church.

В истории большинства сибирских и забайкальских городов свой заметный след, наряду с представителями других национальностей, оставили и поляки. Не является исключением и столица Бурятии – Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск).

Уже в числе первых казачьих отрядов можно встретить лиц с польско-звучащими фамилиями, которые возможно были польскими пленными периода польско-московских войн и были отправлены на военную службу в Сибирь. Первыми казаками, служившими в Верхнеудинске в конце XVII – первой половине XVIII в. были: Березовский Яков, Бурдуковский Василий, Бурдуковский Прокопий (десятник), Запольский Захар, Ослоповский Алексей, Ослоповский Иван, Преловский Степан, Таракановский Савин, [16, с. 11].

В рамках настоящей статьи мы остановимся на описании истории поляков в Верхнеудинске во второй половине XIX – начале XX вв. В рассматриваемый период Верхнеудинск являлся небольшим городом, входящим в состав Забайкальской области. Согласно статистической отчетности города за 1877 г. «Обыватели города Верхнеудинска занимаются продажей товаров мелочной торговлей, разными ремеслами, извозничеством, срочною и поденною работами в городе и золотых приисках» [4, л. 13]. В городе на тот момент проживало всего 4244 человека. В городе проводились традиционные ярмарки, которые привлекали большое количество торговых людей практически со всей Сибири. Значительную роль в экономике и культуре города второй половины XIX в. играло местное купечество.

В Верхнеудинске во второй половине XIX в. проживали представители 15 национальностей, основное население было представлено русскими, второй по численности группой были евреи, также проживали буряты, китайцы, поляки, татары и др.

Промышленное развитие города в рассматриваемый период было представлено небольшими мелкотоварными предприятиями и зарождающимися предприятиями фабричного типа.

На протяжении всего XIX в. Верхнеудинск являлся одним из пунктов, расположенных на знаменитом «кандалном» пути, протянувшемся из Центральной России вплоть до Дальнего Востока. Проходили через Верхнеудинск и его тюремный замок многочисленные ссыльные участники польских восстаний. До нашего времени практически не сохранились воспоминания ссыльных поляков о пребывании в верхнеудинской тюрьме. Очень краткое упоминание о пребывании в Верхнеудинске содержится в воспоминаниях Б. Дыбовского: «Пребывание в Верхнеудинске продолжалось недолго. <...> Из Верхнеудинска, городка плотно заселенного евреями, вела дорога в город Чита, поднимаясь все выше к вершинам Яблонового хребта» [17, с. 77].

После отбывания наказания каторжных работ польские ссыльные направлялись на поселение. Основными местами поселений им были назначены русские села Иркутской губернии и Забайкальской области. Причем большая часть ссыльных направлялась на западную сторону Байкала. В числе мест поселений им предназначались деревни, где не всегда можно было найти достойный заработок. Именно поэтому ссыльные поляки искали более удобного места проживания и возможности прокормить себя, а в некоторых случаях и семью, которыми они к тому времени обзавелись. Такими местами оказывались сибирские города. Поляки старались переводиться в города, получая годовые билеты, разрешавшие им заниматься ремеслом, торговлей и находиться в услужении у местных жителей. Больше всего поляков оказывалось в крупных губернских городах. М. Орфанов, посетивший Иркутск в 70-е гг. XIX в. отмечал:

«Гостиница, где мы остановились, содержалась «политическими ссыльными». Все прислуживающие в ней, начиная от буфетчиков и кончая работником, который возил дрова, воду и проч. – политические ссыльные; нанимаешь извозчика, он оказывается политическим преступником; заходишь в колбасную, молочную, к портному, к сапожнику, словом к любому ремесленнику и мелкому торговцу – все политические! ... Надо отдать справедливость ссыльным полякам; это люди на все руки, и я сомневаюсь, чтобы евреи, – этот народ, бесспорно даровитейший на разные гешефты, мог с ними в Сибири конкурировать. Поляки захватили все: в медицинской и адвокатской практике они первенствуют; магазины с готовым платьем, бельем, обувью и прочим подходящим товаром в руках их; рестораны и гостиницы, безусловно, все польские; большинство служащих на золотых приисках, в коммерческих конторах, в банках – поляки!» [10, с. 4-7]. Много поляков проживало в Томске, Красноярске, Чите и других крупных городах Сибири.

По свидетельству старожила Верхнеудинска и одного из наиболее известных его жителей М.В. Танского: «В Верхнеудинске в 70-80 гг. преобладало русское население, но было немало и евреев и несколько татарских семейств, проживали здесь поляки-повстанцы, отбывавшие ссылку за польское восстание» [15, с. 30].

По данным Ведомости о политических ссыльных, находящихся на причислении в Верхнеудинском округе Забайкальской области за 1879 г. в самом Верхнеудинске по билетам окружных исправников проживали: Громчевский Казимир, Брудницкий Ян, Завалевич Иаким, Жаховский Игнатий, Кобылинский Адольф, Глембоцкий Эразм, Борисик Рох, Залевский Владимир, Журкевич Владислав, Ковальский Николай.

М.В. Танский также был лично знаком с некоторыми польскими ссыльными: «Поляков проживало в городе немного, были они разбросаны и по уезду. Я знал нескольких, но в особенности хорошо некого М...го, служившего у одного из местных купцов доверенным, часто бывавшего в нашей семье. Мне довелось лично слышать от него рассказы о восстании поляков в 60 гг. на Кругобайкальском тракте, который они тогда в таежных дебрях прокладывали» [15, с. 34].

В 70-е гг. XIX в. в ряде сибирских городов прокатилась волна пожаров. В большинстве случаев городские власти и местное население обвиняло в участившихся пожарах пришлый элемент и как правило наиболее подозреваемыми оказались ссыльные поляки. К тому времени большая часть польских ссыльных уже отбыли наказание каторжными работами и были переведены на поселение.

Точно также, после одного из небольших пожаров в Верхнеудинске, состоявшемся в 1876 г., в нем обвинили польских ссыльных. Как свидетельствует М.Н. Танский: «Ходили тогда слухи, может быть, и вздорные, что поджигателями являлись будто бы мстители поляки-патриоты за подавленное польское восстание» [15, с. 40]. Проживавшие в Верхнеудинске ссыльные поляки тотчас же были выдворены из города на места своего официального причисления, что, конечно же, самым негативным образом повлияло на материальное состояние ссыльных.

Факт выдворения ссыльных из Верхнеудинска подтверждает польский ссыльный В. Журкевич, который в своем прошении от 11 мая 1885 г. на имя Верхнеудинского окружного исправника сообщает следующее: «В 1873 г. при распределении политических по разным местам Забайкальской области я был причислен к Мухоршибирской волости и того же селения жительство же мне с разрешения господина военного губернатора было безотлучно в городе Верхнеудинске

до 1876 года, когда после бывших пожаров в этом году мне приказано было в числе многих оставить город и переехать на Кульский почтовый станок» [11, с. 287].

Проживавшие в Верхнеудинске польские политические ссыльные старались занять свое место в экономической жизни города. В основной своей массе польские ссыльные занялись ремесленным производством и мелкой торговлей. Упомянутый выше В. Журкевич, проживая в Верхнеудинске, занимался изготовлением копченостей и колбасных изделий. Также переработкой мяса и изготовлением колбас зарабатывал на жизнь Н. Ковальский, переехавший в Верхнеудинск из с. Никольское Мухоршибирской волости. М.В. Танский отмечал: «Колбасный магазин отсутствовал, колбасы делались домашние, окорока отдавали коптить специалисту этого дела, а то и сами коптили» [15, с. 59].

В 1876 г. прошение на содержание одной баржевой лошади в городскую управу подал Ян Табаровский [3, л. 25]. Его жена Улита проживала в Верхнеудинске и в конце XIX в. и имела свой дом на ул. Приютской, состоявший из одноэтажного дома, флигеля, амбара, бани, завозни и сеновала [6, л. 4 об. – 5].

Поляки старались вводить в сибирских городах новые направления производства, которые ранее не получили здесь своего развития. Одним из таких направлений экономики являлось кондитерское производство. М.В. Танский об этом сообщал следующее: «Кондитерская была одна ссыльного поляка Г...го, скромная, и кондитерское дело не развивалось. Горожане предпочитали довольствоваться домашними тортами, пирожными и печеньями» [15, с. 59].

Скорее всего М.В. Танский сообщает о кондитерской Эразма Гленбоцкого, который в 70-е гг. проживал в Верхнеудинске и занимался здесь торговлей и изготовлением хлебобулочных и кондитерских изделий. В апреле 1879 г. иркут-

ский полицмейстер сообщал верхнеудинскому окружному исправнику о выдаче Э. Гленбоцкому билета на проживание его в Верхнеудинске [8, л. 4-4 об.]. Э. Гленбоцкий был родом из Великого княжества Познанского и принял участие в польском национально-освободительном восстании 1863-1864 гг. После отбытия наказания каторжных работ был переведен на поселение в Тельминскую волость Иркутского округа Иркутской губернии. Гленбоцкий имел семью, жену Анну Станиславовну и сына Эразма [7, л. 31 об. – 32]. По свидетельству Ю. Талько-Грынцевича, из-за неудач в Верхнеудинске Гленбоцкий был вынужден переехать в Троицкосавск, где у него был постоянный двор и кондитерская.

Некоторые польские ссыльные занимались ремеслом, которым владели. В частности, в Заудинском предместье Верхнеудинска были расположены мыловаренный, свечной и керосиновый заводы Роха Борисик. В ноябре 1875 г. он сообщал полицейскому надзирателю следующее: «Имею честь объяснить, что мыловаренного, свечного и керосинового завода у меня в настоящее время не существует, а хотя для опыта и были устроены мною в виде тех заводов при доме урядника Сахарова, но таковые в прошлом году сгорели, а что таковые имеют быть вновь мною по возможности устроены на взятой с торгов от Верхнеудинской городской ратуши чиновником Гантимуровым арендованной земле, переданной Г-ну Гантимуровым мне. Земля эта находится за р. Удой под бывшими казачьими лагерями. Причем присовокупляю, что формы и инструменты для означенных заводов у меня находятся в настоящее время в готовности. Рох Борисик» [2, л. 6].

Одним из наиболее распространенных и прибыльных видов экономической деятельности польских ссыльных в Забайкалье являлась торговля. Многие поляки активно включались в торговлю и преуспевали в этом виде деятельности. Наиболее известным польским ссыльным, сделавшим значи-

тельный капитал на торговле чаем, являлся Константин Савичевский, проживавший в Троицкосавске в 50-е – начале 60-х гг. XIX в. В Верхнеудинске регулярно проводились ярмарки, позволявшие также и полякам зарабатывать на торговле. Одним из преуспевающих польских ссыльных, проживавших в Верхнеудинске во второй половине XIX в., являлся Владимир Залевский. В гостинных рядах города он имел свой магазин и содержал чайную. Некоторые являлись поверенными верхнеудинских купцов в их торговых операциях.

Одним из наиболее известных поляков Верхнеудинска второй половины XIX – начала XX в. является Владимир Залевский.

Владимир Залевский был участником польского восстания 1863-1864 гг. и был приговорен к каторжным работам в Сибири. После перевода на поселение решил поселиться в Верхнеудинске, где занялся торговлей. В скором времени смог заработать достаточно денег, чтобы построить дом. В настоящее время его дом, находящийся по ул. Советская 5а, включен в список объектов культурного наследия Республики Бурятия.

В 1906 г. он задекларировал доход в 2400 руб., владел двумя домами в городе, торговой лавкой, пекарней и арендовал участок земли на Верхней Березовке. В 1908 г. состоял членом Верхнеудинской городской управы [1, с. 57].

Сибирские и забайкальские купцы охотно принимали на работу польских ссыльных в качестве бухгалтеров и управляющих своими торговыми и ремесленными предприятиями. В 80-е гг. XIX в. в Верхнеудинске проживал А. Кобылинский, который занимался делами Верхне-Амурской золотопромышленной компании.

Управляющим Николаевским винокуренным заводом верхнеудинского купца Н.И. Голдобина в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. являлся польский ссыльный Эдуард Печоро

[11, с. 225]. В 1889 г. он скоропостижно скончался в с. Никольское и его имущество было передано брату.

В конце XIX в. в Верхнеудинске начинает формироваться небольшая польская община, состоящая в основном из находившихся на поселении в городе польских ссыльных участников восстания 1863-1864 гг., а также добровольно приехавших в Забайкалье специалистов, врачей, чиновников и учителей [14]. Самым известным врачом, антропологом и археологом на территории Бурятии, несомненно, является Ю.Д. Талько-Грынцевич, служивший в Кяхте.

Таблица 1.

**Количество поляков, проживавших
в Верхнеудинске в конце XIX – начале XX вв.**

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1887 г.	24	9	33
1888 г.	24	9	33
1890 г.	25	11	36
1891 г.	25	12	37
1892 г.	23	11	34
1894 г.	25	13	38
1895 г.	59	15	74
1896 г.	60	18	78
1899 г.	62	20	82
1901 г.	60	30	90
1904 г.	97	68	165
1909 г.	107	115	222
1910 г.	136	122	258
1913 г.	123	140	263
1915 г.	131	153	284

В 80-90-е гг. XIX в. польское население Верхнеудинска проживало не только в самом городе, но и на участках ре-

монта путей и зданий Забайкальской железной дороги, расположенных в пределах дач города. В ежегодных отчетах о численности народонаселения железнодорожники поляки фиксировались и отмечались как жители Верхнеудинска.

В этот период социальный состав поляков Верхнеудинска подвергается серьезным изменениям. Происходит значительное увеличение количества поляков. В городе продолжали жить ссыльные участники польского национально-освободительного восстания 1863-1864 гг. и их потомки, в то же время в город начинают прибывать добровольные переселенцы из Польши. В основном это были, как уже отмечалось выше, строители Забайкальской железной дороги, а также специалисты, работавшие в железнодорожном депо и на обслуживании подвижного состава железной дороги.

Среди сотрудников Верхнеудинской почтово-телеграфной конторы в начале XX в. также числилось несколько поляков. В конторе служили Чарнявский Станислав Станиславович и Чарнявская Анна Иокимовна, Пуцилло Мария Михайловна, Игнатовский Петр Лукич, Кисляковский Гавриил Степанович и Домбровский Алексей Андреевич [5].

Одним из важных центров объединения польской общины является наличие католического храма. Католическая вера всегда объединяла поляков и позволяла перенести тяжелые условия существования. Католики Верхнеудинска во второй половине XIX – начале XX в. окормлялись священником, приезжавшим из Читы. В связи с тем, что читинский приход включал в себя территорию всего Забайкалья, священнику приходилось преодолевать значительные расстояния, чтобы посетить всех католиков. Поэтому совершать богослужения, крестить родившихся, сочетать браком новобрачных, исповедовать, отпевать умерших он мог только несколько раз в году. В связи с этим католики Верхнеудинска в 1907 г. обратились к местным властям за разрешением по-

строить в Верхнеудинске католический храм и направить постоянного священника.

Католический храм в Верхнеудинске был освящен в 1909 г. [12, с. 103]. Большую роль в организации прихода и строительстве храма сыграл В.И. Залевский. Храм просуществовал недолго, в 1932 г. он был закрыт.

С началом Первой мировой войны Верхнеудинск становится глубоким тылом и город был избран местом размещения лагеря военнопленных германской и австрийской армий. В числе военнопленных австрийской армии оказалось большое количество славян, проживавших на территории Австро-Венгерской империи, в том числе и поляков из Галиции. В лагере военнопленных в Верхнеудинске оказался врач Пшецлав Смолик, который оставил воспоминания о своем пребывании в Верхнеудинске и на территории Бурятии.

Первоначально П. Смолик находился в качестве военнопленного в лагере на Нижней Березовке, но со временем был переведен на должность врача госпиталя Красного креста, расположенного в Верхнеудинске. Связано это было с тем, что всех больных из лагеря военнопленных отправляли на излечение в Верхнеудинск, а поскольку врачей в городе не хватало местные власти попросили о командировании военнопленного врача при условии, что он будет славянином. П. Смолик был направлен в отделение заразных болезней, но хотя отделение было закрыто летом 1915 г., его не возвратили в лагерь и более того оставили работать в госпитале. В госпитале П. Смолик отработал четыре года, факт его службы зафиксирован в платежных ведомостях госпиталя Красного креста. После окончания Первой мировой войны П. Смолик принял решение вернуться на родину и весной 1918 г. он отправился в Польшу [13].

Окончание Первой мировой войны ознаменовалось и распадом Российской империи. Польша получила независи-

мость. Созданное польское правительство направило свои усилия на возвращение поляков в новое независимое государство.

Одной из самых известных акций явилось спасение польских детей из охваченной Гражданской войной Советской России и вывоз их в Польшу¹.

В 1918 г. в среде поляков, проживавших в Сибири, возникают идеи возвращения на получившую независимость Польшу. В это же время повсеместно в России создаются организации, ставившие своей целью организацию жизни поляков.

23 июня 1918 г. в Самаре была создана организация под названием «Польский революционный комитет по борьбе за свободу и объединение Польши» [18, с. 352]. С созданием этой организации тесным образом связана организация польских военных формирований в Сибири. Под началом комитета во многих городах Сибири появляются сборные пункты, деятельность которых была направлена на формирование военных отделов из числа поляков, находившихся на тот момент в Сибири.

Подобный сборный пункт, получивший название Польского легиона, появился в начале октября 1918 г. в Верхнеудинске. Под общим названием Польского легиона скрывалось две организации, сам сборный пункт с канцелярией и канцелярия уполномоченного (эмиссара) польского военного комитета. Параллельно с этими двумя организациями в Верхнеудинске осуществляло свою деятельность Верхнеудинское польское общество помощи жертвам войны.

¹ Об акции возвращения польских детей в 1918-1920 гг. опубликован материал А.И. Виноградовой и снят фильм «Сибирские сны» (“Syberyjskie sny”), реж. Э. Мисевич.

Сборный пункт польских войск в Верхнеудинске находился в подчинении штаба польских войск, размещавшегося в Новониколаевске (совр. Новосибирск).

Основной целью деятельности Польского легиона в Верхнеудинске была консолидация польского населения, информирование о положении дел в возрожденной Польше и содействие в возвращении поляков на родину.

8 октября 1918 г. комендант сборного пункта польских войск обратился в Верхнеудинскую городскую управу с просьбой выделить помещение для размещения канцелярии сборного пункта и канцелярии Уполномоченного военного комитета. Одним из вариантов он предлагал расположенное в центре города на Закалтусной улице (совр. ул. Профсоюзная) здание «Народного дома». Городские власти положительно решили этот вопрос и помещение «Народного дома» было выделено для размещения в нем Польского легиона.

В мае 1919 г. эмиссар Польского военного комитета г. Верхнеудинска М. Шостаковский объявил о повсеместной регистрации всех лиц польского происхождения, работавших на железной дороге, с целью организации отправки квалифицированных железнодорожников в Польшу.

Объявление коменданта польского сборного пункта от 31 июля 1919 г. гласило: «все поляки от 17 до 40 лет (включительно), к какому бы подданству они до настоящего времени не принадлежали, без различия их состояния и занимаемого ими положения (военнопленные, военнообязанные или гражданские лица), а также все лица, принявшие польское подданство, должны в кратчайшие сроки явиться с документами в канцелярию коменданта польского сборного пункта (Закалтусная ул., Народный Дом) от 10 до 2 часов дня для регистрации» [9, с. 111].

В период 1919-1920 гг. значительная часть поляков, проживавших в Верхнеудинске, покинула город. Дальнейшая

история польской диаспоры Сибири и Забайкалья формировалась в совершенно новых условиях, что также требует своего детального исследования.

Примечания

1. Бутывченко В. А., Семенов Е. В. Поляки в Верхнеудинске в XIX – начале XX вв. (исторический экскурс) // Польский след в истории и культуре Сибири : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Полонийные чтения – 2006», 7 дек. 2006 г. В 2 ч. Ч. 2. / науч. ред. В. В. Гапоненко. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2006. С. 49-58.

2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 8259.

3. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 10. Оп. 1. Д. 115.

4. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 220.

5. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2874.

6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2971.

7. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 379.

8. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 918.

9. Гребенщиков Н. Д. Жизнь польской общины г. Верхнеудинска в 1918-1919 гг. // Поляки в Бурятии. Т. 4. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2003. С. 101-113.

10. Орфанов М. И. В дали (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни Мишла (М. И. Орфанова). М. : Типо-литография И. Н. Кушнерев и К., 1883. 420 с.

11. Польские политические ссыльные в Бурятии (1847-1919 гг.) : сб. док. Гос. архива Республики Бурятия. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2016. 415 с.

12. Семенов Е. В. Католическая церковь Забайкалья (1839-1930 гг.) : очерк истории. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2009. 161 с.

13. Семенов Е. В. Польские военнопленные Первой мировой войны на территории Западного Забайкалья // Сбор-

ник статей по материалам круглого стола «Первая Мировая война в истории Байкальского региона», посвящ. 100-летию со дня начала Первой Мировой войны (г. Улан-Удэ, 16 окт. 2014 г.). Улан-Удэ, 2015. С. 117-127.

14. Семенов Е. В. Становление колонии Забайкалья // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог : материалы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23-24 апр. 2013 г.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 304-313.

15. Танский М. В. Верхнеудинск – Улан-Удэ : очерк. Улан-Удэ : НоваПринт, 2016. 112 с.

16. Тиваненко А. В. Приказные люди Удинского острога // Верхнеудинск : вехи истории (4 апр. 2014 г., г. Улан-Удэ) : материалы науч.-практ. конф. / Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской православной церкви, Общество культуры семейских Республики Бурятия, Общество русской культуры Республики Бурятия, Национальная библиотека Республики Бурятия. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2014. С. 6-12.

17. Pamiętnik dra Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 600 s.

18. Scholze-Srokowski Wl. V Dywizja Strzelcow Polskich na Syberii // Kuczynski A. Syberia. Cztery lata polskiej diaspory: Antologia historyczno-kulturowa. Warszawa-Wroclaw, 1995. S. 351-367.

УДК 94(571.54)(=162.1)+91:061.2(091)

Мостовщикова Г.Н.
(г. Кяхта, Россия)

**УЧАСТИЕ ПОЛЯКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТРОИЦКОСАВСКО-КЯХТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

В 2018 г. исполнилось 110 лет со дня отъезда из г. Троицкосавска первого правителя дел ТКО ПО ИРГО Ю.Д. Талько-Грынцевича. Результатом его научной и общественной деятельности стало открытие Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества и краеведческого музея. Вклад его в антропологию, изучение археологии края неопеним. История музея хранит имена поляков, внесших вклад в становление и развитие музея, в пополнение его коллекций и публикацию Трудов о деятельности ТКО ПО ИРГО.

Ключевые слова: Кяхта-Троицкосавск, географическое общество, музей, научная деятельность, управитель дел, экспедиции, Труды, исследования, купечество, консерватор.

Mostovshchikova G.
(Kyakhta, Russia)

**PARTICIPATION OF THE POLES IN THE ACTIVITIES
OF THE TROITSKOSAVSKY-KYAKHTINSKY BRANCH
OF THE AMUR DEPARTMENT OF THE IMPERIAL
RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY**

In 2018, 110 years have passed since the departure of the first Ruler of the affairs of the TKB of the IRGS Yu.D. Talc-Gryntsevich from Troitskosavsk. The result of his scientific and

social activities was the opening of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society and the local history museum. His contribution to anthropology, the study of the region archeology is invaluable. The history of the museum keeps the names of the Poles who have contributed to the formation and development of the museum, to the replenishment of its collections and to the publication of the Works of the TKO software of IRGO activities.

Key words: Kyakhta-Troitskosavsk, geographical society, museum, scientific activity, case manager, expeditions, Works, studies, merchants, conservative.

В 1890 г. в городе Кяхта-Троицкосавск был основан краеведческий музей, и в 1894 г. открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.

Как известно, в XIX в. в Кяхте-Троицкосавске проживало немало поляков, внесших весомый вклад в развитие экономики, культуры, науки, градостроительства, администрирования. Это были в основном высоко образованные люди с передовыми взглядами, инициативные, стремящиеся принести пользу городу, который называли «чайной столицей» [7, с. 147].

Многие из них были членами ТКООИРГО, вели исследовательскую, научную деятельность, проводили краеведческую работу, собирали различные данные по климату, природе, населению, археологии, флоре и фауне края. В истории РГО известны такие имена: Ю.Д. Талько-Грынцевич, В.С. и М.И. Молессон, К.В. Лессановский, М.В. Лисовский, Н.Г. Желвицкий, И.П. Михайловский, Н.Г. Титовский, С.И. Залеский, К.В. Талько-Грынцевич, П.О. Матиясевич, С.А. Хамский, А.Ф. Губаревич-Радобильский [20, с. 40-43].

У истоков образования ТКОПОИРГО стоял поляк Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич, который приехал в Троицкосавск вместе с женой Кристиной Викторовной (Шабуневич) по ходатайству бывшего градоначальника поляка по происхождению Александра Ивановича Деспот Зеновича в 1892 г. [8, с. 39-40].

Шестнадцать прожитых лет врач Талько-Грынцевич отдал не только врачебной практике, но и становлению и развитию музея через Географическое общество. Свою врачебную практику совмещал с научной и общественной работой. Он был одним из организаторов официального открытия Троицкосавского музея (дата основания 1890 г., с 1 января 1895 г. открыт для посетителей), отделения Императорского Русского Географического общества (13 июля 1894 г.) и первым его правителем дел [2; 4; 5].

«С образованием Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества начала формироваться и научная библиотека. Основатели ТКОРГО ставили задачей иметь собрание научной литературы, позволявшей им быть в курсе научных исследований в России и за рубежом» [21, с. 119]. Редкий книжный фонд музея составляет более 30 тысяч экземпляров. Основу редкого книжного фонда составляют книги, собранные ТКОРГО.

Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества возникло 13 июля 1894 г. Основными задачами Отделение поставило себе всестороннее изучение окраины и исследование условий жизни и быта приграничной торговли. Ученая деятельность Отделения выражалась в ученых заседаниях членов Общества и его исполнительного органа – Распределительного комитета. Здесь выслушивались сообщения и научные доклады членов Отделения, обсуждались вопросы о программах экскурсий, о

печатных изданиях, разрешались хозяйственные и административные дела. Путешественники, проезжая через Кяхту, делились с ними результатами своих наблюдений. Сообщения и научные доклады печатались в изданиях Отделения [18]. 13 июля 1894 г. состоялось торжественное заседание, где с большой речью выступил Ю.Д. Талько-Грынцевич: «Наконец мы дожили до сегодняшнего торжества – открытия Троицкосавского музея и общества. То, к чему стремились здесь с такими трудами несколько лет, то, что было мечтою многих из вас, с сегодняшним днем приобретает прочную основу существования» [1, с. 8].

Открытие Общества проходило торжественно и вылилось в «праздник торжества науки». Музей в то время принадлежал Обществу [10, с. 25-26]. По словам почетного секретаря собрания профессора С.И. Залеского «раз в жизни города совершается столь крупный переворот, имеем полное право сказать, что сопутствующие этот переворот явления составляют эпоху ... на наших глазах совершается процесс зарождения новой эпохи для Кяхты и Троицкосавска» [10, с. 20-21]. Он сказал, что кругом полудикие, кочующие племена и задачей новорожденного института не только изучать их и исследовать условия их жизни и быта, но и указывать пути, как кочующего человека сделать оседлым, значит, культивировать его, ввести на высшую ступень просвещения [10, с. 21].

Он сделал краткий обзор по другим географическим обществам Сибири и остановился на условиях открытия в городе: «Вновь зарождающееся Троицкосавско-Кяхтинское Общество возникло в условиях не столько более благоприятных, чем условия возникновения других сибирских ученых обществ, что материальная сторона его должна быть во всех отношениях обеспечена, так как не только богатство почтенного Кяхтинского купечества, но и его отзывчивость на вся-

кое доброе дело вошли в традицию». «Да будет раз и навсегда прочным залогом его существования и защитой в трудные минуты жизни строгое соблюдение устава действующих законов и преданность исключительно интересам науки ... Да лежит, наконец, в основе всех его начинаний единственно и исключительно служба делу, а не личности» [10, с. 25-26].

Среди поздравительных телеграмм было поздравление от почетного члена действительного тайного советника А.И. Деспот Зеновича [10, с. 27; 7, с. 153].

Деятельность Отделения и поляков в нем видна по отчетам и Трудам ТКОПОИГО, которые печатались в Иркутске. Так, в «Отчёте о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского географического общества за 1896 год» из 13 докладов 5 сделаны поляками [12, с. 1].

На 1 января 1897 г. в Отделении состояло 126 человек. Управитель дел Ю.Д. Талько-Грынцевич, консерватор музея и библиотекарь В.С. Моллесон. За год прошло 8 общих собраний. Члены Отделения делились результатами своих исследований. Так, «член-учредитель М.В. Лисовский, занимающийся изучением флоры и фауны озёр западного Забайкалья, сообщил о результатах своих занятий на собрании» [12, с. 4]. Правитель дел ознакомил с работой «О климате Троицкосавска в гигиеническом отношении», которую затем опубликовали на средства Отделения.

Особого внимания заслужил доклад Ю.Д. Талько-Грынцевича «Материалы к палеонтологии Забайкалья». Над материалами доисторической археологии исследователь работал несколько лет. Это дает бесспорное право на первенство в систематическом изучении доисторического населения Западного Забайкалья. В отчете отмечено, что «труды Отделения, без сомнения, прольют немало света на доисторическое население ближайших окрестностей той части Азии, ко-

торая считается отечеством грозных завоевателей, некогда устремлявшихся отсюда на равнины Европы» [12, с. 5]. Член Отделения Н.Г. Желвицкий сделал сообщение «От Владивостока в Одессу морским путём» о популяризации этого морского пути. Отделение знакомилось с вопросами развития географической науки на далеком западе. С этой целью правитель дел сделал доклад, посвященный 50-летию Императорского Географического общества, о полувековой деятельности общества [12, с. 6].

В Отчете говорится, что в июне 1896 г. заведывание музеем передано члену Отделения Владиславу Степановичу Моллесону [12, с. 7], который вместе с тем состоял препаратором и библиотекарем.

В Трудах Троицкосавко-Кяхтинского Отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1900 г. из четырех работ опубликованы исследования Ю.Д. Талько-Грынцевича «Материалы к палеоэтнологии Забайкалья» и студента Томского университета И.П. Михайловского «Город Троицкосавск со слобод. Кяхтой и Усть-Кяхтой в санитарно-экономическом отношении» [6, с. 63-130; 16, с. 38-43; 17, с. 38-43].

Студенты приезжали на борьбу с холерой, которая не подтвердилась. В этом разностороннем исследовании говорится, что в Троицкосавске осмотрели 1355 квартир, в Кяхте – 127, в Усть-Кяхте – 178. Из осмотренных частных квартир всего 1608 квартир с 7938 жильцами (на май 1893 г.) [17, с. 68]. Михайловский пишет, что г. Троицкосавск основан в 1726 г., слобода Кяхта основана в 1728 г. [17, с. 64]. Троицкосавск находится в 4-х верстах от китайской границы, а слобода располагается у самой границы и почти сливается с китайской торговой слободой Маймаченом [17, с. 64-65]. «С 1851 г. Троицкосавск вместе со слоб. Кяхтой и Усть-Кяхтой составляет Кяхтинское градоначальство, упраздненное в 1861 г.

Теперь город имеет отдельное городское самоуправление» [17, с. 65].

Слободы в административном отношении подчинены Троицкосавскому городскому управлению, причем Кяхта имеет еще и свое по делам торговли управление, состоящее из старшин Кяхтинского купечества [17, с. 65]. Интересно, на взгляд автора, исследование об утилизации отходов, имеющее актуальность и в наше время. Отходы вывозились в отведенные места и сжигались. «Результатом такого обращения с вывезенными нечистотами является то, что с какой бы стороны города ветер ни подул, всегда население обязано дышать дымным и вонючим воздухом. Вследствие отсутствия надлежащего надзора за сжиганием, последнее производится далеко не совершенно» [17, с. 100].

Михайловский приводит данные о состоянии народного образования и затратах городской управы. По развитию население Троицкосавска и слобод Кяхты и Усть-Кяхты стоит выше населения многих сибирских городов. В 1892-1893 учебном году учащихся было 700, это 8,5 % к населению вместе с прислугой. При бюджете 66112 р., 24,1%, или 15.936 р., следовательно, больше, чем другие сибирские города. Он приводит данные об учебных заведениях: Алексеевское реальное училище, женская VII классная гимназия, 4-х классное городское училище, Никольское и Успенское приходские училища, детский Николаевский приют, Сиропитательная ремесленная школа имени Немчинова, сельское приходское училище в Усть-Кяхте, частное училище в Кяхте, воскресная женская школа [17, с. 119-120]. Кяхта и в наше время остается образованным городом. Еще несколько лет назад здесь действовало очное, заочное, дистанционное обучение отделений четырех вузов, медицинский колледж и строительный техникум.

В отчете Отделения на собрании говорится о летних научных занятиях членов отделения по экскурсии на гору Буринь-Хань, в которой приняли участие М.И. Моллесон, П.С. Михно, И.Г. Титовский, Я.С. Смолев, Ю.Д. и К.В. Талько-Грынцевич [11, с. 2]. В результате музей пополнился новыми коллекциями флоры и фауны, минералами. Талько-Грынцевич со Смолевым провели археологическое исследование берегов Джиды и раскопали 36 могил [11, с. 2-3].

В 1900 г. Отделение провело празднование 100-летия рождения известного монголиста поляка Осипа Михайловича Ковалевского, правитель дел прочитал биографическую заметку, познакомив членов Отделения с жизнью и с заслугами знаменитого ученого [13, с. 133].

Честь проведения первых археологических исследований принадлежит Талько-Грынцевичу. Он за 16 лет раскопал более 500 древних могил: каменные курганы-херексуры, плиточные могилы, погребения в срубах, разных типов археологических памятников, опубликовал около 40 работ. Им раскопано, исследовано и опубликовано открытое в 1901 г. на хребте Тулту-Дабан погребение каменного века. Ему принадлежит заслуга создания первой классификации забайкальских древностей [3, с. 52-55].

Другой значимой фигурой является Владислав Степанович Моллесон, приехавший в Троицкосавск на должность учителя в 1877 г., хотя в Памятной книжке Восточно-Сибирского учебного округа указывается 1875 г. Знание препараторского дела В.С. Моллесоном, а также хорошо подобранная им биологическая литература в Троицкосавском Алексеевском реальном училище сыграли не последнюю роль в официальном признании музея и открытия Отделения РГО в Троицкосавске. На торжественном собрании В.С. Моллесон был избран членом Распорядительного комитета Отделения. В 1894 г. им было установлено, что на территории Троицко-

савска и прилегающей к границе Монголии встречается 206 видов птиц. Он описал также бекасов. Статьи опубликовал в Протоколах обыкновенных общих собраний [14, с. 1; 19, с. 23-37].

В 1897 г. он был назначен консерватором музея и библиотекарем. Он был настоящим препаратором-художником, умел придать чучелам птиц характер и особенность каждого вида. Эти чучела птиц и поныне украшают экспозиции музея. В экспедиции по сбору коллекций выезжал вместе с женой Марией Ивановной.

За четыре с половиной года своего членства в ТКО ПО ИРГО В. С. Моллесон на основе своих исследований подготовил несколько научных сообщений и работ. В трудах Моллесона встречается немало замечаний, соображений, выводов, которые свидетельствуют не только о большом уме и эрудиции их автора, но и о способности подняться над уровнем рядового краеведа – сборщика материалов, говорить языком передового ученого. Им было опубликовано 17 книг и научных статей [20, с. 38-45]. 1 января 1899 г. умер Моллесон, первый консерватор музея [14, с. 5]. Смерть Владислава Степановича для всех, его знавших, была глубоким горем и невосполнимой потерей не только как активного деятеля, но и как прекрасного человека [9, с. 4; 15]. Правитель дел Отделения Талько-Грынцевич Ю.Д. в своей речи, посвященной памяти В.С. Моллесона, говорил о Владиславе Степановиче не только как о знатоке местной природы и орнитофауны, прекрасном художнике-препараторе и активном члене ТКО ПО ИРГО, но и отмечал его нравственные качества: «Всматриваясь в симпатичный облик покойного, с его мягкой улыбкой на устах, глядя на его кроткость и скромность, воздержанность в словах, трудолюбие и настойчивость, вместе с замкнутостью, мечтательностью и непрактичностью в житейских делах, представляется тип протестанта-пуританина. По

своим привычкам и вкусам В.С. (Владислав Степанович) был истинным аристократом духа. Все низменное возмущало его нежную и возвышенно-благородную натуру. Сильны были основы его нравственных убеждений: их не смогли поколебать ни житейские невзгоды, ни среда, в которой ему приходилось жить» [14, с. 5; 17, с. 3-4; 19, с. 35].

В работе сделан краткий обзор деятельности поляков и их роли в открытии и становлении Географического общества и краеведческого музея в Троицкосавске-Кяхте, который, на наш взгляд, является одним из лучших в Сибири и на Дальнем Востоке.

Примечания

1. Гендунов А. Б. Из истории основания Кяхтинского музея 1890-1894 гг. // Программа и тезисы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева. Кяхта, 1990. С. 8.

2. Златокипящая Кяхта : ил. путеводитель. Иркутск, 2010. 81 с.

3. Ивашина Л. Г. Археологическое изучение памятников каменного века в трудах первых краеведов – исследователей Кяхтинского музея // Программа и тезисы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева. Кяхта, 1990. С. 52-55.

4. Кяхтинская старина : альманах / сост. Л. А. Филиппова. Улан-Удэ : НоваПринт, 2010. С. 110-111.

5. Кяхтинская старина : альманах / сост. Л. А. Филиппова. Кяхта : Кяхтинский листок, 2003. С. 68-69, 136-139, 140-143.

6. Михайловский И. П. Город Троицкосавск со слободами Кяхтой и Усть-Кяхтой в санитарно-экономическом отношении // Труды ТКО ПО ИРГО за 1900 г. Т. 3, вып. 2-3. Иркутск, 1902. С. 63-130.

7. Мостовщикова Г. Н. А. И. Деспот-Зенович и кяхтинская чайная торговля // Труды Бурятского республиканского отделения Русского географического общества. Т. 19 / под ред. А. К. Тулохонова, Э. А. Батоцыренова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 147-155.

8. Мостовщикова Г. Н. Ю. Д. Талько-Грынцевич и Кяхтинский краеведческий музей имени академика В. А. Обручева // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева, Бурятского республиканского и Кяхтинского отделений Русского географического общества. Т. 20. На границе народов, культур и миров : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева (Кяхта, 9-10 сент. 2015 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 39-43.

9. Некролог // Байкал. 1899. № 2. С. 4.

10. Об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск : Типо-литография К.И. Витковской, 1894. С. 20-21, 25-26.

11. Обыкновенное общее собрание 17-го октября // Труды ТКО ПО ИРГО за 1900 г. Т. 3, вып. 2-3. Иркутск, 1902. С. 2.

12. Отчёт о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества за 1896 год. Иркутск : Типография П. И. Макушина, 1897. С. 4-7.

13. Отчёт о деятельности ТКО ПО ИРГО за 1900 год // Труды ТКО ПО ИРГО за 1900 г. Т. 3, вып. 2-3. Иркутск, 1902. С. 131-135.

14. Памяти Владислава Степановича Моллесона // Труды ТКО ПО ИРГО за 1899 г. Т. 2, вып. 1-2. М., 1900. С. 3-5.

15. Сахаровская Л. М. Ю. Д. Талько-Грынцевич – краевед, ученый, археолог // Поляки в Бурятии. Т. 7. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2012. С. 9-23.

16. Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды ТКО ПО ИРГО за 1900 г. Т. 3, вып. 2-3. Иркутск, 1902. С. 38-43.

17. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества за 1900 г. Т. 3, Вып. 2-3. Иркутск : Паровая типография «Восточное обозрение», 1902. С. 38-43; 63-130.

18. Успенский С. А Труды Бурятского республиканского отделения Русского географического общества. Т. 19 / под ред. А. К. Тулохонова, Э. А. Батоцыренова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 234.

19. Харабадзе Н. А. Владислав Степанович Моллесон: краевед, орнитолог и первый консерватор Кяхтинского музея // Поляки в Бурятии. Т. 7. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2012. С. 23-37.

20. Харабадзе Н. А. Польские фамилии в истории Троицкосавска-Кяхты // Поляки в Бурятии. Т. 7. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2012. С. 38-45.

21. Чагдурова М. М. Польские труды в редком книжном фонде Кяхтинского краеведческого музея // Полонийные чтения-2013: история, современность, перспективы развития полонийного движения. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2013. С. 119-127.

УДК 94(571.54)“1941/45”(=162.1)

Иванов Г.Г.
(г. Варшава, Польша)

**ЛИЦА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
ПОЛЯКИ БУРЯТИИ - ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

В статье рассматривается история жизни и деятельности двух Героев Советского Союза, родившихся и проживавших на территории Бурятии. Автор раскрывает основные факты из боевой и трудовой биографии К.В. Оцимика и Н.И. Редковского.

Ключевые слова: Герой Советского Союза, Бурятия, К.В. Оцимик, Н.И. Редковский

Iwanow G.G.
(Warszawa, Polska)

**FACES OF THE GREAT VICTORY:
POLES OF BURYATIA – HEROES OF THE
SOVIET UNION**

The article discusses the history of the life and work of two Heroes of the Soviet Union, born and living in Buryatia. The author reveals the basic facts from the military and labor biography of K.V. Otsimika and N.I. Redkovsky.

Key words: Hero of Soviet Union, Buryatia, K.V. Otsimik, N.I. Redkovsky

Светлый праздник Победы над фашизмом навсегда останется в исторической памяти народов России. Сколько бы ни прошло лет – новые поколения россиян будут с благодарностью вспоминать воинов Великой Отечественной, принеших стране долгожданную победу, склонять голову перед

памятью тех, кто не вернулся с полей кровопролитных сражений.

Среди воинов-победителей многих национальностей, прошедших дорогами войны были и Герои-поляки из Бурятии.

В документальной биографической статье о двух Героях Советского Союза Оцимике Константине Владимировиче и Редковском Николае Ивановиче освещаются известные и малоизвестные страницы боевого пути Героев.

Оцимик Константин Владимирович

(07.01. 1919 г. – 21.06. 1963 г.)

Оцимик Константин Владимирович – Герой Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1945 г.). Командир батареи 641-го армейского истребительно-противотанкового артиллерийского Одерского полка. Старший лейтенант. Участник Великой Отечественной и советско-японской войн. Награжден медалью «Золотая Звезда» (№ 7655) и орденом Ленина (27.06. 1945), орденом Отечественной войны 2 степени (06.02. 1945), орденом Красной Звезды (18.11. 1944) и медалями.

Константин Владимирович Оцимик родился 7 января (по другим данным – 15 января) 1919 г. [3; 15; 23; 25; 26] в деревне Карабаиновка Верхнеудинского уезда Забайкальской области РСФСР (ныне Хоринский район Республики Бурятия), в крестьянской семье Владимира Станиславовича и Марии Федоровны Оцимик [3; 18; 23]. Дед К.В. Оцимика Станислав Францевич Оцимик был поляком, выходцем из польского города Лодзь, сосланным в Забайкалье после подавления Лодзинского восстания рабочих в 1864 г. Судьба его отца Владимира Станиславовича была тесно связана с революционной Россией, он был активным участником партизанского движения в Забайкальском крае. В 30-е гг. прошлого столе-

тия В.С. Оцимик был одним из инициаторов создания колхоза [5, с. 143-149; 6; 29, с. 103-104].

Оцимик К.В. (1919-1963 гг.)

Оцимик К.В., окончив семь классов сельской школы, начал трудовую деятельность в сельскохозяйственной артели «Красный партизан». Летом работал на сельхозмашинах, а зимой на лесозаготовках. В октябре 1936 г. по решению общего собрания колхозников, как передовик производства, он был направлен на учебу на курсы бухгалтеров в село Унэгэтэй Заиграевского района (по другим сведениям в Улан-Удэ). С мая 1937 г. и до призыва на воинскую службу работал в колхозе бухгалтером материальной группы. В ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии Оцимик К.В. был призван Заиграевским райвоенкоматом 9 сентября 1939 г., его служба в армии продлилась почти восемь военных лет. Родители, провозжая сына в армию, наказывали: «Кость, будь достойным

защитником Родины». Он всегда помнил наказ родителей» [49, с. 79-80].

Срочную службу начал на Дальнем Востоке в 104-м Декастринском укрепрайоне в поселке Де-Кастри. В 1940 г. здесь началось строительство военно-морской базы и береговых батарей, и Оцимик К.В. был направлен на учебу в артиллерийскую школу на станции Забитуй Иркутской области. Однако в связи с обострением обстановки на западных границах СССР после окончания обучения его направили в 64-й отдельный пулеметный батальон Тираспольского укрепрайона Одесского военного округа.

С первых дней Великой Отечественной войны Оцимик К.В. на Южном фронте. После поражения Красной Армии в Тернопольско-Мелитопольской операции подразделения Тернопольского укрепрайона отошли в Одессу, где в начале сентября 1941 г. были включены в состав 1-й Одесской дивизии (с 11 сентября – 421-я стрелковая дивизия) Отдельной Приморской армии. Участник обороны Одессы. После эвакуации из города в октябре 1941 г. он в составе своего подразделения участвовал в обороне Крымского полуострова. В боях за Ялту и Алушту 421-я стрелковая дивизия понесла тяжелые потери и была расформирована. Оставшиеся ее части вошли в 172-й стрелковую дивизию, в составе которой он участвовал в обороне Севастополя, далее из Крыма ему удалось эвакуироваться на Кавказ. В ходе оборонительных боев Константин Владимирович был тяжело ранен [23; 25].

После выписки из госпиталя он поступил в артиллерийское училище. По его окончанию, в январе 1944 г. лейтенанта Оцимика направили в 641-й армейский истребительно-противотанковый полк 21-й армии Ленинградского фронта, где был назначен командиром огневого взвода. В этой должности он участвовал в освобождении Ленинградской области. В июле 1944 г. его взвод отличился во время Выборгской операции в бою за высоту 39,6 на Карельском перешейке.

Поддерживая наступление стрелковых подразделений, артиллерийский взвод лейтенанта Оцимика огнем орудий проделал проход в проволочных заграждениях противника шириной 9 метров. В ходе наступления взвод уничтожил прямой наводкой 3 ручных и 2 станковых пулемета, одну противотанковую пушку и более 10 немецких солдат. За мужество и героизм, проявленный в ходе боя, Оцимик К.В. был награжден боевой наградой – орденом Красной Звезды [39].

В начале января 1945 г. командир артиллерийской батареи 21-й армии 1-го Украинского фронта лейтенант К.В. Оцимик в ходе Сандомирско-Силезской операции в бою наступах к городу Гинденбург (ныне город Забже Республика Польша) при занятии опорного пункта (ОП) отразил атаку немецких автоматчиков численностью до роты пехоты, которых поддерживало два танка. В ходе боя были уничтожены оба танка, до 40 гитлеровцев, а также захвачено знамя немецкого полка. За этот бой Константин Владимирович был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и произведен в старшие лейтенанты [40].

В марте 1945 г. Оцимик К.В. участвовал в Верхне-Силезской наступательной операции. В боях 19-20 марта 1945 г. при уничтожении окруженной под Оппельном (ныне город Ополе Республика Польша) группировки немцев артиллерийская батарея под его командованием отбила 6 контратак пехоты и танков, уничтожив до 180 солдат и офицеров немцев. Когда фашисты вплотную приблизились к батарее, старший лейтенант Оцимик повел своих бойцов в рукопашный бой. В ходе схватки сам уничтожил 23 солдата противника и еще батареей было взято в плен 67 немецких солдат и офицеров.

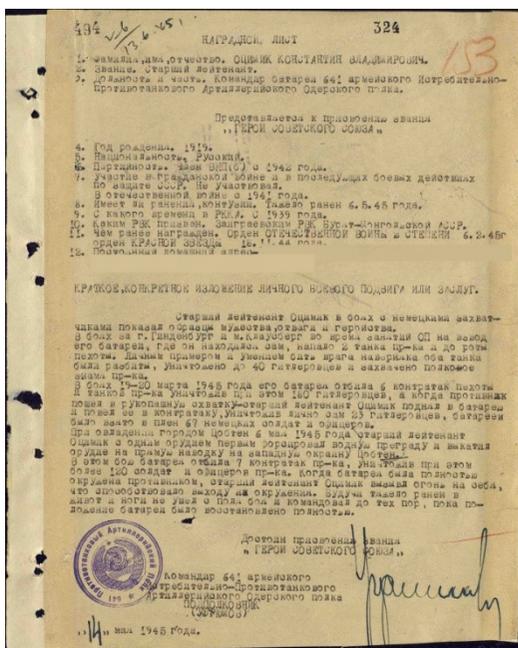
В начале мая 1945 г. 21-я армия участвовала в Пражской наступательной операции. 6 мая 641-й истребительно-противотанковый артиллерийский Одерский полк, входящий в 1-й Украинский фронт, получил задачу поддержать пехотные и танковые части в атаке для овладения городом Цобтен

(ныне город Собутка Республика Польша), основательно укрепленным фашистами. В наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза об этом бое говорится так: «... При овладении городом Цобтен 6 мая 1945 г. старший лейтенант Оцимик с одним орудием первым форсировал водную преграду. Они выкатили орудие на прямую наводку на западную окраину Цобтена. В этом бою батарея отбила семь контратак противника, уничтожив более 120 немецких солдат и офицеров. Когда батарея была окружена фашистами, старший лейтенант Оцимик вызвал огонь на себя, что способствовало выходу из окружения. Будучи ранен в живот и ноги, не ушел с поля боя, командовал до тех пор, пока положение батареи не было восстановлено полностью» [7; 23; 41].

Победу он встретил в госпитале. Там же он узнал, что ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза [4; 20; 41].

Он быстро поправляется и в начале августа 1945 г. старший лейтенант К.В. Оцимик был снова в строю и в должности командира артиллерийского дивизиона 1628-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 2-й Краснознаменной армии 2-го Дальневосточного фронта участвовал в разгроме Квантунской армии в ходе советско-японской войны. Демобилизовался Константин Владимирович в 1946 г. [10, с. 141-143; 16, с. 76-79; 37, с. 91-93].

В мирное время некоторое время он работал в Улан-Удэ в тресте столовых, а с 1947 по 1953 гг. служил в системе МВД Бурятской АССР. С 1950 г. занимал должность командира взвода лагерной охраны в городе Городок (ныне г. Закаменск Республики Бурятия). С 1953 г. Константин Владимирович работал мастером на кирпичном заводе в городе Гусиноозерск.

Наградной лист Оцимика К.В.

Затем из-за болезни жены Любови Георгиевны они решили переехать в поселок Усть-Баргузин, где он также работал на кирпичном заводе. Оцимики выбрали рыбацкий поселок на Байкале, где бывали раньше [5; 18; 36]. Здоровье Константина Владимировича было подорвано на войне, давали знать о себе тяжелые ранения. 21 июня 1963 г. после тяжелой и продолжительной болезни он скончался. По решению родственников был похоронен в Улан-Удэ на Заудинском кладбище. В 1975 г. прах К.В. Оцимика был перезахоронен на мемориальном комплексе «Огненные годы» (Память) [5, с. 143-149; 29, с. 103-104].

9 мая 2005 г. по инициативе общественности Бурятии и общества польской культуры «Надлежа» г. Улан-Удэ на здании Министерства внутренних дел Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, проспект Победы, 14) была открыта мемориальная

доска в честь Героя Советского Союза К.В. Оцимика. Бюст Героя установлен в столице Бурятии (г. Улан-Удэ, ул. Тарбагатайская, 49) [5; 22; 35].

12 мая 1965 г. улица Социальная в микрорайоне Батарейка г. Улан-Удэ решением городского Совета депутатов трудящихся переименована в улицу Героя Советского Союза К.В. Оцимика [12; 13; 24; 35]. Его именем также названы улицы в г. Гусиноозерске и в селах Усть-Баргузин Баргузинского района и Верхние Тальцы Хоринского района [9; 18; 21; 22; 33; 34; 38; 50].

К 73-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне в столице Бурятии реализован проект «Имена героев в названиях улиц». Управление по информационной политике Администрации г. Улан-Удэ совместно с музеем истории города, Центральной городской библиотекой рассказывали о воинах – Героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны, чьими именами названы улицы Улан-Удэ. Для увековечения памяти героев на улицах были установлены световые панно, на нем имеется фотография героя, его фамилия, имя, отчество и годы жизни [12].

Память о родном человеке бережно хранит сегодняшнее поколение семьи Оцимиков [18].

Редковский Николай Иванович (20.05. 1921 г. – 28.08. 2008 г.)

Герой Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г.). Командир батареи 146 гвардейского артиллерийско-минометного полка 14-й гвардейской Мозырской кавалерийской дивизии 7-го гвардейского Бранденбургского кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта, гвардии капитан.

Награжден медалью «Золотая Звезда» (№ 7347) и орденом Ленина (24.03. 1945 г.), орденом Красного Знамени (10.04.1944 г.), двумя орденами

Отечественной войны 1 степени (27.08. 1944 г., 06.04. 1985 г.), орденом Отечественной войны 2 степени (09.02. 1944 г.), двумя орденами Красной Звезды (26.10. 1943 г., 05.11. 1954 г.), орденом Богдана Хмельницкого (Украина).

Участник Великой Отечественной войны. Полковник Советской Армии. Генерал-майор Украины (2008 г.)

Редковский Николай Иванович родился 20 мая 1921 г. (по некоторым наградным документам записан 1916 г.) [43] в селе Бериккуль Ижморского района Кемеровской области в семье рабочего [2; 3; 14; 15; 28].

По исследованиям польских и российских ученых можно предположить, что семья Редковского Н.И. является из добровольных переселенцев-поляков, которые переселились в Западную Сибирь в поисках работы. В период с 1896 по 1914 гг. из Польши в Сибирь переселились почти 9 тысяч человек. В то же время на основании данных о сибирских селах с преимущественным польским населением количество переселенцев с территорий «Западных губерний» можно определить в количестве 25 тысяч человек [30, с. 307-315].

В 1930 г. (по другим данным – 1932 г.) семья переехала в поселок Ципикан (золотоприиск Кедровка) в Баунтовском районе Бурят-Монгольской АССР (ныне Республика Бурятия). 10 классов Николай Иванович закончил в 1939 г. в Карафтитской средней школе [8].

Н.И. Редковский в своих воспоминаниях пишет: «Я считаю Бурятию родной, потому что вырос там, там прошло мое детство, там начало моей юности. А это на всю жизнь запоминается... Бурятия была моим детством. Я до сих пор вспоминаю ее природу, рыбалку, охоту» [47, с. 141-145].

Окончив Карафтитскую среднюю школу, он едет в Томск, где поступает в горный институт (ныне политехнический) на геологоразведочный факультет. В 1939 г. началась Вторая Мировая война. В преддверии будущих военных действий Советское государство призывало молодежь учиться

военному делу. Николай Редковский прервав учебу в институте, и по комсомольскому набору поступает в Томское артиллерийское училище [31; 32, с. 168].

Редковский Н.И. (1921-2008 гг.)

В начале июня 1941 г. Николай Редковский успешно окончил Томское артиллерийское училище и в звании младшего лейтенанта прибыл в город Вильнюс для прохождения службы. Здесь его только назначили командиром взвода управления артиллерийской батареи, как началась Великая Отечественная война (В одних наградных документах, место призыва указывается Томский райвоенкомат Новосибирской области, в других – Ижморский РВК Новосибирской области) [11; 44; 45].

23 июня 1941 г. младший лейтенант Редковский в составе отдельного артиллерийского дивизиона 11-й армии Северо-Западного фронта вступил в бой с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к Вильнюсу. За два дня оборонительных боев бойцы Красной Армии понесли большие потери и вынуждены были отступить к Минску в полосу обороны войск Западного фронта. Здесь Редковский Н.И. участвовал в ряде боев и снова под натиском врага отступал к Смоленску. На базе Смоленского артучилища ему было поручено организовать батарею и начинать боевые действия.

В июле 1941 г. он в составе 20-й армии Западного фронта участвовал в оборонительных боях в районе городов Орша, Смоленск, Ярцево. В одном из боев под Смоленском в августе 1941 г. Редковский Н.И. был тяжело ранен. В ноябре 1941 г. после выписки из госпиталя его батарея была выдвинута в район поселка Красная Поляна, севернее Москвы, в 27 километрах до окраины города, куда прорвались фашисты. Здесь, на последнем рубеже обороны столицы, были остановлены немецкие танки. В декабре 1941 г. он участвовал в контрнаступлении под Москвой. 8 декабря советские войска освободили Красную Поляну, а 20 декабря с боями дошли до города Волоколамска. 17 января 1942 г. в ходе Ржевско-Вяземской операции батарея Редковского участвовала в освобождении райцентра Шаховская Московской области. Всю весну 1942 г. в безуспешных попытках наступления в направлении поселка Сычевка он был в ржевско-вяземско-гжатском треугольнике [25; 26; 27].

В июле 1942 г., когда гитлеровские войска начали летнюю кампанию наступления на Воронеж и Сталинград, лейтенант Редковский был направлен на Воронежский фронт, где стал командиром минометной батареи в составе минометного полка 21-й горно-кавалерийской дивизии 8-го кавалерийского корпуса. Он участвовал в августе – сентябре 1942 г. в оборонительных боях на Воронежском фронте, в районе

южнее поселка Тербуны. В конце октября 1942 г. кавкорпус был передан в состав 5-й танковой армии Юго-Западного фронта и передислоцировался на Задонский плацдарм в район города Серафимович. 19 ноября 1942 г. началось историческое контрнаступление советских войск под Сталинградом. Конники 8-го кавкорпуса были введены в прорыв и устремились к станции Чернышевской и реке Чир. После окружения немецко-фашистской армии кавалеристы оказались на внешнем фронте окружения и встретили противодействие врага. В районе станции Обливская батарея Редковского Н.И. отразила не одну контратаку немцев, пытавшего деблокировать окруженную в Сталинграде группировку фельдмаршала Паулюса. Станция Обливская была освобождена в середине декабря 1942 г.

В январе 1943 г. батарея лейтенанта Редковского, наступая в составе своей дивизии вдоль железной дороги Сталинград – Ворошиловград участвовала в боях за город Морозовск, вторично после 26-го танкового корпуса освобождала станицу Тацинскую и 19 января 1943 г. взяли станицу Белокалитвенную (ныне город Белая Калитва). В начале февраля 1943 года корпус вошел в состав 3-й гвардейской армии и освобождал Донбасс. 14 февраля 1943 г. был освобожден железнодорожный узел – станция Дебальцево, после которой корпус стал 7-м гвардейским кавалерийским, дивизия – 14-й гвардейской кавалерийской, а минометный полк – 146-м гвардейским минометным полком. В это время стрелковые подразделения не смогли пробиться за конницей, и корпус оказался в окружении. 10 дней кавалеристы, в том числе и минометная батарея Редковского, сражались в окруженном городе, отразив десятки контратак крупных вражеских сил. К 24 февраля ряды конников сильно поредели, стали заканчиваться боеприпасы. Кавалеристы решительным ударом пробили брешь в окружении и в районе поселка Ивановка Ворошиловградской области вырвались из кольца. В этом дерз-

ком бою батарея Редковского своим огнем подавила несколько огневых точек врага на направлении прорыва. После этого поредевший корпус был выведен в резерв на пополнение.

В летних боях на Курской дуге кавалеристы не участвовали. Когда советские войска приступили к освобождению левобережной Украины, тогда 10 сентября 1943 г. 7-й гвардейский корпус был включен в состав 61-й армии Центрального фронта. 15 сентября гвардий старший лейтенант Редковский со своей батареей участвовал в форсировании реки Десна у поселка Короп, а 21 сентября – в уличных боях в городе Чернигов. Его минометчики своим огнем помогли кавалеристам отбить у врага несколько кварталов, уничтожив при этом много немцев. 28 сентября 1943 г. минометная батарея Редковского переправилась через Днепр в районе села Нивки, несколько севернее села Комарин Брагинского района Гомельской области. На захваченном плацдарме начались кровопролитные бои. Не одну контратаку вражеской пехоты с танками пришлось отражать минометчикам Редковского. После освобождения села Галки плацдарм стал расти вглубь, и соединился с плацдармами, завоеванными соседними частями. За форсирование Днепра гвардии старший лейтенант Редковский Н.И. был награжден первой боевой наградой – орденом Красной Звезды [25; 27; 42].

17 июля 1944 г. началась Брестско-Люблинская операция, в ходе которой войска 69-й армии устремились к реке Западный Буг и польскому городу Хельм. Батарея Рудковского участвовала в боях на Западном Буге, отражая контратаки врага, а 22 июля минометчики под командованием комвзвода вели ожесточенные уличные бои в городе Хельм, выкуривая своим огнем противника из зданий, подвалов и других укрытий. 23 июля в составе полка батарея Рудковского обстреливала оборонительные позиции противника на окраине города Люблин. В конце июля 1944 года первые штурмовые группы 69-й армии приступили к форсированию Вислы в районе

польского города Пулавы. Минометная батарея переправилась вслед за стрелковыми подразделениями. Весь август шли кровопролитные бои по удержанию и расширению Пулавского плацдарма, в которых минометчики Редковского уничтожили не один десяток гитлеровцев. За мужество и героизм, проявленные в ходе боев за Люблин и на Пулавском плацдарме, гвардии старший лейтенант Редковский Н.И. был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, и было присвоено воинское звание капитана [45].

Особенно отличился гвардии капитан Редковский в ходе Висло-Одерской операции. Уже на 4-й день после ее начала, 17 января 1945 г., минометчики его батареи достигли реки Пилица в районе города Томашув и участвовали в захвате плацдарма, обеспечивая продвижение главных сил корпуса. Затем ими был совершен многокилометровый рывок к городу Лодзь. 29 января 1945 г. они достигли реки Одер в районе города Приттаг, южнее Кюстрина. Николай Иванович лично в составе головного отряда со средствами связи по льду одним из первых преодолел реку и стал корректировать огонь своей батареей. Были уничтожены 4 огневые точки, истреблено до 2-х взводов немцев, отбиты ряд контратак противника, что обеспечило захват плацдарма на западном берегу Одера. После этого он переправил на плацдарм всю свою батарею.

После кратковременного затишья немцы бросили свежие силы на наших минометчиков. На батарею наступало до полка фашистов при поддержке танков, артиллерии и реактивных установок. Когда под действием превосходящих сил противника передовые подразделения кавалеристов вынуждены были отходить, батарея осталась на своих позициях. Атака немецких войск была отбита. Минометчики сражались до полного окончания боеприпасов, но удержали свои позиции. В этом бою они уничтожили роту гитлеровской пехоты, станковый пулемет, одно орудие и реактивную минометную

батарею. Во время всего боя гвардии капитан Редковский Н.И. умело управлял огнем своей батареей. Он был тяжело ранен, но не оставил своего рубежа. За образцовое выполнение боевых заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Одер, гвардии капитан Редковский был удостоен высокого звания Героя Советского Союза [17; 20; 46].

После длительного лечения и выписки из госпиталя Н.И. Редковский окончил Высшую артиллерийскую офицерскую школу в Ленинграде (1946 г). Командовал артиллерийским полком на Сахалине (Краснознаменный Дальневосточный военный округ). В 1953 г. он окончил Военную академию имени Ф.Э. Дзержинского. В последующие годы служил на командных должностях в Киевском военном округе, а затем – в Главном штабе ракетных войск.

С 1963 г. полковник Редковский Н.И. в запасе. Жил в Киеве. Работал в различных учреждениях и организациях Украинской ССР, был заместителем заведующего отделом Госплана УССР. Выйдя на пенсию, он участвовал в работе ветеранских организаций Украины. Был награжден украинским орденом Богдана Хмельницкого. В 2008 г. в канун 63-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне Указом президента Украины ему присвоено звание генерал-майора.

Умер Н.И. Редковский 28 августа 2008 г., похоронен в г. Киев [3; 15; 23; 25; 47].

Проходят годы. Одно остается неизменным – люди, благодаря, которым страна освободилась от немецко-фашистских захватчиков. Люди, чьи подвиги и сегодня спустя много лет заставляют восхищаться современников.

побывал в Баунтовском районе, где прошли его школьные годы [19; 47; 48; 49].

Эти две яркие биографии боевого пути Героев Советского Союза поляков К.В. Оцимика и Н.И. Редковского – свидетельство вклада в Великую Победу представителей разных национальностей.

Примечания

1. Богатыри земли Бурятской. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. 42 л. : портр.

2. Всекузбасская книга памяти. Т. 5. Г. Анжеро-Судженск. Яйский район. Ижморский район / ред.-сост. З. П. Верховцева. Кемерово, 1996. С. 537.

3. Герои Советского Союза : краткий биограф. словарь. В 2 т. Т. 2. М. : Воениздат, 1988. 863 с.

4. Герои Советского Союза из Бурятии / И. Р.-Д. Очилов, И. М. Попов ; худож. : И. Алтаев и Э. Аюшев. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 33 отд. л. портр.

5. Гребенщиков Д. Н. Поляк Константин Оцимик – Герой Советского Союза // Поляки в Бурятии. Т. 5 / отв. ред. В. В. Соколовский. Улан-Удэ, 2005. С. 143-149.

6. Гребенщиков Д. Н. Поляк Константин Оцимик – Герой Советского Союза // Соотечественники/Rodacy. Абакан, 2005. № 2.

7. Гребенщиков Д. Вызываю огонь на себя // Центральная газета. 2005. 11 мая. С. 15.

8. Добрецкая Е. Уходили баунтовцы на фронт... // Бурятия. 2011. 12 окт. С. 1 : фот.

9. Земляки: Оцимик Константин Владимирович // Родное село : краевед. портал. URL: <http://selorodnoe.ru> (дата обращения: 17.05.2013).

10. Золотоев А. Воины Бурятии в Отечественной войне. Улан-Удэ, 1963. С. 141-143.

11. Ижморскому району – 80 лет. Ленинск-Кузнецкий,

2004. С. 169-170.

12. Имена Героев в названиях улиц // Улан-Удэ. 2018. № 25.

13. Их подвиги – вечны : исторический путеводитель / сост. А. З. Богданова, А. Б. Жигмитдоржиева, М. Б. Цыдендамбаева. Изд. 2-е, доп. Улан-Удэ, 2011. 124 с. : ил.

14. Книга Памяти. Вспомним всех поименно: Томская область. Т. 3. Томск, 1999. 406 с.

15. Книга Памяти Республики Бурятия. Т. 7. Улан-Удэ : Респ. тип., 2002. С. 295, 298.

16. Криченивкер Е. М. Золотые звезды воинов Бурятии. Улан-Удэ, 1968. С. 76-79, 153-154.

17. Кузнецов И. И. Герои Советского Союза – кузбасовцы. Иркутск, 1989. С. 42-43.

18. Надеждина Е. Фронтовой путь моего прадеда Константина Владимировича Оцимика // Алые паруса. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2017/05/01/frontovoy-put-moego-pradeda-otsimika-k-v>. (дата обращения: 28.08.19).

19. Намсараева С. Р. Солдатам Победного мая: площадь героев Советского Союза появится в селе Багдарин Баунтовского района // Бурятия. 2011. 29 июля. С. 2 : фот.

20. Подвиг народа 1941-1945 : электронный банк документов. URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>. (дата обращения: 28.08.19).

21. Оцимик Константин Владимирович // Их именами названы улицы города Улан-Удэ : рек. указ. лит. / сост. С. А. Боржонова, Л. И. Герасименко. Улан-Удэ, 1975. С. 60-61.

22. Оцимик Константин Владимирович (1919-1963): к 60-летию Великой Победы : [буклет] / МАУ ЦБС г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2004. 1 л.

23. Оцимик Константин Владимирович // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (дата обращения: 25.05.2019).

24. Память Великой Победы. Бурят-Монгольская

АССР в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. : [фотоальбом] / [ред.-сост. Б. Ж.-Б. Болотов]. Улан-Удэ, 2014.

25. Патриотический интернет-проект «Герои страны». URL: <http://www.warheroes.ru/>. (дата обращения: 28.08.19).

26. Память народа 1941-1945 : портал электронных документов Второй мировой войны. URL: <https://pamyat-naroda.ru/>. (дата обращения: 28.08.2019).

27. Редковский Н. И. // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (дата обращения: 25.05.2019).

28. Романин П. Герой из нашего села // Заря коммунизма [Ижмор. р-н, Новосиб. обл.]. 1976. 24 фев.

29. Семенов Е. В. Музеефикация недвижимых объектов историко-культурного наследия поляков в Бурятии: опыт МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надежда» // Поляки в Бурятии : альманах. Т. 7. Улан-Удэ. 2012. С.103-104.

30. Leonczyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej polowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa, 2017. 322 с.

31. Список Героев Советского Союза. Томская область // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (дата обращения: 25.05.2019).

32. Томск в судьбе Героев : краткий биограф. справочник Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы / сост. Н. Б. Морокова. Томск. 2015. С. 168.

33. Улица К. В. Оцимика // Улан-Удэ : краевед. очерк / П. Л. Натаев. Улан-Удэ, 1983. С.164.

34. Улица К. В. Оцимика // Улан-Удэ : путеводитель / Р. А. Серебрякова. Улан-Удэ, 1977. С. 98.

35. Улицы Улан-Удэ – памятники истории : словарь – справочник. Улан-Удэ, 2010. С. 142.

36. Усть-Баргузин. Выдающиеся жители поселка // Родное село. URL: <http://selorodnoe.ru/vid/show/id3632282/>. (дата обращения: 02.03.2012).

37. Хилтухин Д. Люди подвига : очерки о воинах Бурятии – Героях Советского Союза. Улан-Удэ, 1963. С. 91-93.

38. Хоринский район. Их именами названы улицы нашего района. URL: www.horlib.narod.ru/raion/Doc/ulitsy.htm/. (дата обращения: 25.05.2019).

39. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр. 3080. № 44187462. (Оцимик К. В. Дата подвига: 01.07.1944-31.07.1944 гг.).

40. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 6771. № 36606563. (Оцимик К. В. Дата подвига: 12.01.1945-29.01.1945 гг.).

41. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Ед. хр. 35, № 150023830. (Оцимик К. В. Мартовское наступление 1 Украинского фронта (Опельнская операция). Дата подвига: 19.03.1945 – 20.03.1945 гг., 06.05.1945 г.).

42. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 1350. № 19546231. (Редковский Н. И.).

43. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 3023. № 21009633. (Редковский Н. И. Дата подвига: 08.01.1944-10.01.1944 гг., 12.01.1944 г., 13.01.1944 г.).

44. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 940. № 31423948. (Редковский Н. И. Дата подвига: 15.04.1944 – 24.04.1944 гг.).

45. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 2820. № 33056248. (Редковский Н. И. Дата подвига: 25.07.1944 - 27.07.1944 гг.).

46. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Ед. хр. 29. № 46761668. (Редковский Н. И. Дата подвига: 29.01.1945 г.).

47. Цыренов Д. М. Наши земляки – Герои Советского Союза. Улан-Удэ, 1986. С. 141-145.

48. Цыренов Д. М. Герои Бурятии: 50-летию Победы посвящается. Улан-Удэ, 1995. С. 99-101, 111-114.

49. Цыренов Д. М. Герои Бурятии / Д. М. Цыренов : [предисл. Р. Гармаева ; ред. кол. : А. А. Елаев и др.]. Изд-е 3-

е, доп. Улан-Удэ : Респ. тип., 2014. С. 79-80, 58-59.

50. Черных В. На улице Героя // Молодежь Бурятии. 1984. 23 фев.

УДК 008(571.54)(=162.1)

Иванова М.И.
(г. Варшава, Польша)

**УЧИТЕЛЬ - ПРОВОДНИК К ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ.
ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ
В БУРЯТИИ**

Статья посвящена истории создания и развития польской общественной школы языка и культуры при национально-культурной автономии поляков «Надзея» в Улан-Удэ. Основное внимание в материале уделено оценке работы учителей из Польши и их роли в продвижение польского языка в Бурятии, а также в возрождении утраченных польских традиций и культуры.

Ключевые слова: Национально-культурная автономия поляков «Надзея» в Улан-Удэ, польская общественная школа, летняя школа польского языка и культуры над Байкалом, учитель из Польши, национальные традиции, польская культура.

Iwanowa M.I.
(Warszawa, Polska)

**NAUCZYCIEL - PRZEWODNIK KU POLSKOŚCI.
HISTORIA POLSKIEJ SZKOŁY SPOŁECZNEJ W
BURIACJI**

Artykuł jest poświęcony historii założenia i rozwoju Polskiej Szkoły Społecznej Języka i Kultury przy Narodowo-Kulturalnej Autonomii Polaków „Nadzieja” w Ułan Ude. Główny

nacisk stawiany jest na ocenę pracy nauczycieli z Polski i ich roli w promowaniu języka polskiego w Buriacji, odradzaniu utraconych polskich tradycji i kultury.

Słowa kluczowe: Narodowo-Kulturalna Autonomia Polaków „Nadzieja” w Ułan Ude, Polska Szkoła Społeczna, Szkoła Letnia Języka i Kultury Polskiej nad Bajkałem, nauczyciel z Polski, tradycje narodowe, kultura polska

Język stanowi najważniejszą część każdej kultury i jest podstawą narodowej identyfikacji. Jak pisał Mieczysław Jastrun w «Poemacie o mowie polskiej»: człowiek ze swoją mową zrosnięty jest ciaśniej, niż drzewo z ziemią [11, c. 79]. Dla Narodowo-Kulturalnej Autonomii Polaków «Nadzieja» w Ułan Ude nauka języka polskiego oraz przybliżenie kultury polskiej potomkom polskich zesłańców są priorytetem już od 25 lat.

W momencie utworzenia organizacji (był to rok 1993), jedyną osobą, która mogłaby podjąć się nauczania języka polskiego, była Pani Inna Aleksandrowa, która mieszkała w Polsce przez kilka lat i władała językiem w wystarczającym stopniu. Uczyla w dwóch grupach. To była pierwsza nauczycielka Polskiej Szkoły Niedzielnej [3, c. 177-178]. Nie mając własnego pomieszczenia, zajęcia odbywały się najpierw w Domu Twórczości, a następnie w budynku Buriackiej Filharmonii Państwowej. Gabinet dzieliliśmy z Centrum Kultury Ewenkijskiej.

Już po 3 latach w 1997 roku do pracy na Buriackim Uniwersytecie Państwowym przyjechał pierwszy nauczyciel z Polski – Maciej Krasuski [10, c. 96, 98]. Pracę na uniwersytecie połączył z działalnością w Polskim Stowarzyszeniu «Nadzieja». Pracował zaledwie jeden rok, ale to właśnie w tym czasie Stowarzyszenie poszerzyło swoje szeregi, dzięki studentom uniwersytetu. Pan Maciej okazał praktyczną pomoc w tworzeniu Polskiej Szkoły i aktywu kadry nauczycielskiej. Podsumowaniem roku szkolnego było wyłonienie grupy uczniów Polskiej Szkoły Niedzielnej, która wyjechała po raz pierwszy na kursy językowe

do Polski (Instytut «Polonicum» Uniwersytetu Warszawskiego) [5, s. 12].

Ważnym wydarzeniem dla nas było nabycie w 1999 roku, dzięki pomocy Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», pomieszczenia, w którym mogła mieścić się Szkoła Polska. Od tamtego momentu liczba członków Stowarzyszenia oraz uczniów szkoły znacznie wzrosła. Pojawiło się więcej możliwości do nauki języka polskiego, kultury i polskich tradycji. Sprzyjał też temu przyjazd nauczycielki z Polski – Pani Krystyny Joanny Szeligowskiej [6, c. 15-16]. Mimo tego, że głównym celem przyjazdu Pani Szeligowskiej do Buriacji było nauczanie języka polskiego studentów Uniwersytetu Buriackiego, pod jej kierownictwem powstało 5 grup w Polskiej Szkole Niedzielnej. Języka polskiego w grupach dla początkujących zaczęli też uczyć pierwsi absolwenci Szkoły Niedzielnej: Marina Zorkolcewa, Eugeniusz Siemionow, Walenty Litwinow, Krystyna Iwanowa [6, c. 15-16]. Młodzi nauczyciele otrzymywali od Pani Asi cenne wskazówki i pomoc metodyczną, przeszli również szkolenie pedagogiczne oraz ukończyli kursy językowe na polskich uniwersytetach. Pani Asia pracowała na Uniwersytecie Buriackim prawie 5 lat. Nasi uczniowie mieli okazję co roku wyjeżdżać na letnie obozy do historycznej Ojczyzny. Pani Joanna Szeligowska wzięła czynny udział w przygotowaniach i przeprowadzeniu w Ułan Ude pierwszych Dni Kultury Polskiej oraz obchodach 10-lecia powstania Stowarzyszenia «Nadzieja» [6, c. 15-16]. Położyła fundamenty i stworzyła dobrą bazę metodyczną Polskiej Szkoły Niedzielnej. Połączenie pracy na Uniwersytecie z działalnością społeczną w Polskiej Szkole Autonomii Polaków «Nadzieja» było dla nauczycieli zadaniem niełatwym.

Sytuacja zmieniła się w 2004 roku, kiedy Centralny Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli (CODN) skierował nauczyciela z Polski bezpośrednio do pracy w naszej Polskiej Szkole Społecznej przy Narodowo-Kulturalnej Autonomii Polaków «Nadzieja». Był to Artur Zdanio z Suwałk. Podczas jego rocznej pracy w polskiej szkole zrozumieliśmy na ile ważny jest

dla uczniów stały kontakt z nauczycielem – nosicielem języka. Dzięki temu Autonomia Polaków zaczęła działać coraz prężniej. Od 2004 roku do dnia dzisiejszego w naszej Polskiej Szkole stale pracują nauczyciele z Polski, co jest niezwykle ważne dla procesu nauczania języka. Nosiciel języka i kultury przekazuje wiedzę nie tylko w zakresie filologii polskiej, ale i buduje podstawy kultury polskiej, przybliżając potomkom Polaków w Buriacji ogromne pokłady polskiej kultury. Teoretyczna i edukacyjna wartość nauczania nie ulega wątpliwości. Jesteśmy niezmiernie wdzięczni CODN – Pani Krystynie Staroń, Pani Beacie Pietrzyk (obecnie naczelnik w Wydziale Oświaty Polskiej za Granicą, Departamentu Współpracy Międzynarodowej Ministerstwa Edukacji Narodowej), Panu Mariuszowi Wychódzkiemu (ORPEG) za właściwy dobór kadry nauczycielskiej, wsparcie, stałą opiekę i pomoc [6, c. 15-16].

Znaczącą rolę w rozwoju Polskiej Szkoły i Autonomii odegrała nauczycielka Pani Barbara Kaczmarczyk (2005-2007). Odpowiedzialna, wykwalifikowana specjalistka, wspaniały pedagog, świetna organizatorka. W tych latach w ramach działalności Polskiej Szkoły przeprowadzono szereg działań, mających na celu popularyzację kultury polskiej w Buriacji. W 2006 roku w ramach Dni Słowiańskiego Piśmiennictwa i Kultury w Młodzieżowym Teatrze Artystycznym została przedstawiona inscenizacja obrzędu «Polskie wesele» [3, c. 178-179]. W spektaklu uczestniczyli uczniowie wszystkich grup wiekowych Polskiej Szkoły. Spektakl, przygotowany i wyreżyserowany przez Panią Kaczmarczyk, był wypełniony polskimi ludowymi obrzędami, piosenkami i tańcami. «Polskie wesele» zostało bardzo dobrze odebrane przez widzów Republiki Buriacja, cieszyło się ogromnym powodzeniem i pokazywane było przez kilka kolejnych lat podczas różnych uroczystości. Oprócz nauczania języka polskiego Pani Basia wraz z uczniami zorganizowała projekty, które są kontynuowane do dziś. W 2006 roku po raz pierwszy w Buriacji zorganizowany został «Festiwal Współczesnego Kina Polskiego» [9, c. 156]. Festiwal stał się

cyklicznym projektem Autonomii, który jest lubiany przez społeczeństwo Ułan Ude, jak i Buriacji. Festiwal filmu polskiego odbywa się co dwa lata (2006, 2008, 2010, 2012, 2015). Głównym celem festiwalu jest zapoznanie mieszkańców Buriacji z nowościami polskiego kina, niesłusznie zapomnianego we współczesnej Rosji. Tłumaczeniem symultanicznym filmów zajmują się uczniowie Polskiej Szkoły [7, c. 8, 10]. Opinie na temat «Festiwalu Polskiego Kina» zawierają słowa wdzięczności dla organizatorów oraz wysoką ocenę tłumaczonych filmów.

«Dużym wyzwaniem i jednocześnie bezcennym doświadczeniem był dla mnie czas spędzony w Ułan Ude i współpraca z buriacką Polonią. Dzięki ich otwartości i zaangażowaniu udało nam się wspólnie zrealizować wiele ciekawych wydarzeń, aby lepiej poznać współczesną kulturę i historię kraju pochodzenia ich przodków. Będę zawsze ciepło wspominać ten okres i serdeczność, z jaką przyjęto mnie do zabajkalskiej polskiej wspólnoty» - Tak wspomina swoją pracę w Ułan Ude Pani Barbara Kaczmarczyk.

Pomijając istotną kwestię zwiększenia wśród mieszkańców Buriacji zainteresowania językiem i kulturą Polską, każdy kolejny nauczyciel Polskiej Szkoły wprowadzał w swoją działalność programy, bazując nie tylko na własnych doświadczeniach, ale także w oparciu o to, co do tej pory zostało zrealizowane. Pani Magdalena Kalinowska pracowała tylko rok (2007/2008), w dodatku w dość trudnych warunkach. Dom Polski był zamknięty z powodu gruntownego remontu. Władze Państwowego Uniwersytetu Buriackiego wyraziły zgodę na prowadzenie zajęć dla uczniów Polskiej Szkoły Społecznej w ich budynku. Mimo tego, że zajęcia odbywały się wyłącznie w późnych godzinach wieczornych, Szkoła nie straciła uczniów, żadnych nauki oraz obranego kierunku i tempa. W naszej pamięci zapadły teatralizowane przedsięwzięcia z okazji Dnia Niepodległości Polski, Dnia Polskiej Symboliki, Tygodnia Piśmiennictwa Słowiańskiego. Po raz pierwszy Pani Magdalena

zorganizowała konkurs sztuki czytania, który, począwszy od 2008 roku, odbywa się co roku.

Pani Karolina Tomaszewska skierowana przez Zespół Szkół dla Dzieci Obywateli Polskich Czasowo Przebywających za Granicą (ORPEG) do pracy w Ułan Ude (2008-2010) miała wysokie kwalifikacje i doświadczenie pedagogiczne. Dzięki wypracowanej metodyce nauczania, umiejętności nawiązywania kontaktu, między innymi ze starszymi osobami, oraz zdolności przekazywania im wiedzy we właściwy sposób, grono uczniów Pani Karoliny znacząco powiększyło się o starszą grupę wiekową. W tamtym czasie działało już 10 grup. Uczniowie z wielką przyjemnością przychodzili na zajęcia, szczególnie przedstawiciele starszego pokolenia z polskimi korzeniami, którym udało się zachować pamięć o swoich przodkach.

Poziom znajomości języka polskiego przez naszych uczniów był godnie zaprezentowany we wrześniu 2009 roku. Teatr Ludowy z Krakowa przywiózł w Ułan Ude dwa spektakle «Antygona w Nowym Jorku» Janusza Głowackiego oraz «Skrzyneczka bez pudła» Wiesława Dymnego [2, c. 61]. Tłumaczenia symultanicznego spektakli na język rosyjski podjęli się Eugeniusz Siemionow, Walenty Litwinow oraz Iren Borzo. Wypełniona po brzegi sala Buriackiego Teatru Dramatycznego oklaskiwała nie tylko wybitnych polskich artystów, ale i uczniów Polskiej Szkoły, którzy na żywo dokonali przekładu literackiego na profesjonalnej scenie.

Język polski i Polska – to nie abstrakcyjne pojęcia z nudnego podręcznika, to żywy język i kraj z bogatą kulturą. Opanowanie języka jest niemożliwe bez jednoczesnego poznania kultury etnicznej – ubarwiającej obraz świata, w którym żyje naród – nosiciel języka. Rok pracy w Autonomii Polaków «Nadzieja» Pani Elżbiety Kraśnickiej-Zbrzeźnej był związany z postępem sukcesów w nauce języka. W naszej pamięci zostały zachowane lekcje pokazowe i warsztaty Pani Elżbiety, na których odtwarzaliśmy polskie tradycje narodowe. Pani Elżbieta była

pomysłodawczynią konkursu poetyckiego, poświęconego postaci Czesława Miłosza – laureata Nagrody Nobla.

«Wspominam bardzo życzliwych i serdecznych członków Autonomii oraz ich dumę z polskiego pochodzenia, widoczną zarówno we wspomnieniach jak i codziennych rozmowach. To dzięki nim mogłam zachwycać się folklorem Buriacji, a klimat na Syberii był dla mnie bardzo ciepły» - tak wspomina swój pobyt i prace w «Nadziei» Pani Elżbieta Kraśnicka.

Zesłani na Syberię Polacy przynieśli tu ducha kultury europejskiej i zostawili tutaj potomków, którzy uważają Buriację za swoją Ojczyznę. Właśnie pamięć o przynależności do narodu polskiego prowadzi ludzi z polskimi korzeniami do Domu Polskiego, którego drzwi są zawsze otwarte. W Polskiej Szkole uczą się całymi rodzinami, zarówno dzieci, jak i dorośli. Wszyscy pragną nauczyć się języka swoich przodków i poznać bliżej kulturę i tradycje swojego narodu.

Pani Joanna Panasiuk pracowała w naszej szkole przez trzy lata. W tym czasie uczennice Katarzyna Łazariewa i Elena Chmielowa zwyciężyły w konkursie «Być Polakiem», który jest organizowany przez Stowarzyszenie «Wspólnota Polska». A Walenty Litwinow wziął udział w finale Ogólnopolskiego Dyktanda z Języka Polskiego w Moskwie.

Niezwykłe zainteresowanie polskimi korzeniami wywołał przyjazd do Ułan Ude nauczyciela z Olecka – Pana Andrzeja Malinowskiego. Przez rok pracy w Polskiej Szkole (rok szkolny 2014-2015) liczba uczniów wzrosła do 63 osób. I co ważne, wiele z nich zaczęło mówić po polsku. Pan Andrzej, jak my go nazywamy, jest «Nauczycielem od Boga». Utalentowani uczniowie szkoły stali się częścią zespołu teatralnego, który w 2014 roku po raz pierwszy wziął udział w Festiwalu Polonijnych Zespołów Teatralnych w Tomsku.

Nauka języka polskiego jest z powodzeniem kontynuowana na Wydziale Filologicznym Buriackiego Uniwersytetu Państwowego (w ramach zajęć fakultatywnych) [8, c. 11-12]. W 2009 roku na Uniwersytecie otwarto Centrum

Języka, Historii i Kultury Polskiej. W różnych latach jako wykładowcy z Polski pracowali tam następujące osoby: Pani Barbara Knapik, Pani Agnieszka Fiałkowska, Pani Dorota Hałat, Pani Katarzyna Dmitruk.

Opisując dzieje Polskiej Szkoły w Buriacji należy wspomnieć o Panu Tadeuszu Markiewiczu. Pan Tadeusz jako Członek Zarządu Stowarzyszenia «Wspólnota Polska» przyczynił się do realizacji wielu przedsięwzięć dla Polaków na Syberii. I czynił to bardziej z serca niż z obowiązku. Autonomia Polaków «Nadzieja» zawdzięcza Panu Tadeuszowi powstanie i realizację projektu – Szkoła Letnia Języka i Kultury Polskiej nad Bajkałem «Bliżej Ojczyzny», który po raz pierwszy został zrealizowany w 2003 roku i był kontynuowany aż do 2016 roku. Projekt ten cieszył się wielkim zainteresowaniem i łączył młodzież polonijną z całej Syberii (Republika Buriacja, Obwód Irkucki, Tomski, Kraj Krasnojarski, Kraj Zabajkalski, Republika Chakasja etc.). A trzy edycje miały nawet zasięg międzynarodowy, gdyż do grona uczniów Letniej Szkoły dołączyły dzieci, a także młodzież z Polski [1]. Miałam zaszczyt organizować dziesięć edycji Letniej Szkoły „Bliżej Ojczyzny” i jestem niezmiernie dumna z sukcesów naszych podopiecznych. Pobyt na językowej szkole przyczynił się do zwiększenia frekwencji uczniów w Polskiej Szkole przy Autonomii Polaków i lepszych wyników w nauce języka polskiego. Szkoła Letnia «Bliżej Ojczyzny» jest zaliczana do najbardziej pożądanых i owocnych projektów Autonomii Polaków „Nadzieja”.

Dzisiaj Polska Szkoła Społeczna przy Narodowo-Kulturalnej Autonomii Polaków «Nadzieja» żyje interesującym i pełnym wrażeń życiem. Już cztery lata z rzędu pracuje w niej Pan Krystian Furmanowicz, skierowany przez ORPEG. Skromny i odpowiedzialny człowiek. Ma podejście do każdego ucznia i jest gotowy działać przez dzień i noc, aby zobaczyć rezultat swojej pracy. Pan Krystian oprócz prowadzenia zajęć w Polskiej Szkole Społecznej jest wykładowcą języka polskiego na Uniwersytecie Państwowym. Organizuje szereg przedsięwzięć, pomaga również

obecnej Pani Prezes Autonomii Polaków w składaniu sprawozdań, wniosków, prowadzi korespondencje a także dużo tłumaczy i pisze dla gazety «Pierwsze Kroki», wydawanej przez Autonomię «Nadzieja» od 2000 roku [4, c. 87].

«W Ułan Ude powstała Szkoła Społeczna Języka i Kultury, jej uczniowie mają od 7 do 75 lat i uczą się polskiego jak szaleni. Niektórzy to już pewnie bardziej Buriaci, niż Polacy, widocznie silniej jednak z rysów, niż z serca, bo jest moda na mówienie po polsku, choć pewnie użyteczniejsze byłyby mongolski i chiński» [12]. Tak pisała dziennikarka Pani Jagienka Wilczak w tygodniku «Polityka», która wraz z dużą grupą dziennikarzy z Polski odwiedziła Ułan Ude. Z jej słowami nie możemy się nie zgodzić. Utrzymywać zapał w nauczaniu języka polskiego w dużej mierze pomagają nauczyciele z Polski, którzy otwierają nam świat bogatej polskiej kultury i uczą nas być Polakami.

Примечания

1. Архив «Национально-культурной автономии поляков г. Улан-Удэ «Наджея».

2. Иванова М. И. Возрождение этнической культуры поляков в Республике Бурятия (на примере деятельности Национально-культурной автономии поляков «Наджея») // Диалог культур в местном сообществе в условиях трансформации российской государственности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 11-13 сент. 2012 г.): к 80-летию образования БГПИ-БГУ. Улан-Удэ, 2012. С. 58-61.

3. Иванова М. И. Деятельность национально-культурных организаций в Республике Бурятия: на примере МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» // Полонийные чтения – 2013: история, современность, перспективы развития полонийного движения : междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию польского восстания 1863-1864 гг. и 20-летию МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» 20 сент. 2013 г.

Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2013. С. 176-186.

4. Иванова М. И. «Надлежа»: духовное возрождение поляков: о польской культуре в Бурятии // Созвездие дружбы : обществ. лит.-худож. альм. народов Вост. Сибири. 2007. № 3. С. 85-87.

5. Иванова М. Летопись Польской воскресной школы в Бурятии // Pierwsze kroki. 2016. № 2 (63). С. 12.

6. Иванова М. Летопись Польской воскресной школы в Бурятии // Pierwsze kroki. 2016. № 3 (64). С. 14-16.

7. Иванова М. Летопись Польской воскресной школы в Бурятии // Pierwsze kroki. 2017. № 1 (66). С. 8-11.

8. Иванова М. Летопись Польской воскресной школы в Бурятии // Pierwsze kroki. 2017. № 2 (67). С. 10-12.

9. Иванова М. И., Семенов Е. В. МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надлежа» в полиэтническом пространстве Республики Бурятия // Современные тенденции развития полонийного движения в России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 сент. 2008 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008. С. 153-158.

10. Иванова Ю. Г. Общество польской культуры «Nadzieja» – шаг к возрождению национальных традиций // Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф., г. Улан-Удэ, 30-31 мая 2003 г. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. С. 95-97.

11. Jastrun M. Poemat o mowie polskiej. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1952. С. 79-86.

12. Wilczak J. Syberyjscy potomkowie powstańców styczniowych // Polityka [Zasób elektroniczny]. 2013. 5 lutego. URL:

<https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/spoleczenstwo/1535335,1,syberyjscy-potomkowie-powstancow-styczniowych.read>. (дата обращения: 27.06.2019).

УДК 939(571.1/.5) (=162.1)

Гребенщиков Н.Д., Полянская О.Н.
(г. Улан-Удэ, Россия)

**ОБ ОДНОМ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ И
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ
(КТО ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРОМ ОЧЕРКА
«ПОЕЗДКА ИЗ ИРКУТСКА В КЯХТУ ЧЕРЕЗ БАЙКАЛ
ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ»)**

Эпистолярное наследие путешественников является ценным источником в изучении Сибири, истории и этнографии края. Однако случается, что с течением времени происходит искажение данных об источниках в силу ряда причин. Особенно это относится к дневниковым записям на иностранных языках, автор перевода, при неправильном библиографическом описании, становится автором дневника или очерка. Так сложилась судьба очерка «Поездка из Иркутска в Кяхту через Байкал или святое море» Ю. Кобылецкого – чиновника сибирской администрации польского происхождения.

Ключевые слова: источники, поляки в Сибири, Кяхта, Ю. Кобылецкий, О. Евецкий

Grebenshchikov N.D., Polyanskaya O.N.
(Ulan-Ude, Russia)

**ONE BIBLIOGRAPHICAL AND
HISTORIOGRAPHICAL FALLACY
(WHO IS THE AUTHOR OF THE ESSAY "A TRIP
FROM IRKUTSK TO KYAKHTA VIA BAIKAL OR THE
HOLY SEA»)**

Epistolary heritage of travelers is a valuable source in the study of Siberia, history and Ethnography of the region. However,

it happens that over time there is a distortion of data on sources for a number of reasons. This is especially true of diary entries in foreign languages, the author of the translation, with incorrect bibliographic description, becomes the author of a diary or essay. So was the fate of the essay "the Trip from Irkutsk to Kyakhta across lake Baikal, or Holy sea" Kobylecko Yu – Chi of rownica Siberian administration of Polish origin.

Key words: sources, Poles in Siberia, Kyakhta, J. Kobylecki, O. Jewiecki

Существует заблуждение, что автором очерка «Поездка в Кяхту через Байкал или Святое Море» [1], вышедшего в 1840 г. в книге «Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком¹, является Орест Евецкий. На самом же деле автор очерка Юзеф Кобылецкий, очерк – это часть его книги «Wiedomosci o Sybery i podroze w niej odbyte w latach 1831, 1832, 1833, 1834» przez I. K. w. Warszawie 1837 (Известия о Сибири и путешествиях совершенных по ней в 1831, 1832, 1833, 1834 годах). Орест Евецкий сделал перевод с польского на русский язык. Издатель В. Пассек в книге «Очерки Росси» указав имя О. Евецкого, не уточнил, что он переводчик, а не автор. Имя Ю. Кобылецкого совсем не упоминается. Издатель только указал, что Очерк опубликован в книге «Wiedomosci o Sybery i podroze w niej odbyte w latach 1831, 1832, 1833, 1834» przez I. K. w. Warszawie 1837, автор же книги скрывается за инициалами «I. K.», что прошло мимо внимания читателей и исследователей.

В 1840 г. русский публицист, издатель, литературный критик Катков Михаил Никифорович (1818-1887) в «Отечест-

¹ Пассек Вадим Васильевич (1808-1842), русский беллетрист, этнограф, историк, археолог. Из дворян. Окончил Московский университет (1830). Участник кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева в 1831-1834 гг. Издал «Очерки России» (кн. 1-5, 1838-1842) – научно-популярный сборник по истории, археологии, этнографии, ставил задачи изучения внутренней жизни и быта народа.

венных Записках» [11, с. 20-24], - дает разбор «Очеркам России, издаваемые Вадимом Пассеком», из восьми статей напечатанных во II-ой книге «Очерков...», подробный разбор был сделан для статьи А.Ф. Вельтмана «Портфель служебной деятельности Ломоносова». Остальные были упомянуты по авторам, в том числе и «Поездка в Кяхту...» опять же за авторством О. Евецкого.

Позже В. И. Межов в своем фундаментальном труде «Сибирская библиография: Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания» [10], размещает ссылку на более позднюю публикацию «Поездки в Кяхту...» [5], сохранив авторство очерка за О. Евецким. В перечне иностранных книг В.И. Межов называет оригинал на польском языке, не соотнося его с очерком. Таким образом, Очерк получил самостоятельную жизнь, имя Ореста Евецкого, как автора очерка «Поездки в Кяхту через Байкал или Святое Море» закрепилось и перешло в более поздние справочники: в аннотированный указатель книг и публикаций в журналах «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», под научным руководством и редакцией профессора П. А. Зайончковского под № 2659 [6, с. 70; 8, с. 309; 12].

Об авторе Юзефе Кобылецком (1801-1867) известно не много – офицер-артиллерист в российской армии, чиновник сибирской администрации. Декабрист А.Е. Розен в своих воспоминаниях пишет: «Из лиц, посетивших нас в Кургане, должен упомянуть еще о почтенной вдове генерал-лейтенанта де Сент-Лорана с дочерью... Тогда жена моя познакомилась и с дочерью, вышедшею после замуж за благородного поляка К., который служил в гвардейской конной артиллерии: когда батарея в 1831 г. дошла до границы Царства Польского, то он объявил своему главному начальнику И. О. Сухозанету, что совесть его запрещает ему идти далее против своей родины. За это он был сослан в Омскую гарнизонную артиллерию тем же чином. Там он женился, чрез год был он

прощен, с дозволением возвратиться в Варшаву» [13, с. 308].

«Благородный поляк К.» – это Ю. Кобылецкий. За отказ участвовать в подавлении польского восстания он был переведен в Сибирь, служил в Тобольске и Омске [9; 15, с. 5, 19, 170-171], где он часто участвует в инспекционных поездках в южной и восточной Сибири в 1831-1834 гг. Кроме того, он посетил Томск, Омск, Кяхту, Иркутск, был на Байкале, достиг границы Китая [7]. После возвращения в Польшу (1835) опубликовал двухтомные сообщения о Сибири и путешествия его совершенные в 1831 1832 1833 1834 годах (ред. 1837), которые затем стали один из самых богатых источников знаний о Сибири в польской литературе. Впоследствии служил в Собственной Канцелярии наместника Царства Польского, в 1854 г. надворный советник Кобылецкий проживал в Краковском предместье Варшавы.

Орест Евецкий – статистик, малороссийский фольклорист, этнограф, писатель, публицист, исследователь истории XIX в. Действительный статский советник. В 1830 г. окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Принимал участие в подготовке и выходе «Украинского Альманаха», одного из первых украинских альманахов, изданного на русском и украинском языках в 1831 г. в Харькове Измаилом Срезневским вместе с Иваном Росковшенко и группой харьковских романтиков. С 1831 по 1834 гг. служил на Кавказе. В «Варшавском Курьере» 12 сентября 1832 г. печатается короткая выдержка из его статьи «Татары Армянской области».

Ценную работу представляет составленное им «Статистическое описание Закавказского края» с присовокуплением статьи «Политическое состояние Закавказского края в исходе XVII в. и сравнение оногo с нынешним» (СПб., 1835), «Обозрение российских владений за Кавказом» (СПб., 1836). Из названия книги «Известия о Сибири...» и биографии Евецкого становится ясно, что он не является автором «Поездки в Кяхту...», так как в указанные годы находился на

Кавказе. Учитывая скорость передвижения в то время и расстояние между географическими объектами, вряд ли он мог путешествовать по Сибири. Дальше работал в Собственной Канцелярии наместника Царства Польского, где достиг заметной карьеры: в 1852 г. его назначают вице-директором этого учреждения, а впоследствии – руководителем ее таможенного отдела.

Собирал фольклор, который позже опубликовал в сборнике «Запорожская старина» И. И. Срезневского и др. Первые его статьи: «Записки из путевых заметок, веденных в мае-июле 1835 г., по Силезии, Саксонии и Богемии» [2], «Русинская летопись» и «Универсал гетмана Богдана Хмельницкого» [3; 4]. Занимался переводами с польского языка, самая известная его работа «История первобытной христианской церкви у славян» опубликована в Варшаве в 1840 г., из книги Вацлава Мацевевского «Pamiętnik o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian».

Переводя на русский язык отрывок из книги Ю. Кобылецкого «Известия о Сибири...», Евецкий отошел от оригинала, допустив две небольших купюры (об омулевом промысле на Байкале и исцелении иркутской дамы от бесплодия) и сделав пространную вставку об обороне Албазина, взятую из словаря Плюшара, с которым активно сотрудничал, помещая статьи по географии и статистике Кавказа.

Несмотря на то что «Известия о Сибири...» написаны в жанре путевых заметок, они остаются одним из источников по истории и этнографии Сибири XIX в. Отдельные фрагменты переводятся краеведами, историками Сибири и сибирской полонией [14], в частности о путешествии Кобылецкого в Кяхту, однако авторство вновь – за переводчиком О. Евецким.

Примечания

1. Евецкий О. Поездка в Кяхту через Байкал или Святое Море // Очерки России, издаваемые В.В. Пассеком. СПб., 1840. С. 102-138.

2. Евецкий О. Записки из путевых заметок, веденных в мае-июле 1835 г., по Силезии, Саксонии и Богемии // Телескоп. 1835. № 28.
3. Евецкий О. Русинская летопись // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. С. 125-135.
4. Евецкий О. Универсал гетмана Богдана Хмельницкого // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. С. 125-135.
5. Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1841. Т. 29, № 113. С. 9-50.
6. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннотир. указ. книг и публикаций, под науч. руководством и ред. проф. П. А. Зайончковского. В 2 т. Т. 2, ч. 2. М. : Книга, 1978. 309 с.
7. Кобылецкий Ю. Город Якутск и якуты. Койданава : Кальвина, 2016.
8. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
9. Масыж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске 1838-1922 гг. М. : Директ-Медиа, 2013.
10. Межов В. И. Сибирская библиография : указ. книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания, 1891-1892 гг. Т. 1-2. СПб., 1903. С. 258 (№ 12243).
11. Отечественные записки. 1840. Т. 9. № 3-4. С. 20-24.
12. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья : материалы для биобиблиографического словаря. Иркутск ; Чита, 1965. 128 с.
13. Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 308.
14. Туманик Е. Н. Омск начала 1830-х годов в путевых очерках Ю. Кобылецкого // Третьи ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска (Омск, 26-28 ноября 2015 г.). Омск, 2015.
15. Janik M. Dzieje Polakow na Syberii. Krakow, 1928. 472 с.

МЕМОУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛЯКОВ БУРЯТИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

УДК 94(571.54)(=162.1)

**Мелешевич М.А.
(г. Бабушкин, Россия)**

ДЖЕНЬ ДОБРЫ, ЛУЦИЯ!

Начало сентября на Байкале – благодатная пора. Море спокойное, еще очень тепло. В зеркальной глади голубой воды отражаются высокие вершины Сибирской горной страны, в самом центре которой протянулось полумесяцем каменное ложе древнего и таинственного моря – озера. И если его западная часть – это скалы, подступившие вплотную к берегу и круто уходящие на километровую глубину, то на юго-восточном побережье предгорья Восточного Саяна, Хамар-Дабана и Баргузинского хребтов деликатно приближаются или отдаляются порой от Байкала, оставляя для путешественников удобные бухты и заливы.

Вольготно раскинулась на возвышенностях и в долинах между ними сибирская тайга; она еще зелена, сохранив в своих недрах энергию знойных дней лета. Пройдет две-три недели, и красные, огненно-желтые, оранжевые краски заполыхают по ней разноцветной палитрой художницы-осени. Тихо, и кажется, так будет всегда – безмятежно и благостно, как будто время остановилось, затормозив свой неутомимый бег.

Но чу, или послышалось? На горизонте, соединяющем море и небо, появляется точка. Она стремительно увеличивается в течение двух ближайших часов, превращаясь наконец, в огромный корабль-исполин. Судно изредка издает густой низкий рев, оповещая все пространство вокруг о своем появлении. За ним тянется шлейф дыма; черные клубы вырываются из огромных труб парохода и исчезают в лазоревой

выси. На средней палубе – поодаль от многочисленных попутчиков с котомками, чемоданами и узлами – молодая чета, стройный высокий поляк с правильными чертами лица и его спутница, держась крепко за руки, с восторгом и опаской поглядывают в бездонные чертоги темной воды. Девушка не кажется красивой безусловным очарованием юности: в крепкой ладной фигуре и твердой линии рта проявляется зрелый характер. У нее высокие скулы и крупный нос. Но как же хороши внимательные яркие глаза, с интересом разглядывающие все вокруг. Добавляют очарования густые пышные волосы и руки, удивительной красоты и изящества.

Вода за кормой кипит белыми барашками, крикливые чайки летят вслед за судном, надеясь получить свою порцию угощения. Путники еще не знают, что это путешествие по Байкалу станет для них последним в череде бесконечных дней и ночей в роли вынужденных переселенцев.

Позади – такая далекая и прекрасная родина – село Пружаны Белостокского воеводства, расположенного в пределах тогдашней царской России, в Белоруссии. Позади безмятежное детство девочки и прекрасная юность, полная надежд и мечтаний о счастливой жизни. Родные и близкие лица домашних, друзей и односельчан, их мягкий певучий говор, знакомые стены дома и тепло родного очага, привычный уклад добропорядочной польской размеренной жизни, песни и танцы вечерних посиделок – все осталось в прошлой жизни. Волны памяти, беря ночную душу воспоминаниями и тоской, как пламя волшебной свечи, рассеиваются с наступлением дня. Очередного дня, когда суровая реальность изгнания становится целью просто выжить, здесь и сейчас, и благополучно добраться до еще более призрачной Америки.

На фото справа семья Мелешевичей : Лущия с первенцем - дочерью Анной, позади Анжей, Мысовая, 1907 г.

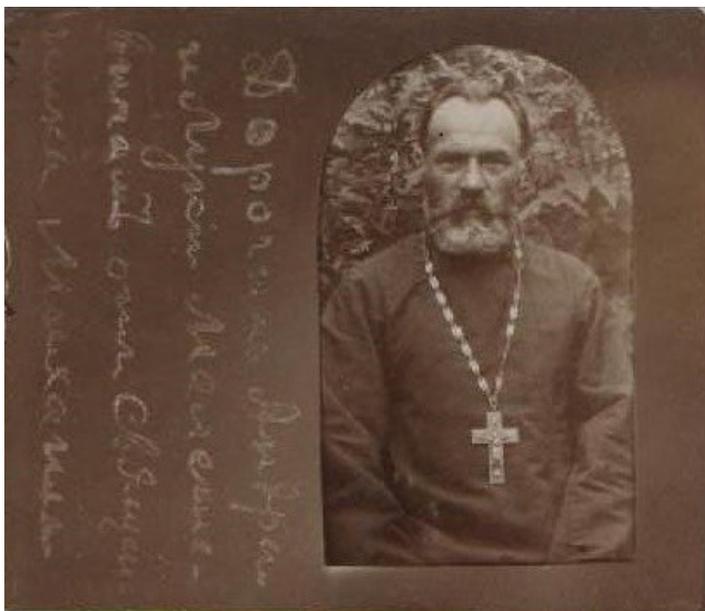
Анжей Мелешевич, родившийся в 1880 г., рано остался сиротой. Пришлось сызмалства пасти гусей у зажиточного крестьянина, и получать изрядную порцию побоев розгами, если недосмотрел гусенка. По соседству с хозяином мальчика проживал православный священник, отец Михаил. Своей семьи у него не было и, присмотревшись к ребенку, он пожалел сироту, практически выкупив его из рабства. Вос-

питывал и любил, как родного сына, обучал грамоте и хорошим манерам. Смышленный паренек вскоре превратился в статного, хорошо сложенного юношу, уравновешенного и основательного.

Семейное предание гласит, что нашлось применение хорошему образованию Анджея – он стал управляющим имением у состоятельного помещика Флора Чернокевича, который в свое время открыл кожевенный заводик. У Флора была дочь Луция, отличавшаяся независимым и твердым характером. Приглянулись молодые друг другу и, хотя девица была на шесть лет младше своего возлюбленного, это совсем не помешало им стать женихом и невестой. А пока не пришло время свадьбы, встречались, миловались, мечтали о прекрасном будущем вместе.

В самом начале XX в. идеи освобождения рабочих и крестьян от многовекового ига витали уже вовсю в воздухе. «Свобода, Равенство, Братство» – эти призывы будоражили кровь, заставляли задумываться о новой, доселе неизведанной жизни. Молодежь в Пружанах волновалась, то и дело собираясь на политических сходках. Не остался в стороне и Анджей, возглавивший вскоре один из таких кружков. Реакция властей не замедлила сказаться: молодого революционера арестовали и, если бы не помощь названного отца Михаила, неизвестно как бы сложилась его дальнейшая судьба?

Батюшка Михаил был человеком известным – депутатом Сейма, и ему, после многочисленных хлопот и тревог, удалось взять Анджея «на поруки». Оставаться дома оказалось небезопасным, все понимали, что рано или поздно прогрессивные взгляды молодого активиста не дадут ему отсидеться в стороне от волнений новой жизни. Что оставалось делать – только уехать, и желательно далеко-далеко, на самый край света... В Америку!

Отец Михаил, с. Пружаны, 1905 г.

Там у отца Михаила проживал брат, к которому с рекомендательным письмом и фотографией Михаила с дарственной надписью молодым, отправилась семейная пара Мелешевичей, поспешно обвенчавшись перед самой дорогой. Времени на сборы было в обрез, взяли самое необходимое, уж слишком далеким предстоял их путь. Ехать решили не через Европу, таким образом пришлось бы преодолеть границы множества стран, а дальним ходом – через Россию, ее Дальний Восток. Прощались, смутно предчувствуя, что не суждено больше свидеться. Трепетное сердце ощущает горечь вечной разлуки и скорбит, обливаясь невидимыми слезами. Прощай, милая Родина, прощайте, дорогие и близкие, не поминайте лихом!

Молодая польская чета к тому времени, лету 1905 г., уже могла беспрепятственно путешествовать по железной дороге до самого сибирского Иркутска. Из окна вагона они увидели всю бескрайнюю Россию. Вот оно, свадебное путешествие, и одновременно – бегство. Под размеренный стук колес мысли то и дело крутятся вокруг одной проблемы – когда же придет конец нескончаемому путешествию? Неизвестность пугает, а родина остается все дальше и дальше. И нет пути назад. Но они вместе, Луция и Анджей! Муж сильный и надежный, с ним не следует ничего бояться. Впереди – новая жизнь, и пусть судьба будет к ним благосклонна!

Россия, активно занимаясь строительством Транссиба с 1891 г., самой протяженной в мире железной дорогой в 9 тысяч километров, показывала поистине высочайшие темпы технического прогресса того времени: одновременно из центра Урала – Челябинска, до которого царская железная дорога функционировала долгие годы, и из Владивостока – самого восточного форпоста дальневосточных рубежей России, навстречу друг другу началось строительство железнодорожных веток, чтобы, соединившись в районе Байкала, обеспечить сквозное движение поездов по магистрали и связать водино необъятные рубежи страны.

Ко времени нашего повествования следует отметить, что строительство основных этапов железной дороги было или закончено, или местами еще шло полным ходом – поезда двигались в обоих направлениях, привнося с паровозными гудками в таежные дали и распадки эхо новой жизни. Для строительства магистрали потребовались тысячи, десятки и сотни тысяч рабочих рук. Для упорядочения переселенческого движения были разработаны и действовали специальные правила переселения, льготы для новоселов и нормы обеспечения их лесом для строительства жилья, семенами, скотом

и механизмами. От самого Челябинска и до Владивостока на постоянных путях движения переселенцев были построены и действовали врачебно-питательные пункты.

Местных строителей почти не было. На сооружении дороги работали вольнонаемные из центральных губерний России, из Забайкалья, Западной Сибири, ссыльные поселенцы, буряты, а также турки, китайцы, армяне. Среди каменотесов работали по вольному найму итальянцы и албанцы, которые считались одними из лучших в мире искусными строителями тоннелей и мостов.

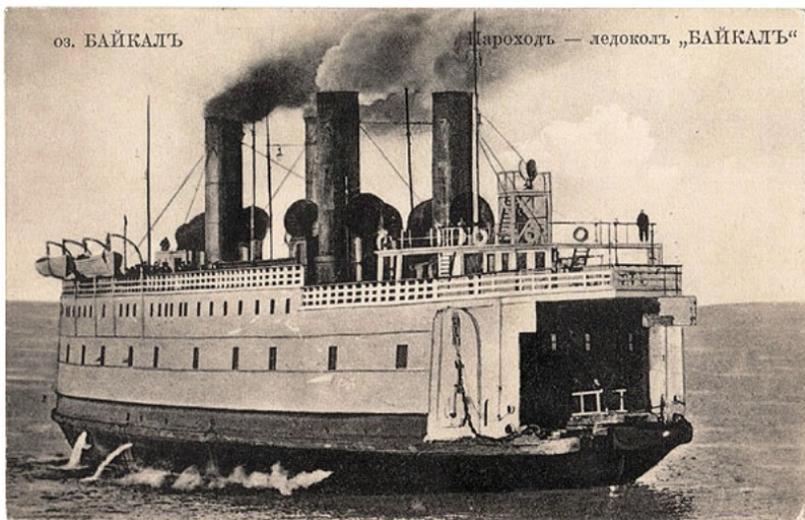
Вот почему, в результате массового переселения народов, в байкальской Сибири встречаются на редкость красивые люди. Патриархи рода, их деды и прадеды, на рубеже столетий оставили свои родные места, где веками воспроизводилась добротная человеческая порода, чтобы устремиться в поисках лучшей доли в Сибирь, на Дальний Восток, в том числе и на строительство Транссиба. В течение короткого периода из привычных мест обитания тронулись в долгий путь тысячи, миллионы переселенцев. Все они, в какой-то мере, были авантюристами – поехать неведомо куда, в глухие места царских окраин? И только рассказы «бывалых» о несметных богатствах Сибири – земли сколько возьмешь, о злате-серебре в недрах, о мягкой рухляди в таежных дебрях, о возможности подзаработать на строительстве – манили вперед самую вольнолюбивую, свободную, дерзкую кровь. Эта молодая и сильная кровь, вливаясь мощным потоком в реку новой жизни, клокотала и бурлила, создавая в своей наивысшей точке сотворчества новую расу – сибиряков, в чьем геноме неутомимый исследователь найдет метки великорусской державности аграриев Вологодчины, Владимировщины и Московии, Рязанщины и Нижегородчины. Тягу к народным промыслам привнесут выходцы из Орловской и Пермской, Вятской и Псковской губерний. Украинцы с их певучим говором и зычным пением из полтавских земель, предприим-

чивые торговцы с Харьковщины, неторопливые и культурные белорусы и поляки Могилевщины, государевы люди Пензенской губернии, симбирские садоводы, смоленские железнодорожники, казацкая вольница Черниговщины, народо-вольческий революционный дух Тамбовщины, актерские дарования саратовских жителей...

Представители всех народов России и зарубежья привнесли в новую Сибирь свою культуру, образ жизни, традиции, верования, язык и диалект, которые трансформировались со временем в самобытную идентичность.

К тому времени, когда строительство Транссиба уже началось, стало понятно, что из-за сложности постройки и дороговизны, сооружение Кругобайкальской железной дороги откладывается на неопределенное время. В этом случае, в непрерывном железнодорожном сообщении между Иркутском и Мысовой оставался участок, незамкнутый железнодорожным путем. Возникла идея обустройства через Байкал паровой железной дороги, которая при помощи паромо-ледокола могла обеспечить непрерывность движения составов. Этакую металлическую махину, способную перевозить целые железнодорожные составы, смогли построить на своих верфях англичане по спецзаказу царского правительства России.

Представьте себе такую картину: из порта Байкал, что на иркутском берегу, неторопливо отчаливает огромный паром – ледокол, величиной примерно с четырехэтажный дом и, постепенно набирая ход, устремляется к мысовскому берегу. И имя ему дали под стать «Байкал»!

Ледокол «Байкал». Открытка. Начало XX в.

На нижней палубе корабля, мерно покачиваясь в такт движению, стоят на рельсах в три ряда двадцать пять грузовых вагонов, и рядом с ними труженик-паровоз, терпеливо ожидая, когда же закончится их небольшое морское путешествие. Всего через четыре часа судно зайдет в вилку Мысовской гавани, паровоз торопливо выскочит из чрева ледокола и, увлекая за собой вереницу вагонов, потянет их вперед по рельсам дальше на восток. А красавец – громадина паром, выпустив на берег очередной железнодорожный состав и другие грузы, а также множество людей с котомками и чемоданами, вновь примет на свои палубы вагоны с чаем и мануфактурой, мукой и кожами, посудой и зерном, чтобы отплыть в обратный путь. Движение по Транссибу не должно было прерываться – ни днем, ни ночью, ни летом, ни зимой...

Вот на таком ледокольном гиганте и совершили свое эпохальное путешествие по сибирскому морю – озеру Байкал из Иркутска дальше на Восток, герои нашего повествования Анджей и Луция Мелешевичи. А впереди оставались еще

тысячи и тысячи километров до таинственной и недостижимой Америки. Что уготовила им судьба, будет ли она благосклонна к нашим путешественникам, сохраняя их души и тела в неведомых далях?

Нет, судьба распорядилась по-другому, и трудно сейчас даже предположить, была ли это спасительная остановка, или, не добравшись до Нового Света, они так и не достигли земли обетованной? Кто знает – неисповедимы пути Господни.

Что же послужило стремительному изменению их планов? А вот что. Стоя на палубе парома, свозь гвалт разношерстной публики, через крики чаек и рев пароходных гудков, они услышали вдруг самую любимую мелодию – звуки родной польской речи. Группа молодых земляков-поляков ехала в Мысовск – небольшой городок на юго-восточном побережье Байкала. Там они работали на строительстве железной дороги. Разговорившись, новые знакомые, узнав о конечной цели наших героев, изумились:

- И зачем вам сдалась эта Америка?! Здесь у нас столько работы, платят исправно, и жилье дают. Тут лучше Америки, оставайтесь! Сойдем на берег, и мы вас в контору сведем!

Покинув трап судна, путешественники ступили на привокзальную площадь. Здание нового вокзала затейливой архитектуры, паровозное депо, водонапорные башни, и везде люди, люди. Мелешевичи пристально разглядывали окрестности – городок и впрямь показался им уютным, мирным и живописным: расположенный на пологом байкальском мысу, он со всех сторон был окружен водою; близкие горы, густо поросшие лесом, окаймляли поселение с юга. Проехав столько тысяч километров, они еще не встречали местечка красивее этого. Появилось совсем новое ощущение – чего-то родного и знакомого. Наверное, это все-таки была поддержка земляков? Анжей и Луция молча посмотрели друг на друга

– решение остаться оказалось взаимным. Так небольшой байкальский городок стал родиной будущего большого рода Мелешевичей, потомки которого проживают ныне повсюду на земле.

Мысовск. Начало XX в.

Наверное, была тому причиной добротная человеческая порода, традиция и сила – молодая жена исправно рожала – Анджею крепких ребятишек – мальчишек и девчонок. Первенец – дочка Анна родилась в декабре 1906 г., а последний сын – Юрик появился в семье Мелешевичей в январе 1926 г. Пятерых сыновей и четырех дочерей надо было поставить на ноги, выучить и отправить с благословением в новую жизнь.

Работы хватало – Анджей служил на стрелочном переезде, Луция тоже не сидела без дела, детей со временем только прибавлялось, и она еще умудрялась иногда подрабатывать. Жилье им действительно дали сразу – просторные квартиры для семей железнодорожников строили на самом берегу Байкала. В любую погоду летом и осенью в окнах плескался

Байкал – то тихий и ласковый, то бушующий и мятежный, только в январе превращаясь надолго в безмолвную ледяную пустыню. Там же, на побережье, неподалеку от своих домов, люди разбивали огороды – без своих овощей немислимо было прокормиться большой семье. Так же как и без собственной живности – коровы, поросят и кур. Был и конь – привезти дров из леса, заготовить сено на дальних покосах, да и мало ли еще забот бывает в большом хозяйстве.

Свой родной польский язык они не забывали – старались учить его с детьми, но окружающая русскоговорящая действительность даже их имена изменила – и стал постепенно Анджей – Андреем Петровичем, а Луция – Лукерьей Фроловой...

Земледелием местные жители не занимались вследствие отсутствия чистых от леса мест и трудностей разработки земли, бывшей под лесом. Главными занятиями для местных жителей были рыбная ловля, пушной промысел, охота, сбор орехов, черемши, ягод и грибов. Ягоды в окрестностях Мысовой было очень много – малины, черники, смородины, жимолости, брусники, и этот промысел считался выгодным.

Многие жители обслуживали чайную торговлю (Через Мысовую проходила одна из дорог Великого чайного пути), работая в многочисленных мастерских и на извозе. Было организовано кожевенное производство, скотобойни, гончарный завод, снабжавший население разнообразной глиняной посудой, несколько кирпичных сараев. Процветала торговля, свой наибольший размах она получила с началом строительства железки, когда в течение короткого времени население станции значительно увеличилось.

Местным ребятишкам тоже хватало своих забот – с раннего детства все были приучены к труду: принести воду, истопить печь, полить и прополоть огород, помочь матери по домашнему хозяйству. Да и за прилежную учебу спрашивали

строго. Мальчишки, между тем, успевали и поиграть, и найти себе занятие по душе.

Зимой любили прокатиться на лыжах, порыбачить на бормаш – мелкую козьявку. Очень все любили коньки. Как только замерзнет Байкал – «встанет», как говорили местные, парни выбирали гололедку – это такой участок, где лед чистый, прозрачный и ровный. Хорошо было видно дно Байкала – камни или песок на глубине в десятки метров. Особенно завораживали тихие лунные вечера, тогда само катание превращалось в волшебное действо.

После школы зимой ездили коллективно в лес за дровами на собачьих упряжках. Где в гору, там помогали друг другу вытащить нагруженный воз. Тайга и обогревала, и помогала прокормиться – в окрестностях Мысовой неутомимые мальчишки ставили петли на зайцев – только успевай собирать пушистый урожай! Притащить матери пять-шесть ушастых на «царское жаркое» было не в диковинку. Лунными вечерами зайцы-беляки набивали свои тропы на лесных полянах, на этих дорожках и работали охотники. А из шкурок мастера шили шапки и шубейки.

С наступлением лета начиналась пора ягод, грибов, орехов и летней рыбалки. Для ребят это не было развлечением – нужно было заработать себе на школьную обувь и одежду. По ягоды всегда ходили гурьбой. Сперва начинали собирать землянику, потом подходила малина и черника, попозже брусника. Приносили ягоды домой. И теперь ее нужно было быстро продать на станции у поездов, где опять веселая компания предлагала наперебой пассажирам свой вкусный товар. А чтобы лучше брали, делали из березовой коры маленькие корзинки с ручкой, емкостью в один стакан.

Подростки сыновья подражались пасти коров: вставляли в пять утра и пасли коров до семи вечера. Уставали сильно. Пригнав стадо домой, после ужина ребята шли купаться на Байкал, строили плоты из старых шпал, устраивая морские

баталии. В иные годы летом ездили в ночное, угоняли на выпас лошадей путейского участка. В то время Анджей подрабатывал конюхом, поэтому забирал с собой своих сыновей и их близких друзей – братьев Быстрых. Лошадей было много, у каждого мальчишки своя любимая, на которой скакали галопом. Ночевали в зимовье на берегу лесной реки, рассказывали сказки и разные небылицы. Старшой – дядька Анджей Мелешевич вспоминал про жизнь в царское время, про революцию и Гражданскую войну. Незаметно все засыпали, тесно прижавшись на нарах друг к другу...

А вспоминать и рассказывать было много чего – в беспокойное время наши герои оказались в самом пекле больших и малых потрясений начала века, волнами прокатившимися по стране – войной с Японией, первой русской революцией, Первой мировой войной и революцией 1917-го года. За ней последовала Гражданская война, которая продолжалась здесь долгих пять лет. Ох, и в недоброе время Мелешевичи попали сюда, немало пришлось хлебнуть им лиха. Впрочем, а кому удалось избежать потрясений тогда, отсидеться спокойно? Рушился под основание привычный многовековой уклад жизни, и в городе, и в деревне, и на Западе, и на Дальнем Востоке, повсюду...

Благодаря своему географическому положению, Мысовск стоял на перепутье всех основных транспортных магистралей Сибири, поэтому он оказался в центре всех происходивших в крае событий, одним из которых был дан старт кровавой расправе во времена первой русской революции. В конце января 1906 г. на Мысовой была расстреляна царской карательной экспедицией группа революционеров и сочувствующих им телеграфистов. Казнь была жестокой – мороз стоял под 30 градусов, ружейная смазка схватилась, и оружие

стало давать осечку. Добивали раненых штыками, и они еще долго умирали на морозе. Поздней ночью железнодорожные рабочие тайком погрузили тела казненных и увезли захоронить их на местном кладбище. Оказалось, что среди жертв был видный революционер, ближайший сподвижник Ленина – Иван Бабушкин, чье имя носит сейчас бывший до 1941 г. город Мысовск, а теперь город Бабушкин.

Надолго запомнил Мысовск события февраля 1920 г., когда отступающие части войск армии генерала Каппеля прошли через ледовый Байкал и вышли на Мысовую. В это время там стояли чехи, японцы и американцы. Совершенно измученные ледовым переходом, каппелевцы тащились пешком, на конях и санях. На особых санях стоял гроб с мертвым командующим – Владимиром Каппелем. Они заняли все школы, и в редком доме у населения не было постояльцев. Недели через полторы каппелевцы смылись, оставив мысовчанам тиф со смертельными случаями. Ревкому пришлось открывать лазарет, а Иркутская ВЧК выдала на ликвидацию тифа 300 тысяч рублей – битком набитый чемодан. В Мысовой была отслужена первая панихида по генералу Каппелю, гроб с которым проследовал далее на Восток.

В семейном предании Мелешевичей об этом времени сохранилась своя история. В их доме тоже расквартировались непрошенные постояльцы, куда же от них денешься? Приходилось кормить, поить и улыбаться. Один из мысовчан, втайне испытывая то ли неприязнь к Анджею, то ли из желания выслужиться – указал на него как на «красного». Каппелевцы расстреливали красных без разбору. Как уж удалось ему спастись, об этом история умалчивает. А еще пришельцы начали менять своих породистых лошадей, сбивших свои ноги во время тяжелого перехода, крайне отощавших и больных, на местных коней. Пришлось Мелешевичам отдать своего родного Карьку – верного помощника хозяина, а взамен... А взамен их наградили тощим жеребцом, который одыбавшись,

превратился в роскошного породистого скакуна. Его по привычке тоже стали кликать Карькой. Он значительно улучшил в дальнейшем местную породу лошадей, став всеобщим любимцем и гордостью семьи.

Из того смутного времени вспоминается еще одна история – тогда Луция подрабатывала кочегаром в местной бане. На помывку в тот день собрались солдаты «союзных войск» из числа японцев и американцев. Один из япошек начал к ней приставать, соскучившись изрядно по женской ласке. И несдобровать бы ей, слишком неравны были силы, но вмешался американец – бравый янки в два счета надавал тумаков незадачливому насильнику, и тем самым спас ее от позора.

Да, вернуться бы на полвека назад, когда еще жива была старушка Луция – такая домашняя и родная. Взять бы в руки ее натруженные, такие изящные в благополучной юности ручки, приобнять согбенную фигурку, приласкать, заглянуть в лучистые глазки. И долго-долго неспешно разговаривать, вечер за вечером, перебирая события и даты, останавливаясь и замирая, смеясь и плача... И было отчего поплакать, ведь воспоминания и спустя десятилетия тревожат израненную горестями и тревогами душу – слишком много потрясений, слишком много потерь.

Первым ушел Анджей, дорогой и любящий супруг. Это случилось в 1937 г., когда младшенькому исполнилось 11 лет. Природа в Сибири суровая – нежное лето, незаметно промелькнув, сменяется теплой или дождливой осенью, как повезет, и уже в октябре может выпасть постоянный снег. Зима – это целая жизнь, скорее даже не жизнь, а некое состояние вселенского холодного оцепенения.

**На семейном фото сына Юрия в центре Мелешевич Л.Ф,
ст. Мысовая, нач. 60-х гг. XX в.**

Прогревшийся за лето Байкал очень долго остывает, тем самым смягчая наступление холодов. И уже в декабре, когда ледяная корка потихоньку сковывает забереги, начинаются сильные вьюги и метели. Немудрено простудиться на морозе в такую погоду, раз, другой. Не миновала легочная немощь главу большого и дружного семейства, и это были первые похороны в семье Мелешевичей.

Следом за отцом, перед самой войной, ушел из жизни сынок Владимир – ему в ту пору едва исполнилось двадцать лет. Будучи студентом, он участвовал в лыжном переходе из Иркутска в Улан-Удэ, и на пути следования попал в открытую полынью на реке Селенге. Промок насквозь изрядно, и тут же получил пневмонию, от которой сгорел в считанные дни.

А через год началась Великая Отечественная. Старший сын Виктор, он был с 12-го года, работал на железной дороге. Железнодорожников оставляли частенько по брони – дорога была частью стратегических объектов страны. И был у него небольшой изъян – одна нога короче другой на 5 см –

получил в детстве травму. Он стал настойчиво проситься на фронт добровольцем. А начальник депо – никак не отпускает, да так у них и до драки дошло. Добился своего Виктор, пошел на фронт. Воевал где-то в родных отеческих местах – в Белоруссии. Только вскоре, в первый год войны, пришло извещение в семью, что боец Виктор Мелешевич пропал без вести... Даже сейчас, когда стали доступными многочисленные архивные данные различных военных сайтов, так и не обнаружили сведения о нем. Неизвестность, это постоянная пытка и надежда – а может, живой? И прожить десятилетия с этой неизвестностью Луции пришлось до конца дней своих.

Словно получив сполна свою кровавую жертву, судьба оказалось благосклонной к оставшимся детям большой семьи Мелешевичей. Более того, она наградила их всех завидным долгожительством. Будто соревнуясь между собой, сыновья и дочери Луции и Анджея установили нижнюю планку дожития в 90 лет, никак не раньше. Все оставшиеся в живых братья – Петр, Николай и Юрий так и остались жить в Мысовой, каждый родив в браке по двоих детей.

Николай и Юрий были призваны на фронт во время Великой Отечественной войны, они принимали участие в боевых действиях в войне с Японией 1945 г., получив удостоверения участников Великой Отечественной войны. Петр трудился по брони на железной дороге. За высокие трудовые показатели он стал орденосцем, был выбран депутатом Верховного Совета республики. Николай стал талантливым механиком – получив до войны техническое образование в Саратове, трудился на разных должностях, связанных с ремонтом машин и механизмов. Когда появились первые иномарки с АКП – в очередь на ремонт к дяде Коле Мелешевичу привозили автомобили со всей республики.

**Сыновья Мелешевичей: Николай и Юрий
ст. Мысовая, 90-е гг. XX в.**

Закончив свой долгий жизненный путь, братья и сестры уходили потихоньку в мир иной. Родившийся последним, Юрик, как ласково его звали родные, так же и умер последним их всех детей Луции и Анджея Мелешевичей – в день своего девяностолетия в 2016 г. Мысовчане запомнили Юрия Андреевича, машиниста поездов, великолепным художником «от Бога» – не имея специального образования, он в свободное от работы время писал картины и стал автором двух архитектурных проектов городских памятников. Именно с ним благополучно проживала матушка Луция все последние годы своей жизни: она скончалась на руках близких и родных в 1969 г. Их похоронили вместе – Анджея и Луцию, да иначе и быть не могло.

А вот дочери Любовь, Надежда и Вера, по материнскому примеру, родили помногу детей: у Любы их было аж десять, у Нади и Веры – по четыре, у старшей Анны – двое детей.

**Мелешевич Ю.А. на своем «боевом коне»
ст. Мысовая, 70-е гг. XX в.**

Как это часто бывает, увезли дочерей их мужа в дальние края. Надежду присмотрел бравый офицер-фронтовик, и отправились они на его родину – на Кавказ, в город Черкесск. На границе с Монголией, близ Кяхты, обосновалась многодетная Любаша. Вера и Анна – Нюся, так ласково ее называли, проживали в Мысовой, лишь с возрастом Анну забрал к себе в Иркутск сын Валерий. Дочери Луции отличались крайней чистоплотностью – по воспоминаниям родственников,

всё в их домах сверкало чистотой и благоухало свежестью, видимо, так их этому с детства приучила матушка.

Можно только представить, какое мощное дерево жизни образовалось из многочисленных веток, веточек и побегов – детей, внуков и правнуков главных героев нашего повествования – Анджея и Луции Мелешевичей, волею судьбы пустивших свои корни на сибирской земле. Приближаясь к финалу нашего повествования, нельзя не рассказать о неких метках судьбы – так называемой синхронии, когда спустя годы и десятилетия вдруг проявляются люди и события, отсылающие нашу память в прошлое, как некий знак или символ.

У Николая в сорок пять лет родился сын, которого называли в честь деда – Андреем. У Андрея в сорок пять лет родилась дочь, которую он назвал в честь бабушки – Луцией. Да, друзья мои, прошло ровно сто лет с того дня, когда юная польская панночка Луция Мелешевич сошла с трапа корабля на байкальскую землю осенью 1905 г., и вот, осенью 2006 г., она повторилась в своей правнучке Луции. Почему повторилась? Те же роскошные волосы и ясные серые глаза, изящные руки и полноватая фигура. И характер, как подмечают родные, схожий – твердый и последовательный, цельный и настойчивый. Она очень интересная, эта девочка, еще и потому, что она – моя дочь!

Я работаю заведующей местным краеведческим музеем, и волею судьбы Луция всегда со мной. После школы она заходит ко мне на работу, делает уроки или идет на занятия в музыкальную школу.

Мелешевич Луция, г. Улан-Удэ, 2018 г.

Я часто беру ее на интересные выездные музейные мероприятия, она мой верный помощник и хранитель музейных ценностей. Познакомившись с Евгением Владимировичем Семеновым из общества «Наджея» на одном из музейных форумов, наша семья была приглашена на грандиозное мероприятие по случаю 150-летия восстания польских повстанцев – летом 2016 г. близ Мишихи, у памятника – польского Креста. Было интересно познакомиться поближе с соотечественниками, муж Андрей гордится своими польскими корнями.

В этой гордости есть свой резон – все дети Луции и Анджея Мелешевичей отличались особой нравственной и поведенческой культурой, впитанной с молоком матери. Выделялись европейской степенностью, размеренностью, учтивостью и благородством. Когда слово и дело – не пустой звук, когда в чести понятия о долге и справедливости.

**Мелешевич Андрей Николаевич с женой Мариной и дочерью
Луцией, ст. Мысовая, 2013 г.**

Фамилию Мелешевич носят потомки, живущие в разных местах на земле. Она наполняет их историей силы и стойкости, мужества и благородства. Даже я, получив ее от мужа, почувствовала благотворные изменения в своей судьбе. Каждый день я говорю дочери – Джень добры, Луция! И думаю про себя – пусть Господь и предки хранят тебя на всех поворотах жизненного пути!

Пишу эти строки, а на дворе самое начало сентября, и золотая осень еще робко стучится в двери. Пройдет две-три недели, и красные, огненно-желтые, оранжевые краски запольхают по лесу разноцветной палитрой художницы – осени. Тихо, и кажется, так будет всегда – безмятежно и благостно, как будто время остановилось, затормозив свой неутомимый бег.

Правнучка Мелешевич Луция, 2019 год, Мысовая.
ст. Мысовая, сентябрь 2019 г.

УДК 94(571.54)(=162.1)

Резникова С.В.
(г. Братск, Россия)

ОН БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ ПРИМЕРОМ

Много времени в своей жизни мы уделяем своему физическому здоровью, но не менее важна духовная составляющая. Общество, которое утрачивает память о своем прошлом, не может считаться стопроцентно здоровым. Можно с уверенностью сказать, что история целой страны – это история отдельных семей, отдельных людей, их родословная.

Каждая семья формируется на основе традиций, заложенных предками, не является исключением и моя семья. Основой представленной статьи явились воспоминания моей бабушки Резниковой (в девичестве Лех) Нины Иосифовны.

Мои предки оказались в Бурятии в 1932 г. Семейная легенда гласит, что они покинули территорию предвоенной Украины и Польши из-за тяжелой экономической ситуации.

Основателем нашей семьи явился мой прадед Лех Иосиф Константинович. Прадедушка родился 5 апреля 1915 г. в Барановском районе, селе Черниевка, где на тот момент проходила граница между Польшей и Украиной. В настоящий момент село Черниевка (укр. Черніївка), входит в состав Полонского района Хмельницкой области Украины.

Лех Иосиф Константинович

Вырос он в большой семье обычного рабочего Лех Константина Андреевича, 1897 года рождения. Было у них четверо детей, у моего прадедушки было два брата, Феликс и Роман, и самая младшая сестренка Людмила. Константин, по

словам бабушки, был сыном виртуозного скрипача по имени Анджей, но больше ей ничего неизвестно о своем прадеде.

В детстве мой прадед был активным ребенком, всегда помогал по дому и ухаживал за младшими братьями и сестрой. Так как он был самый старший ему пришлось отправиться подрабатывать в юном возрасте, он брался за любую работу, которую предлагали.

В возрасте 17 лет, в 1932 г. мой прадед решил переехать, причиной тому, как рассказывала бабушка, являлся голод, который царил на тот момент в стране. Число голодающих достигало 88,6 % населения.

По словам английского историка Дж. Хоскинга: «Когда Кравченко приехал в одну деревню в Днепропетровской области, его поразила стоявшая там мертвая тишина. «Были съедены все собаки», - свидетельствует он. Мы съели все, до чего только доходили руки, кошек, собак, полевых мышей, птиц. Когда рассветет, вы увидите, что с деревьев ободрана кора, потому что ее тоже съели». Подобное творилось повсеместно, и в особенности в плодородных областях, где выращивали пшеницу. Этот голод был устроен государством ради того, чтобы снабдить продовольствием города и армию» [4, с. 172].

В Советском Союзе в этот период шел процесс индустриализации. Строилось большое количество крупных заводов и фабрик. Почему Иосиф Константинович выбрал именно г. Верхнеудинск, расположенный далеко в Сибири, остается неизвестным. Но здесь в этот момент шло строительство Верхнеудинского паровозовагоноремонтного завода, на которое съезжалась молодежь со всей страны.

В этот год ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли решение о строительстве крупного вагоноремонтного завода на востоке страны, выбор пал на небольшой Верхнеудинск [1, с. 303]. Предполагалось, что на заводе будет ре-

монтироваться 1200 паровозов и 14000 вагонов в год [3, с. 142].

Первые строители, прибывшие из разных уголков огромной страны, жили в палатках, но со временем началось строительство крупного жилищного массива. Среди первых строителей завода было большое количество поляков, также активно включившихся в строительные работы, среди которых можно перечислить А.И. Каток, У.М. Хохолович, Г.Н. Титарский, Е.П. Ревуцкий, М.Л. Цось, П.А. Тернавский, П. Рьльская, Р.С. Рутковский и др. [2].

Возглавлял работы С.М. Иванов, который перед этим успешно проводил строительные работы по прокладке Туркестано-Сибирской магистрали (Турксиб) [3, с. 142]. 23 августа произошла закладка фундамента первого заводского цеха – ремонтно-механического, положившего начало масштабного строительства нового завода, а уже 1 июня 1934 г. был сдан в эксплуатацию основной заводской цех. 22 июня 1934 г., после проведения капитального ремонта был выпущен первый паровоз – ЕЛ-0524.

Вместе со строительством завода шло возведение жилья для рабочих, инфраструктуры, дорог, водозаборных сооружений и социальных объектов. 6 августа 1932 г. вышел первый номер заводской многотиражной газеты «Гигант Бурятии» («Локомотив»).

В 1934 г. в связи со сменой названия города, завод также переименовывается в Улан-Удэнский паровозоремонтный (УУПРЗ). В 1936 г. начала работать заводская ТЭЦ (ТЭЦ-1).

В 1941 г. на завод была эвакуирована часть производственной базы и недостроенные локомотивы паровозных отделов Ворошиловоградского и Харьковского паровозостроительных заводов.

С 1943 г. Улан-Удэнский паровозоремонтный завод, помимо выполнения военных заказов, ремонта и достройки паровозов, приступил к подготовке серийного производства

грузовых паровозов средней мощности серии СО «Серго Орджоникидзе». И сегодня у центрального входа завода на постаменте установлен один из первых отремонтированных паровозов этой серии.

Завод неоднократно менял название. В 1945-1948 гг. именовался паровозостроительным, затем до 1962 г. вновь паровозовагоноремонтным. С 1962 г. – Улан-Удэнский локомотивовагоноремонтный завод. С конца 1990-х гг. входит в состав Восточно-Сибирской железной дороги.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1948 г. завод был награжден орденом Ленина. 18 июня 1949 г. на заводе был построен опытный сверхмощный паровоз УУ. В 1962 г. на заводе начали ремонтировать электровозы. В конце 1962 г. был отремонтирован последний паровоз ЛВ № 0113 Целиноград-Казахской железной дороги.

За свою историю завод ремонтировал паровозы серии СОк, тепловозы ТЭ1, ТЭ3, ТЭМ2, электровозы ВЛ8, ВЛ60, ВЛ80. Также на предприятии было построено около 600 паровозов различных серий.

На ЛВРЗ производится ремонт цельнометаллических пассажирских вагонов в объемах КР-1, КР-2, КВР, КР-2М.

Все это время мой прадед усердно работал на заводе. Как только он хорошо устроился, вся семья переехала к нему, таким образом, он спас всех от голода и войны. Здесь он встретил прекрасную девушку с Алтая, которая смогла дойти оттуда и до Улан-Удэ пешком.

К сожалению, нам не удалось найти информацию в музее Локомотивовагоноремонтного завода о трудовой деятельности моего прадеда. Также не упоминают о нем О. Полянская и Н. Гребенщиков в своей статье, посвященной полякам – строителям завода [2, с. 135-142].

Лех И.К. с дочерью Ниной

Всю сознательную жизнь он, будучи уже с женой и своими детьми, прожил на улице Октябрьская, вскоре построили дом в поселке Аршан. Было у них четверо детей, один сын жил на Украине, самый старший, скончался в 2015 г., второй сын живет в городе Белгород, дочь Нина, моя бабушка, осталась здесь в городе Улан-Удэ, а четвертый скончался совсем маленьким, бабушка его почти не помнит.

Мой прадед прожил долгую и насыщенную жизнь, всегда помогал близким, воспитал хороших детей. Скончался он 7 декабря 1976 г. на тот момент ему был всего 61 год.

Лех Иосиф Константинович с мужем сестры Людмилы Антоновым Федором Анфиногеновичем

Моя бабушка Резникова Нина Иосифовна (в девичестве Лех) родилась 15 июня 1953 г. в городе Улан-Удэ. Родители Лех Иосиф Константинович и мама Лех Татьяна Константиновна. Братья и сестры Нэлля, Люда, Володя и Юра. Проживали всей семьей в г. Улан-Удэ, в районе Аршана.

Лех Татьяна Константиновна

Бабушка отучилась в школе, работала швеей в ателье «Огонек». Вышла замуж за Резникова Николая Григорьевича (24 апреля 1954 г. – 21 февраля 2000 г.), 22 февраля 1972 г. у них родился сын Резников Вячеслав Николаевич, мой папа. Долгое время мои бабушка и дедушка жили и работали на БАМе (Байкало-Амурская магистраль). После чего в 1981 г. вернулись в Улан-Удэ, где, вместе работая на заводе АРЗ, получили квартиру в поселке Сокол.

По-разному сложились судьбы братьев моей бабушки. Брат моей бабушки Лех Владимир Иосифович проживает в городе Белгород. У него жена Любовь и три сына: Сергей с семьей живет в Таксимо (машинист), Алексей (машинист) есть семья и дочь Юлия, младший Виктор работал на автокране, сейчас построил дом живет в г. Белгород, женат.

Еще один брат моей бабушки Лех Юрий Иосифович родился 22 октября 1955 г., умер 1 мая 2015 г. Проживал на Украине, Житомирская область, Барановский район, село Першотравенск.

Лех Иосиф и Татьяна (в центре) с друзьями

У него четверо детей: Геннадий, Юлия, Антонина и Регина. Все они в настоящее время проживают на Украине. Геннадий 1976 года рождения, женат, имеет две дочери. Дочь Юлия – юрист, имеет семью – мужа и дочь Елизавету. Дочь Антонина, без пары, в последнее время уехала в Польшу на заработки. Младшая дочь Регина, фармацевт.

Потомки моего прадеда проживают в различных городах России и Украины, но мы до сих пор чтим память о нашем прадеде и общаемся друг с другом.

Примечания

1. Время. События. Люди. Хронологический перечень дат и фактов из истории этнической Бурятии (эпоха палеолита – 2010 год). Улан-Удэ : Респ. тип. 2011. 408 с.

2. Гребенщиков Н., Полянская О. Поляки – первостроители ЛВРЗ // Поляки в Бурятии : альманах. Т. 5 / отв.

ред. В. В. Соколовский. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та. 2005. С. 135-142.

3. История Улан-Удэ : учеб. пособие. Улан-Удэ : Бэ-лиг, 2016. 256 с.

4. Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917-1991. М. : Вагриус, 1994. 510 с.

УДК 94(571.54)(=162.1)

Голубев Е.А.
(г. Улан-Удэ, Россия)

ВКУС ПОБЕДЫ

Она была в линиялой гимнастерке,
И ноги были до крови натерты.
Она пришла и постучалась в дом.
Открыла мать, был стол накрыт к обеду.
«Твой сын служил со мной в полку одном,
И я пришла. Меня зовут Победа».
Был черный хлеб белее белых дней.
И слезы были соли солоней.

Это малоизвестное стихотворение Ильи Эренбурга я прочитал ветерану войны и труда Вацлаву Владимировичу Соколовскому. Он выслушал, задумался и сказал: «Да, наверное, прав поэт. У каждой победы бывает свой вкус – то соленый, то горький, пропитанный потом, порохом и кровью, но редко она бывает сладкой».

И, все-таки, был у него незабываемый день, когда он по-настоящему вкусил сладостный миг долгожданной Победы. Но об этом позднее.

Соколовский Вацлав Дионисович

С юных лет жизнь не слишком баловала Вацлава радостями, зато житейских невзгод и испытаний преподносила так много, что другой бы на его месте сломался, сдался на милость судьбы. Но у потомка польских бунтарей (его дед по материнской линии Игнат Гурский в годы революции 1905-1907 гг. был членом рабочей дружины, а другой дед – тоже Вацлав Соколовский – по линии отца был боевиком и участвовал в покушении на царского чиновника), характер был волевой. И во многом, благодаря этому, он многого добился в жизни.

Соколовский Вацлав

Соколовский Вацлав

Соколовский Владимир Вацлавович.
г. Иркутск, 1915-1916 гг.

Дом матери, где, кроме старшего Вацлава, росли еще брат и три сестры, рано остался без мужчин. Репрессии в годы культа личности обрушились на многие польские семьи. И чтобы избежать ареста, отец и сын Соколовские один за другим перебрались в Харбин, где их следы с тех пор так и затерялись. Мать вторично вышла замуж, но в 1939 г. отчима, работавшего прорабом на стройке, по ложному навету арестовали, осудили и отправили на Колыму. Позже он был реабилитирован.

**Гурская Наталья Игнатьевна, Вацлав, Гурская Елизавета,
Гурская Александра, Гурская Мария
г. Иркутск, 1930 г.**

Вацлаву было всего 13 лет, когда он стал главным помощником матери во всех хозяйственных делах. Научился косить сено, колот дрова, топил печку, готовил для младших еду и даже доил корову, когда матери было некогда. Великая Отечественная война застала семью в Могочах Читинской области. В марте 1942 г. 16-летнего Вацлава приняли на работу в геодезическую партию, занимавшуюся съемками на Алдано-Олекминском нагорье. А 13 февраля 1943 г. его призвали в армию, хотя ему еще и не исполнилось восемнадцати.

Соколовский Владимир Вацлавович
г. Иркутск, 1923 г.

Сначала он попал в запасной полк, а затем в Благовещенск в пехотное военное училище. И после ускоренной подготовки часть курсантов направляют в 300-ю стрелковую дивизию. Вацлава Соколовского зачисляют в полковую артиллерию.

В 00 часов 9 августа 1945 г. передовые подвижные отряды Первого Дальневосточного фронта внезапно и стремительно рванулись через границу, сминая и уничтожая те пограничные кордоны японцев, которые пытались оказывать сопротивление. За ними следом двинулись главные силы фронта, в составе которых была и батарея Соколовского.

**Военные сборы, г. Борисоглебские слободы, 1952 г.
Соколовский В.В. в верхнем ряду, второй справа**

Вацлав Владимирович рассказывал, что наши наступающие части встретили не только усиливающееся сопротивление врага, но приходилось преодолевать и естественное препятствие в виде болотистой местности, в которой застревали танки. Немалая трудность состояла еще и в том, что наши воины наступали по одной дороге, которая к тому же была заминирована. А японцы, расположившиеся в дотах на вершинах сопек, вели прицельный огонь по нашим бойцам.

Вот тут-то и пришлось, выручая залегшую и гибнущую под огнем противника свою пехоту, «поработать» и нашим пушкарям. Когда выбыл из строя наводчик, к прицелу гаубицы встал Вацлав Соколовский. Несмотря на рвущиеся рядом снаряды, он меткими выстрелами из своего орудия смог подавить вражеский дот.

Ломая сопротивление врага, дивизия двигалась вперед. С боями был взят город Мулин. Японцы, огрызаясь, откатились на новые оборонительные позиции. Продолжая наступать, наши войска форсировали реку Мулинхэ и двинулись к Муданьцзяну.

Ночами приходилось быть очень осторожными, выставляя для охраны посты. Потому что японцы в темноте выходили из своих подземных «нор», где они прятались, и нападали на наших бойцов.

Китайское население с радостью встречало наших солдат и всем, чем могли, стремились помогать им. Когда застревала где-нибудь машина или нужно было починить мост через реку, китайцы сразу же приходили на помощь. Когда часть, в которой служил Соколовский, проходила через какое-либо китайское селение, жители высыпали на улицы и кричали: «Русска капитана, шанго, шанго (хорошо, хорошо)!»

16 августа войска Первой Краснознаменной армии при содействии войск Пятой армии после упорных и тяжелых боев овладели Муданьцзяном. На подступах к Харбину советских солдат настигла весть о том, Квантунская армия японцев сдалась, а 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Вот тогда-то солдат Соколовский впервые ощутил сладкий вкус Победы.

Смолкли пушки. Войска приступили к несению службы. Военская жизнь вошла в обыденное русло. От пороха и густой пыли маньчжурских дорог очистил свою гаубицу артиллерист Соколовский. В марте 1946 г. его демобилизуют, и он возвращается в Могочи. В том же году семья отправляется на прииск «Ударник» Магаданской области.

Там Вацлав заканчивает среднюю школу, работает мастером, хорошо зарабатывает, но тяга к знаниям оказывается сильнее. И в 1948 г. он поступает в Московский автодорожный институт. Через пять лет, получив диплом инженера-строителя мостов и тоннелей, приезжает в Хабаровск. С эн-

тузиазмом молодой специалист берется за работу. Ему едва минуло 30 лет, а за плечами у него уже километры проложенных дорог и построенный 800-метровый мост через бурную дальневосточную реку Хор.

Но тут приходит из Иркутска письмо от матери, которая пишет, что очень плохо чувствует себя и нуждается в помощи. И он возвращается в город на Ангаре, где трудится на строительстве Иркутского хладокомбината, после работает в Слюдянке на карьере «Перевал».

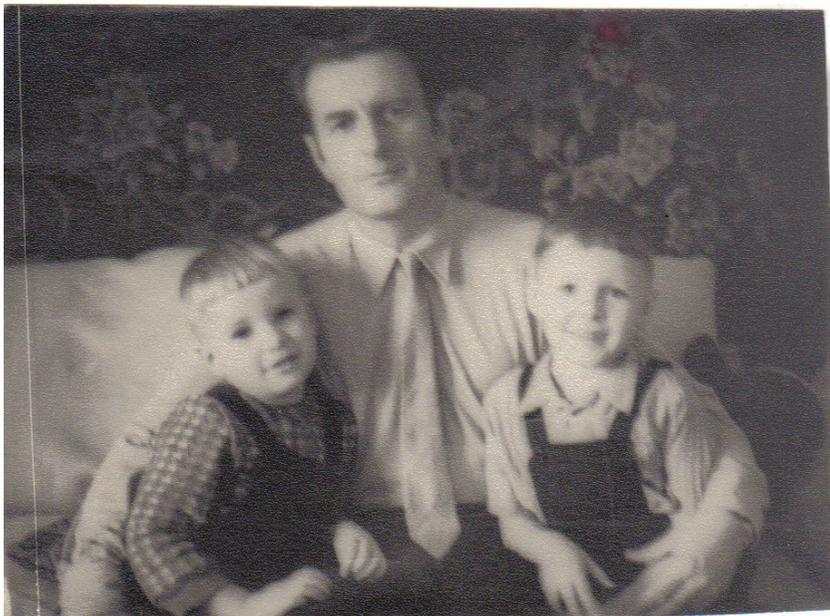
В 1960 г. Соколовского приглашают на работу в Улан-Удэ. Он работал главным инженером управления одной из строительных организаций, занимался прокладкой подземных коммуникаций, теплотрасс и обустройством подъездных путей на приборостроительном заводе, фабрики ПОШ и других объектах города. С 1965 г. он переходит на проектную работу, становится главным инженером института «ВостсибрыбНИИ проект».

Но, даже уйдя в 1986 г. на пенсию, Вацлав Владимирович не стал сидеть сложа руки. Его неумной энергии хватало и на общественную работу, и на дачные хлопоты. В 1992 г. он стал одним из организаторов, а затем и председателем общества польской культуры «Наджея» («Надежда»), которое позднее получило статус национально-культурной автономии.

Благодаря усилиям В.В. Соколовского и активистов общества в 1993 г. при «Наджее» была открыта Воскресная школа польского языка и культуры. По его инициативе и при его активном участии с 1996 г. стал издаваться альманах «Поляки в Бурятии», семь выпусков которого уже вышли в свет. Помню, как мы с Соколовским корпели над первыми выпусками, как выбирали подходящих героев, которые могли бы украсить страницы альманаха и как искали спонсоров среди состоятельных жителей польских кровей, чтобы оплатить типографские расходы.

Соколовский В.В., 1962-1963 гг.

Соколовский В.В. с сыновьями Игорем (слева) и Юрием (справа), 1960 г.

В 2000 г. стала издаваться в Улан-Удэ газета «Первые шаги», в которой, в которой публикуются материалы о деятельности общества, об истории и видных деятелях польской диаспоры, живущих в Бурятии и в Забайкалье. Благодаря умению и творческой смекалке писательницы Анны Виноградовой, редактора этого издания, газета стала интересной и популярной не только среди польской аудитории республики, но и читается за ее пределами.

В июне 2001 г. по инициативе «Наджеи» были проведены «Дни польской культуры в Улан-Удэ». В октябре этого же года близ села Мишиха Кабанского района был открыт памятник польским повстанцам, погибшим там летом 1866 г. от рук царских карателей. И теперь по предложению В.В. Соко-

ловского ежегодно члены общества «Надзея» ездят к памятнику, чтобы отдать дань уважения борцам за свободу.

В 2003 г. обществом «Надзея» совместно с учеными БГУ была проведена международная научная конференция «Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития», ставшая важным этапом в изучении истории политической ссылки поляков в Сибири. Было осуществлено немало и других интересных и массовых мероприятий. И у начала всех этих добрых деяний всегда стоял пан Вацлав.

Но годы давали себя знать, подшаливало здоровье. И Вацлав Владимирович вынужден был «подать в отставку» – уйти с поста председателя «Надзеи», на котором он пробыл целых 12 лет, и передать бразды правления М.И. Ивановой. Но он по-прежнему интересовался делами общества, участвовал во всех его мероприятиях. Не случайно его почтили титулом Почетного председателя общества, а вся его активная деятельность на этом посту была отмечена польским орденом «За заслуги перед Польшей».

27 сентября 2010 г. Вацлав Владимирович отмечал свое 85-летие. И тогда мы впервые увидели на его груди награды, полученные на войне: орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За победу над Японией» и еще 16 (!) юбилейных медалей. А наградой за более чем полувековой труд на мирном фронте наградой ему была простая медаль «Ветерана Труда».

Впрочем, скромный пан Вацлав не жаловался на то, что вроде бы «слава обошла его стороной». При нашей последней встрече он вынул из ящика стола кипу нагрудных знаков, груды почетных грамот и дипломов, врученных ему в свое время за трудовые достижения. И, улыбнувшись, сказал: «В них – мои трудовые мозоли, головная боль и постоянные заботы, когда становишься руководителем...».

Мостовщикова Г.Н.
(г. Кяхта, Россия)

**МАРИЯ ИВАНОВА – ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
«НАДЖЕИ»**

Двадцать шесть лет минуло с тех пор, когда Вацлав Владимирович Соколовский создал Национально-культурную автономию поляков «Наджея». С тех пор много воды утекло, многое изменилось, очень многое сделано. Но он всегда незримо присутствует на всех мероприятиях, его часто вспоминают как первого председателя. Его преемница Мария Ивановна Иванова расширила рамки автономии, завязала связи со многими городами Польши. И даже сейчас, проживая в Варшаве, она все делает для того, чтобы о «Надjee» знали в Польше, помогали, пишет проекты и воплощает их в жизнь.

Мария Ивановна Иванова, маленькая светловолосая хрупкая женщина с принципиальным и твердым характером, целеустремленная и позитивная. По национальности полька, по духу – русская и бурятка, так как большую часть своей богатой на события жизни прожила в Бурятии, и мужа себе выбрала бурята Геннадия Иванова. Встретились супруги в институте в Ленинграде. Мария Ивановна – заслуженный работник культуры Республики Бурятия, заслуженный работник культуры Польши. Все это она заслужила, работая на ответственных постах в отрасли культуры Бурятии и за результаты деятельности НКАП «Наджея» под ее руководством в течение многих лет.

Помню первый приезд членов «Наджеи» в 2009 г. в Кяхту во главе с Ивановой. Именно тогда создали филиал «Наджеи» при Доме культуры, установили добрые связи с администрацией города Кяхты и краеведческим музеем имени Обручева, одним из вдохновителей и организаторов которого был поляк Ю.Д. Талько-Грынцевич. Три раза она приезжала с

Генеральным консулом и консулами Республики Польша. Несколько больших проектов осуществлено в Кяхте под ее руководством и с ее участием.

Члены МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея», г. Кяхта, 2009 г.

Сидят: Черник А.В., Мостовщикова Г.Н., Бусятская О.Д., Таракановская Л.Н.

Стоят: Семенов Е.В., Виноградова А.И., Иванова М.И., Мостовщикова Н.В., Мартинес А.Э.-А., Русанова С.В., Белоусова Г.С.

Назовем несколько из них. Это международная конференция, выставки, концерт польской эстрады, посвященные юбилею А.И. Деспот Зеновича. Сделана и торжественно открыта мемориальная доска администратору, бывшему градоначальнику А.И. Деспот Зеновичу. Проведена выставка икон художника польского происхождения Карла Христиана Рейхеля в юбилейные дни «Наджеи» в Национальном музее Бурятии. С решением вопросов по изготовлению подрамников и рамок с Генеральным консулом Марекком Зелински при его

посещении Кяхты на юбилей города, транспортировке огромных икон в Улан-Удэ, по осуществлению экспертизы икон польским экспертом Павлом Садлеем из Варшавы. Трижды экспонировались в музее Кяхты рисунки польского ссыльного художника Леопольда Немировского. Проведен круглый стол в музее, конференция школьников и студентов по полякам в Кяхте под руководством заместителя председателя автономии, ученого Евгения Семенова, нашего земляка. Сделано было многое другое.

В этой статье приведу материалы двух заметок, которые выходили в СМИ о деятельности Марии Ивановой на посту председателя и Почетного председателя «Наджей».

Одна из них была написана после отчетной конференции НКАП «Наджея», которая состоялась в октябре 2016 г. «Отчетная конференция НКАП «Наджея» прошла эмоционально насыщено. Председатель Мария Иванова отчиталась о работе Правления и сложила с себя полномочия председателя по семейным обстоятельствам. Такого поворота событий, думаю, не ожидали члены Автономии. Для многих это было шоком. Отнеслись к этому по-разному. Но все, единогласно, выразили огромную признательность и благодарность Марии Ивановне за ее нелегкий общественный труд, за ее огромный вклад в развитие и становление «Наджей» на отечественном и международном уровне. Благодаря ее стараниям культурная автономия поляков узнаваема среди центров и автономий не только Бурятии, но и России. Ее авторитет и значимость в культурной среде помогали в налаживании культурных связей с кинематографистами, поэтами, певцами, танцорами, артистами из многих городов Польши. Туристы, путешественники, приезжая на Байкал, в Бурятию и Монголию, считали своим долгом посетить автономию.

Иванова М.И.

Не счесть замечательных проектов, которые нашли свое воплощение под руководством Ивановой. Большинство членов автономии побывало в Польше, познакомилось с культурой и бытом своих предков. Наши молодые вокальные группы и хореографические ансамбли не раз выступали с концертами в Польше. Автономия известна своими изысканиями истории поляков в Сибири и Бурятии. Международные конференции посещали ученые из разных городов Польши, России, общественные деятели других центров. Изданы научные труды и монографии по результатам конференций. Пользуется популярностью многотомная, можно сказать, поистине народная книга «Поляки в Бурятии». Ее авторами являются сами члены «Наджей».

В 2016 г. в рамках празднования 150-летия восстания польских ссыльных на строительстве Кругобайкальского тракта был реализован проект под названием «Историческая

реконструкция «Байкальский путь ссыльных поляков». В реконструкции приняло участие 16 человек. Мероприятие завершилось Днем памяти на Мишихе с участием делегаций Улан-Удэ и Генерального Консульства Республики Польша в Иркутске и гостей из Польши.

Качество обучения в польской воскресной школе говорит за себя такими фактами, что многие выпускники стали студентами польских учебных заведений. Пользуется неизменной популярностью Летняя школа польского языка и культуры на Байкале «Ближе к Родине». Для совершенствования языка на Байкал приезжают дети и подростки не только членов нашей автономии, но и с других полонийных организаций Сибирского региона и Польши. В этом году (2016) принимала участие молодежь из польского города Олецко. Такое общение дает положительные результаты.

Автономия, одна из немногих, выпускает свою газету «Pierwsze kroki», финансирование которой осуществляет Польша. В 2016 г. финансирование газеты произошло заранее на весь год, благодаря стараниям председателя.

Совместное сотрудничество с научным миром, архивом вылилось в выпуск сборника документов Государственного архива Республики Бурятия «Польские политические ссыльные в Бурятии (1847-1919 гг.)». Издательство осуществлено при финансовой поддержке Генерального консульства Республики Польша в Иркутске.

«Наджея» постоянно участвовала в мероприятиях и фестивалях города, проводила свои. Неизменным успехом у горожан пользуются концерты органной музыки в костеле, «Дни польской культуры», фестиваль «Полонийная осень».

У председателя, по ее мнению, были хорошие помощники, каждый в своей области, этот отчет был 11-й. За все эти годы она всегда ощущала понимание, помощь и поддержку всех членов Автономии и Правления. Иванова выразила слова благодарности Семенову Евгению, Головиной Ольге, Ива-

нову Геннадию, Мартынюк Елене, Закиевой Наталье, Виноградовой Анне, Разгуляеву Анатолию, Переваловой Людмиле, Зоркольцевой Марине, Прусиковой Ольге, Литвинову Валентину, Мостовщиковой Галине, Шульц Альбине, Могилевской Светлане, Корепановой Екатерине, Ханхасаеву Геннадию, Зборовской Екатерине, Яворской Тамаре и многим другим, кто отзывался на ее просьбы.

В знак признания заслуг Марии Ивановой на посту председателя автономии в течение многих лет члены Автономии решили избрать ее Почетным председателем. Валентин Литвинов сказал много добрых слов о Ивановой М.И., вспомнил отдельные проекты автономии, без участия председателя они не воплотились бы в жизнь. Преподнес в знак уважения корзину цветов от членов Автономии.

После конференции Иванова получила множество писем с сожалением оставления поста председателя, знаками признания ее заслуг, словами благодарности. Так, Светлана Русанова, доцент БГУ, бывший директор школы польского языка, написала: «Признаюсь, сердце застучало от сообщения. Мне, безусловно, (да и не мне, наверняка, одной) трудно даже представить Автономию без Вашего руководства. Хотя прекрасно понимаю, время неумолимо несется вперед, на смену приходят молодые, надеюсь, достойные продолжатели ваших дел и задумок, но «золотой век» Автономии однозначно закончился с Вашим уходом с поста председателя. От этого немного грустно. Вспомнилось то замечательное время, когда столько культурно-просветительских проектов и на каком уровне мы проводили. А сколько талантливой молодежи было рядом! Скольким Вы помогли круто изменить свою жизнь, осуществить надежды! В общем, вспоминаю все это с большим-большим теплом!».

Большое теплое письмо с признанием заслуг Ивановой пришло из Польши от Ежи Богуслава Новака. «Спасибо тебе за огромный вклад в совместную полонийную деятельность,

а особенно за огромный авторитет Автономии, созданный благодаря тебе в Бурятии», - написала председатель ФПНКА «Конгресс поляков в России» Галина Романова. Написали письма Сергей Филь, ГАУК РБ РЦНТ, Сажида Баталова, к.пед.наук, доцент ФГБОУ ВО ВСГИК, член Совета Ассамблеи народов России, председатель Ассоциации народов Бурятии, зам. председателя Общественной палаты Республики Бурятия и др.

Трогательное письмо пришло от Миланы Попковой из Польши: «Я хочу поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для нашего Польского общества и в частности для меня. Тот вклад, который вложили Вы и наша культурная автономия повлияли на становление моей личности и все, что я знаю о культуре моих предков, это все благодаря Вам. Сейчас пишу диплом магистра и этим я тоже обязана Вам, если бы не вы, меня бы тут не было. Если честно, я с трудом представляю Автономию без Вас, не представляю, как Вы справлялись с таким колоссальным трудом, организационной работой на международном уровне. Никогда не забуду, как пришла маленькой девочкой с дедушкой в Польское общество 9 мая 2005 г. Для нашего дедушки «Nadzieja» была настоящей находкой. Он, наконец, смог найти единомышленников, таких же, как он поляков и, конечно, подробности о жизни его прадеда. С трепетом храню все воспоминания о летних школах, мероприятиях и поездках. Спасибо Вам за возможность участвовать и быть частью всего этого...».

В рамках мероприятий 25-летнего юбилея НКАП «Наджея» Марией Ивановой воплощен проект пребывания в Бурятии 9 школьников и 6 взрослых в сентябре 2018 г. Ученики варшавской школы № 203 во главе с директором Анной Оскроба побывали в Бурятии. В составе делегации была Иоанна Ялосиньска, старший инспектор отдела общего образования управления просвещения в Варшаве. Это был ответный визит поляков на поездку детей и взрослых членов «Наджеи»

в Польшу. Я была участницей поездки этой группы на речку Мишиху, на памятное место погибших повстанцев на Кругобайкальском тракте возле Байкала. В дороге Евгений Семенов подробно рассказывал историю поляков в Бурятии в XIX в., знакомил с природой Бурятии, с поселениями, мелькавшими за окном автобуса.

На встречу приехали Генеральный консул Республики Польша в г. Иркутске Кшиштоф Свидерек и представитель министерства иностранных дел Польши Ивона Козловска.

Митинг возле памятного креста польским повстанцам получился теплым и поучительным для детей польской и российской стороны. Ученики варшавской школы воочию увидели места тех далеких событий, на которых горстка ссыльных поляков с Кругобайкальского тракта, приняла бой с солдатами и казаками. Весело и непринужденно прошел обед на природе, во дворе туристского центра государственного биосферного заповедника «Байкальский», на территории которого и установлен памятный крест. На обеде польские гости преподнесли подарки активистам «Наджеи».

Байкал в этот день был суров и величав. Синие холодные волны неслись, обгоняя друг друга к берегу, образуя, белоснежные барашки и с шумом разбивались о камни у берега на мириады брызг. Все были в восторге. Поляки оттого, что впервые были на берегах священного озера, мы оттого, что такая удивительная красота была у этих волн, на которые можно было бесконечно долго смотреть. Здесь же делали фото, позировали профессионалу-фотографу. С гостями приезжала киногруппа, которая снимала фильм. Гости с благодарностью говорили, что именно благодаря усилиям Марии Ивановой данный проект воплотился в жизнь. Она также приезжала вместе с группой поляков из Варшавы.

На обратном пути в автобусе пели польские песни. Дети общались друг с другом на польском и английском языках, прекрасно понимали друг друга.

Меня поразило в этой поездке и после до отлета гостей в Польшу то, что польскую делегацию сопровождал генеральный консул и представитель высокого ранга министерства иностранных дел. Я как-то не могла понять, зачем, сопоставляя наших руководителей.

Еще бы хотелось отметить человечность Марии Ивановны. Зная, что для меня не очень комфортно останавливаться в гостиницах, она всегда доверяла Дом Польский в мое распоряжение. Бывая у нее на работе сначала в управлении культуры г. Улан-Удэ, затем в театре Бурятской драмы или Государственной филармонии, всегда встречала радушный прием с неизменным чаепитием. Она живо интересовалась, как мы там живем, чем занимаемся, давала советы и наставления. С ней обсуждали наши совместные проекты. Я приглашалась на мероприятия «Наджей», участвовала в работе конференций с сообщениями, писала заметки в СМИ о деятельности «Наджей», постоянно была в курсе событий. С благодарностью вспоминаю ее и ее неизменного помощника в делах Геннадия Григорьевича Иванова, ее мужа. Знаю, что они сейчас, живя в Варшаве, продвигают «Наджею» на мероприятиях и встречах в Польше. Звание Почетного председателя не только почетно, но и ко многому обязывает. И Мария Ивановна Иванова с честью несет это звание.

УДК 94(571.54)(=162.1)

Виноградова А.И.
(г. Улан-Удэ, Россия)

ЖИЗНЬ СЕМЬИ ВЕНГЛОВСКИХ

Пани Аделя Отрадных – активист Национально-культурной автономии поляков «Наджея» г. Улан-Удэ. Она участвует во многих культурных мероприятиях автономии и музыкально-поэтических конкурсах.

В прошлом году она стала лауреатом регионального конкурса чтецов «Белая птица», проводимого Домом Польским г. Новосибирска и клубом «Говорим по-польски». Пани Аделя отлично декламировала стихотворение Адама Мицкевича.

В июне мы собирались в автономии, чтобы отметить большой юбилей Михалины Антоновны Венгловской, мамы пани Адели, и послушать рассказ о ее жизни.

Очень трудная выдалась у семьи Венгловских судьба. Вся большая родня была раскулачена и отправлена в самые дальние и холодные уголки СССР за Урал и в Сибирь, а также в Казахстан. Ведь родственники отца были по тем временам очень обеспеченными, а так по советским меркам не должно быть.

Члены МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея», г. Улан-Удэ, 2019 г.

Слева направо: Головина О.Ю., Оксогоева А.А., Отрадных А.Т., Виноградова А.И., Могилевская С.А.

Также под каток сталинских репрессий и попал Томаш Венгловский, отец пани Адели. Он много трудился и однажды в сердцах высказал такую фразу: «При этой власти до гробовой доски ничего не заработаешь». Кто-то услышал и донес. Это и стало его приговором, возможно и приговором для всей его семьи.

В 1937 г. его отправили в казахстанские степи, а там тогда не было ничего, только холодные ветра завывали, да склоняли к земле желтые высохшие травы. В тех местах и зарождались первые целинные колхозы и совхозы, а как люди выживали, трудно даже представить.

Его жена Михалина Антоновна осталась одна с четырьмя детьми на руках. Ее и детей каток репрессий пока не тронул, они остались жить дома на Украине в Житомирской области, а жили они тогда в селе Нацизивка. Сама Михалина трудилась колхозе и слыла неплохой работницей.

А потом стали приходиться весточки от отца. Он пережил холодную зиму, работал и даже как-то стал обустриваться. И начал звать жену к себе. В 1940 г. она все же решила переехать в Казахстан. Конечно, и не предполагала, что дальнейшая жизнь окажется такой скорбной, и не знала, что зимы там очень суровые.

Приехала к любимому мужу Михалина Антоновна со всеми детьми, пятнадцатилетней Франей, тринадцатилетним Яном, девятилетней Соней и четырехлетней Аделей.

И что же их ждало в селе Чкалово Кокчетавской области? Маленькая холодная избушка из дерна. Многие люди так там и жили. Настоящий дом невозможно было построить, ведь кругом сплошные степи и совершенно нет леса. Да еще и постоянная проблема с водой. Вот люди и обустривались и выживали, как могли. После приезда всех сразу же отправили на колхозные работы. А самая маленькая Аделя оставалась дома и бегала босиком по холодному земляному полу.

Эти ощущения она помнит до сих пор. Как еще тогда не застудилась?

Старшую сестру Франю почти сразу отправили на учебу. Она стала мастером генерации и трудилась на МТС, потом паяла радиаторы, была мастером своего дела, что даже впоследствии была удостоена ордена Ленина.

Брат Ян, которого там стали звать Иваном и сестра Соля работали наравне с взрослыми в поле, и в обед им давали только стакан кефира. А когда вырастала молодая пшеница, они шелушили мягкие зернышки и жевали их.

Но уже следующей зимой произошла трагедия – погиб отец. В степи налетел страшный буран и почти все труженики, возвращающие с тяжелых работ на подводах, заблудились. Многие погибли, замерзли от переохлаждения. Кто может выжить в открытой степи при сорокоградусных морозах? Несколько человек все же добрались до дома, но сильно простудились и долго болели. Как большой семье пришлось выживать без отца? Наверное, только Михалина Антоновна и знала.

Венгловская Адель, Венгловская Михалина.

Венгловский Иван

Работала она без устали, да еще к тому же почти сразу всю семью зачислили в ссыльнопоселенцы и относились крайне сурово, почти как к заключенным. А ведь они прибыли по собственной воле!

Но семья Венгловских была трудолюбивой, поэтому с голода не умирали, только большая проблема была с одеждой, нечего было носить, да и денег-то не было, чтобы купить обновы.

В колхозе маленькой Аделе как и всем детям также пришлось и сорняки полоть, и пшеницу выращивать. В школу она пошла только в 1948 г., когда ей исполнилось почти 12 лет. А учиться очень сильно хотелось.

- Да мне почти все предметы нравились, особенно алгебра. А такие предметы как рисование, черчение давались очень легко, - рассказывает пани Аделя.

И мечта появилась особенная, стать геологом, исследовать недра земли.

Но тут из дома решила уехать повзрослевшая сестра Соня, хотя ее директор не отпускал, потому что могла работать на разных работах. А особенно ее ценили как комбайнера. Сестра была очень решительной, рассердилась и запустила в начальника чернильницу. А потом сбежала в Кокчетав и далее на родину в Житомирскую область.

Впоследствии она жила в селе Довбыш, работала на фарфоровом заводе, бригадиром и сортировщиком, где изготавливали посуду. Очень ценился такой фарфор, заказы приходили из многих стран.

Ваня ушел служить в армию и пробыл там целых восемь лет. Потом он вернулся и трудился механиком на местной МТС.

Когда Аделя Венгловская заканчивала школу, серьезно заболела мама. Все-таки такая трудная жизнь дала о себе знать. В 1957 г. она умерла, и уже повзрослевшие дети долго не могли смириться с такой большой потерей.

- На следующий год я собралась поступать, - говорит пани Аделя. - Но в Геологический институт не прошла по зрению. Тогда решила учиться в библиотечном техникуме. Выбрала специальность дирижера-хоровика. После окончания отработала четыре года в Северном Казахстане.

А потом все же поняла, что надо получить высшее образование и судьба привела ее в Бурятию. Она стала учиться в институте культуры по той же специальности. После окончания института поступило распределение в Ербогачен. Но оказывается, там еще не был достроен Дом культуры.

Венгловская Адель

- Кем бы я там могла работать? - слегка улыбается пани Аделя. - Дирижером-хоровиком, культмассовиком и даже киномехаником. Мы всему учились в институте и все умели делать.

А потом ей предложили новое место, но она не согласилась, так как уже была замужем за Виктором Отрадных, который трудился на железной дороге.

Некоторое время Аделя Отрадных работала руководителем хора на местном Приборостроительном объединении.

В 1971 г. стала трудиться в Педагогическом колледже, вела музыкальные дисциплины и была очень ответственным человеком. К занятиям готовилась тщательно и знания ребята получали прекрасные.

В 1973 г. в молодой семье родилась дочь Елена. Сейчас Елена также является творческим человеком и работает в школе искусств.

Как только дочка подросла, Аделя Тимофеевна продолжила работу в Педколледже и работала там до 1997 г. Даже когда по возрасту вышла на пенсию, вела занятия со студентами.

Она ветеран труда и награждена знаком «Отличник просвещения Российской Федерации».

В польское общество пани Аделя Отрадных пришла в 2001 г., когда председателем был пан Вацлав Соколовский. Очень ей нравились польские учителя, которые вели занятия с творческим подходом. Да и сейчас с удовольствием занимается в группе старших учеников у учителя Кристиана Фурмановича.

Пани Аделя Отрадных – музыкально-одаренная натура, она сочинила музыку к гимну польской автономии «Над-жея». Автор стихов, также член автономии – Михаил Ефимов. Этот гимн звучит в польские праздники, посвященные торжественным датам.

Также она сочиняет музыку к стихам наших поэтов Михаила Ефимова и Валентина Литвинова. Так получаются хорошие патриотичные песни.

Виноградова А.И.
(г. Улан-Удэ, Россия)

ДВЕ СУДЬБЫ ОБЪЕДИНЕНЫ ДОБРЫМ СЕРДЦЕМ

Судьба у каждого человека своя. Вот и у Стефании Иосифовны Дайбовой, жившей в городе Улан-Удэ, особая жизнь.

Родилась маленькая Стефа Роловец в небольшом польском селе Зазбрэзье недалеко от города Молодэчено на северо-востоке Польши.

Мать ее умерла, когда девочке было всего четыре годика. Помнила ли она маму? Возможно, и помнила. Ведь только мама может нежно и верно любить.

Воспитывали ее дедушка с бабушкой, а также помогали две тети – Юзефа, Марыся и дядя Янек. Но вскоре Стефания осталась без бабушки и дедушки, но сиротой себя не чувствовала.

Особенно опекала ее тетя Марыся, которая в это время потеряла своего жениха, он погиб в те сложные годы, когда часть Польши была присоединена к Советскому Союзу.

Тетя Марыся замуж так больше и не вышла, занималась хозяйством и старалась, чтобы ее племянница ни в чем не нуждалась. Стефания училась в гимназии, дружила с хорошим парнем, но он также погиб в самом начале боевых действий Второй мировой войны.

Тогда она переехала жить к тете Юзефе, в городок Воложин, и жила у нее до самого окончания войны.

Война оставила страшный след не только в сердце молодой девушки, но и у многих людей, кто находился в фашистской оккупации. Сложно представить, когда идет война, но еще сложнее, когда ты находишься в окружении вражеской армии.

Особенно запомнилось ей наступление фашистов, как по дороге огромными колоннами шли немецкие танки, потом ехали многочисленные колонны мотоциклистов, а следом двигались велосипедисты.

Их дом стоял у дороги, немцы частенько сворачивали к селам, и они постоянно убегали и прятались в лес, чтобы их не угнали в рабство. Но фашисты шли и шли на восток, так как война обещала быть долгой и кровопролитной.

Но однажды немцы неожиданно пришли и в их дом. Они по-хозяйски все осмотрели, забрали почти все продукты и почему-то посчитали, что здесь живут евреи.

Фашисты уже приказали всем собираться, чтобы увести их то ли в плен, а может даже и расстрелять за околицей, но Стефания заговорила на немецком языке и объяснила, что они поляки. Немецкий язык она учила в гимназии. Так девушка спасла всех своих родственников.

Многое пришлось им вынести в те страшные годы. Они видели, как горел советский танк, подбитый немцами, и как около него погибал танкист. Но подойти люди боялись, ведь их тоже могли расстрелять. Потом местные жители чтобы не видели оккупанты, похоронили погибшего бойца у развилки дороги. Кто знает, где сейчас находится это место?

Много можно вспомнить тяжелых моментов военных лет, но все же всем хотелось жить и надеяться, что там, в далеком будущем, будет намного лучше.

И, наконец, советские войска с боями и огромными потерями дошли до столицы Германии – Берлина. Это была Победа и на Земле наконец-то наступил мир.

После войны в 1946 г. Стефания, уже юная девушка, познакомилась с Афанасием Дайбовым, который служил в том местечке.

Хотя он был совсем молодым человеком, судьба его оказалась сложной и тяжелой. В 1942 г. его часть попала в плен и уральского парня с товарищами отправили в немецкий

концентрационный лагерь Заксенхаузен. Выживать в лагерях смерти удавалось не каждому. Надо было иметь удачу и бойцовский характер, но Афанасий дождался победы. Концлагерь Заксенхаузен освободили американские войска. После этого его не отправили как многих бывших военнопленных в наши лагеря, но служить он остался в Западной Белоруссии.

Вскоре Афанасия Дайбова демобилизовали, молодые люди поженились и уехали на его родину Урал.

А через несколько лет неожиданно пришло известие, что у Афанасия Александровича в селе Рудники, в западной части Белоруссии, подрастает маленькая дочка Алина.

Оказывается, до знакомства со Стефанией, симпатичный военный был знаком с хорошей девушкой Яниной Ковалевской. Его часть, где он служил, стояла в селе Рудники в ста километрах от Минска. Там они встречались и дружили, но вскоре Афанасия перебросили в другое место. А Янина почему-то не стала его искать, чтобы сообщить, что ждет ребенка.

Но через несколько лет Янина Фердинандовна Ковалевская тяжело заболела и скончалась. Так пятилетняя Алина осталась без мамы, и родственники уже подумывали отдать девчушку в детский дом.

Стефания Иосифовна, узнав, что у мужа есть маленькая дочка, сразу решила, что девочка будет жить с ними. Сама, оставшись сиротой в четыре года, она полюбила Алину всем сердцем.

Дайбова С.И.

Они жили тогда в городе Североуральске – городе шахтеров. Афанасий Александрович работал на шахте, Стефания Иосифовна – поваром. А Алина, учась еще в школе, стала мечтать об увлекательной науке – геологии. Она собирала коллекции минералов, ходила в походы, спускалась с отцом в шахту, практически обошла пешком по туристским тропам весь Южный и Средний Урал.

Отец радовался, что дочь увлечена геологией и всячески поощрял ее действия. В 1961 г. юная Алина поступила в Миасский геологоразведочный техникум.

Техникум она закончила с отличием в 1965 г. и приехала работать в Бурятию, которую выбрала по распределению. Забайкалье ей казалось далеким и очень интересным местом.

Через год она поступает заочно в Московский геологоразведочный институт. Хотелось знать о геологии все. Здесь в Бурятии молодой техник-геолог Алина Дайбова знакомится с Валерием Барским, который также был увлечен геологией, как и она.

И вскоре молодые люди поженились. У них родилось два сына. И, несмотря на то, что надо было воспитывать малышей, Алина Афанасьевна не бросила свою любимую геологию. Она с коллегами занималась разведкой месторождений республики, ходила в кирзовых сапогах по тайге, и как говорят сами геологи, много работала в поле.

Но время шло, дети выросли, обзавелись семьями, появились первые внуки. И Алина Афанасьевна стала искать родственников родной матери Янины Фердинандовны.

Когда появился Интернет, Алина Афанасьевна вышла на сельсовет в Белоруссии, где она проживала в детстве. Ей сообщили, что там живет некий Ковалевский. Оказалось, что он ее родственник, там же жила ее крестная тетя Стася, которая помнила маленькую Алину. Она и помогла найти других ее родных по материнской линии. Тогда сердце Алины Афанасьевны успокоилось, корни ее родословной были найдены.

Долгое время Алина Афанасьевна Барская трудилась главным геологом ФГУ ТФИ по РБ.

Ее муж Валерий Федорович Барский работал директором Федерального Государственного учреждения территориального фонда информации по природным ресурсам и охране окружающей среды Республики Бурятия Министерства природных ресурсов Российской Федерации. Они увлеченные люди, всегда заняты любимым делом.

Барская А.А. стоит справа

Время идет быстро, мама Алины Афанасьевны Стефания Иосифовна прожила более девяноста лет. А правнуков у бабушки Стефании в семье Барских выросло шестеро.

Жизнь испытывает на прочность многих людей. Возможно, и в этой жизненной истории много совпадений, когда одна девочка, оставшись сиротой, в последствии воспитала как родную такую же девочку, как и она.

Но любовь побеждает во всех жизненных передрягах и ситуациях.

СЕСТРЫ

- Завтра поеду к няне Кеи, - предупредила я подружек и что играть с ними не буду.

- А потом? – спросила Ольга.

- А потом к няне Ане, няне Марусе, к няне Тоне.

- Как у тебя много нянь, - с ноткой зависти проговорила Галка-Цыганок.

Это было послевоенное время. Сестры были старше меня на более чем двадцать лет. К тому же няня Тоня к первым трем сестрам, по маме, была сводной и троюродной. Так сложилась судьба. Исторические лихолетья объединили две семьи. В одной лишились мужчину, в другой потеряли женщину.

Никаких трамваев и автобусов в Улан-Удэ не было тогда и в помине. И поэтому, быстро нахлобучив шапку и застегнув курмушку, я ехала к няне Кеи (полное имя Лукерья, но я его полностью не могла проговаривать) на Элеватор на широких плечах Михаила Фатеевича Новикова, мужа сестры. Незадолго они потеряли первенца при родах. И я, скорее всего, в этот период для молодой семьи была отдушиной.

В комнатухе четырехквартирного барака на ул. Красноармейской у меня был все же свой уголок с роскошными переливающимися лоскутками и тряпичной самоделишной куклой.

В понедельник им обоим надо было на работу, поэтому меня возвращали домой в Зауду в воскресенье тем же маршрутом. Но мы обязательно заходили на базар (ныне Центральный рынок). Там было много всякой всячины. Однако меня привлекали ни кошки и собаки-копилки, а глиняный

конь на колесиках. Я хотела ехать домой через Удинский мост уже не на плечах зятя, а непременно на коне...

Мой очерк будет базироваться на детских воспоминаниях и как я их потом осознала, чтобы лучше понять моих родственников.

Вот совсем недавно, например, я узнала историю необыкновенных лоскутков, потрясших мое воображение в действе.

Оказывается, Михаил Новиков, танкист Великой Отечественной, после войны работал шофером на строящемся Оперном театре. И хотя театр открылся в пятидесятые годы, но спектакли готовились, а костюмы в мастерских шились. А вот обрезки лоскутков зять приносил мне играть.

**Сестры Дульские. г. Улан-Удэ, 18 июля 1983 г.
Сидят: Дульская-Новикова Л.С., Белоусов Е., Баженова-Белюсова Г.С.
Стоят Дульская-Козлова М.С., Дульская-Подлужная А.С.**

Няня, старшая сестра, Лукерья Степановна работала в электро-мастерских хлопотного Горкомхоза. Она успевала все: и на работе, и дома. В ограде держали свое хозяйство:

поросят, птицу. Этому она была приучена в детстве, когда семья еще жила в деревне.

На работе всегда была на хорошем счету. Более 20 лет проработала в Горкомхозе. А последние 14 лет в электроцехе Улан-Удэнского локомотивного депо. Ни один электромотор, собранный ее руками, на уходящих в рейс составов, ни разу не подвел.

В пятидесятые годы молодая семья построила свой дом на Левом берегу, где родились дочери Наталья и Анна.

С няней мы были очень похожи на маму.

- Мы одноутробные, - говорила она, - где это маленькая курмушка, чего не приходит...

**Новиков М.Ф. с дочерьми Натальей и Анной.
г. Улан-Удэ. 1958 г.**

И как непростительно, что в силу не хватающего времени, не удавалось, как когда-то и с мамой, посидеть подольше, поговорить...

Но в один из редких дней, я выбралась на Левый берег. Посмотрела фотографии в альбоме, прочитала благодарственные письма, грамоты...

Оказывается, в девятнадцать лет электрообмотчица Лукерья Дульская от рабочих Городского коммунального хозяйства была делегирована на II Бурят-Монгольскую конференцию союза рабочих горпредприятий г. Улан-Удэ. Я держала в руках фотоснимок, датированный 12 октября 1939 г., где запечатлены 33 лучших представителя рабочего класса. Няня на снимке самая юная.

Несомненно, в руках у меня был редкий документ по истории г. Улан-Удэ.

Потом сестра с особой трогательностью подала мне пожелтевшую от времени грамоту Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР от 8 марта 1950 г., за подписью министра Игнатова, награждавшей ее за высокие производственные показатели.

Попив чаю, я попросила няню рассказать о том периоде, о котором никто не любил вспоминать, особенно наша мама. Но я упростила Лукерью Степановну и вспомнить, и кое-что уточнить. Времена уже наступили другие.

Она, вздохнув начала:

- Хорошо мы жили семьей в Нижнем Маргентуе с родителями, дедушкой Андреем, бабушкой Марьей. Но незадолго до 1930 г. дедушка упал с лошади да так и не поднялся. Потом началось раскулачивание. Помню, как отца увели из дома, а нас всех посадили на подводу и отправили аж в Аленгуй, в Красноярский край.

**Семья Дульских. г. Троицкосавск. 1910 г.
Сидят слева направо пятая Дульская М.А., Дульский А.Н.
Стоит последний справа Дульский С.**

Потом, когда маму переправляли во вторую ссылку в Читинскую область, мы приехали в Улан-Удэ. Тут я устроилась учеником электрообмотчика. Анну забрала мамина сестра тетя Василиса Каптерова-Булдакова в с. Подлопатки. Марию отправили в няньки к учителю в родное село. А мама с бабушкой Марьей и трехлетним Федюнькой поехали дальше по этапу в Малиту, потом в Горячинск...

Собрались мы все худо-бедно, когда мама сошлась с твоим отцом. На восемь штанов пошла лишь бы больше не гоняли. Он нашему бате был по матери двоюродным братом.

У няни было хорошее здоровье, генетически, несмотря на довольно вредную профессию, годы взяли свое. В феврале 2010 г. ей исполнилось бы 90 лет. Десять дней она не дожидая до юбилея.

Ей довелось вырастить внучек Наталью, Машу, правнуков Юрия и Владимира.

Няня Аня

Сестра брала меня к себе в редкие выходные от сменной работы. Она жила в соцгородке на ПВЗ (сейчас ЛВРЗ) и работала на ТЭЦ, тогда единственной, стратегическом объекте города. Население в Улан-Удэ насчитывалось около 250 тысяч. Не менее значительными были и Стеклозавод, «Механлит» (в последствии завод «Электромашина»), строилась суконная фабрика (в последствии Тонкосуконный комбинат им. 50-летия ВЛКСМ) и еще одно-два предприятия.

Почему я это перечисляю?

Да потому что Анна Степановна Дульская работала на главном электрощите ТЭЦ, отвечая за бесперебойное энерго-снабжение перечисленных предприятий и жилой массив столицы.

Семьи Каптеровых и Дульских. с. Подлопатки. 1920 г.
Во втором ряду слева сидят Каптеров М.Н., Каптерова (Грудинина) А.Н.

В третьем ряду в центре стоят Дульский С.И и Дульская (Каптерова) А.М. (справа)

В Подлопатках семья Булдаковых – Василиса Михайловна и Клим Макарович помогли няне закончить семилетку и, приехав в город, она поступила в ЖУ-2, базовое училище ПВЗ и ТЭЦ. Смышленную фэзэушницу сразу заметили и после окончания не побоялись поставить на инженерную должность. Так ковались кадры тогда.

Здесь она встретила свою половинку – Николая Михайловича Подлужного, прошедшего войну турбинистом на военных кораблях Северного фронта и классного турбиниста уже на ТЭЦ.

И хотя водиться с ребяташками Ниной и Вовой помогала бабушка Марья Александровна и свекровь, но посменная ответственная работа, хроническое недосыпание постепенно отражалось на здоровье. Сестра ушла от нас в маминном возрасте – в 74 года.

Дети Нина и Владимир живут в Улан-Удэ.

Город свой я хорошо знаю и помню, потому что сестры жили в разных микрорайонах.

Вот и няня Маша

Она проживала в военном городке – это ныне район полка связи. Улица Мокрова и Боевая были в глухом лесу.

И на велосипеде, транспорт был редкий по тем временам, кадровый военный, а в мирное время классный столяр, Иван Кузьмич Козлов, вдоль тропинки картофельного поля, где потом будут стоять бараки рабочих Мостопоезда-834, строящих Удинский мост, а в последствии здание института культуры, доставлял меня к ним в гости, как драгоценную персону.

Милая моя, няня Маша как я благодарна Тебе за белую блузку, вышитую крестиком голубыми нитками мулине и в тон им же сшитым голубым сарафанчиком из штапеля. Мои подружки ахали от этого наряда. А вот когда ты с Кузьмичом, завербовавшись, уехали в Монголию, не забыла про меня –

отправила шерстяную кофточку, чтобы я не мерзла, так как наш дом был очень холодным. Но самое главное – Куклу! Настоящую! Большую! С открывающимися и закрывающимися глазами. Но к великому сожалению – с глиняной головой, которую мои подружки не уберегли. И ни слезы, ни пластырь медицинский не помогли склеить ее...

**Козлов И.К. и Дульская - Козлова М.С.
Монголия, 1951 г.**

А какие ты вышивала картины! Это была моя первая Третьяковка. Да, целые художественные полотна! Я их помню: вот горянка гордая идет с кувшином от ручья; проказники котят, опрокинувшие чернильницу; вот замок, манящий своей таинственностью... Он хранится у моей дочери Ларисы, с которой ты уже водилась, помогая мне.

Ты, лучшая мотальщица на Улан-Удэнской суконной фабрике. Но была вынуждена уйти по профзаболеванию. И

подрабатывала уже уборщицей. А какой ты была великолепной хозяйкой и огородницей. Все в руках кипело, как говорят о таких людях. У тебя не было детства. С семи лет ты пошла в няньки. И получила образование всего 4 класса.

Низкий поклон Тебе за то, что ты научила меня шить, вышивать, любить землю...

Няня Тоня

После раскулачивания в с. Верхний Маргентуй, отец Баженов Савелий Михайлович, в ночь разобрал дом и, сколотив плот, по Хилку и Селенге сбежал с семьей в город (все «богатство» – семеро ребятишек). В конце улицы Бабушкина поставил дом. После такого путешествия, простудившись, умирает жена и младший сынишка. На старшую дочь Тоню ложатся все заботы.

**Куксин Г.Д. и Баженова-Куксина А.С.
г. Улан-Удэ, 1950 г.**

Она не получила даже полного начального образования. Рано пошла работать на Улан-Удэнский мелькомбинат. Электрообмотчик-самоучка. За хорошую работу она получила квартирку на Почтовке, в одном из двухэтажных домов из кругляка. Они до сих пор стоят на ул. Пищевой. И я, проез-

жая сейчас на дачу, вспоминаю, как я любила бывать у няни и дяди Гоши. Всегда все из скромных продуктов было вкусно приготовлено, а для ребенка в послевоенное время это было чуть ли не самым главным. Но позже я поняла, что для них главным была любовь ко мне. Няня в детстве, провалившись на Хилке зимой, сильно простудилась. Долго болела. Итог – на всю жизнь осталась бездетной.

Одно время дядя Гоша работал трактористом в Леспромхозе в с. Кика. Я жила у них целое лето 1953 г. Походы с няней за ягодами, шикшей, маховкой по горному ручью открывали необитаемый мир фантазии. А в последнее время они оба трудились в Улан-Удэнском трампарке по своей профессии. Обмотка на моторах, сделанная руками моей сестры, никогда не подводила ее высокий профессионализм и выходящих на маршрут трамваев.

А солдатский подвиг танкиста, кавалера боевых орденов Отечественной войны и двух Красной Звезды Георгия Дмитриевича Куксина я увековечила в 9 томе Книги Памяти Бурятии.

Несколько слов о Федоре Степановиче Дульском. Федюньке, как любили называть моего брата сестры, так и я его называла. Ему было полгода, когда он вместе со всей семьей был отправлен в ссылку.

Красивый, умный от природы, с лучистыми глазами, доброй улыбкой – все это он сохранял до последних своих восьмидесяти лет.

Помню, учась в первом классе, я вслух для всех в доме прочитала в республиканской газете «Бурят-Монгольская правда» заметку о брате и его бригаде электромонтеров, готовящих к открытию театр оперы и балета. Там была, в подвале газеты, еще и фотография всей бригады. Чувство гордости переполняло меня.

А потом я гордилась сводными братьями: Федором Дульским и Назаром Баженовым, выполнявших в 1950-е гг.

интернациональный долг в Порт-Артуре. Мы следили за тревожными событиями. Я писала письма братьям и ждала ответа с открытками симпатичных китайнок.

Вернувшись, сержант Дульский продолжил работать по профессии. Со своей любимой спутницей Евдокией Евстигнеевной Зайцевой-Дульской они прожили более 50 лет. По линии дочери веточку родословной продолжают два внука и пять правнуков.

Дульский Ф.С. с женой Дульской (Зайцевой) Е.Е. на свадьбе внука Николоза Шарашенидзе, г. Улан-Удэ, 17 февраля 2007 г.

Я не раз задумывалась: кем бы были мои сестры, если бы их не сорвали с родного угла, как сложилась бы их судьба?

И несмотря на безотцовщину, войну, они состоялись! Они были уже в возрасте, по тем временам, когда дождались своих суженных с великой войны. Создали семьи.

Мама была рада, что дочери обрели надежное мужское плечо, отнятое у нее и у них в детстве. Анна Михайловна любила зятьев. И они в ней души не чаяли. Каждого она встречала и привечала по-разному: где шуткой-прибауткой, а где крепким словом, если за что было. Ведь в ссылках на тяжелых мужских работах мунтулила, как говорила она.

Что помогло им всем выстоять, сохранить достоинство, доброту, порядочность, авторитет?

Пришло время найти ответ. Татьяна Ивановна, дочь Марии Степановны Дульской-Козловой, с которой я уже нянчилась, когда разрешено было делать запросы о близких, обратилась в Управление Федеральной службы безопасности России по Бурятии.

20 января 2003 г. пришел конверт: «В ответ на Ваше заявление сообщаем, что в архиве УФСБ РФ по РБ находится на хранение архивное уголовное дело № 6336/с (возбужденно в июне 1930 года), по которому проходит Дульский Степан Андреевич, 1898 года рождения, уроженец деревни Нижний Мангитуй Кяхтинского района Билютайского с/совета».

Арестован Дульский С.А. сотрудниками Троицкосавского пограничного отряда ОГПУ в июне 1930 г.

6 января 1931 г. решением тройки при ППОГПУ Восточно-Сибирского края осужден по ст. 58-2 УК РСФСР (вооруженное восстание) к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 9 февраля 1931 г. в г. Улан-Удэ. Место захоронения, к сожалению, не известно.

670042

г. Улан-Удэ
пр. Строителей 70"б"-164
Квазминой Т. И.

№ 62 - М. В. 073

№ _____
г. Улан-Удэ

Уважаемая Татьяна Ивановна!

В ответ на Ваше заявление сообщаем, что в архиве УФСБ РФ по РБ находится на хранении архивное уголовное дело №332/С (возбуждено в июне 1930 года), по которому проходит Дульский Степан Андреевич, 1896 года рождения, уроженец деревни Нижний Мангиртуй Киктинского района Вилдтайского о/совета.

Арестован Дульский С. А. сотрудниками Троицкосавского кав. погран. отряда ОГПУ в июне 1930 года. 6 января 1931 года решением тройки при III ОГПУ Восточно-Сибирского края осужден по ст. 58-2 УК РСФСР (погромное восстание) к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 9 февраля 1931 года в г. Улан-Удэ. Место захоронения, к сожалению, неизвестно.

10 сентября 1989 года Прокуратурой РБ пересмотрено уголовное дело по обвинению Дульского С. А. по ст. 58-2 УК РСФСР и на основании ст. I Указа Президиума Совета СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов" он считается реабилитированным.

Справку о реабилитации Вашего деда Вы можете получить в прокуратуре РБ по адресу: ул. Борсоева 23, куда нами перенаправлено Ваше заявление.

Основание: арх. уг. дело №332/С

Начальник подразделения

В. Ф. Сухоруков

**Выписка из документа архива УФСБ РФ по РБ г. Улан-Удэ,
20.01. 2003 г.**

10 сентября 1989 г. Прокуратурой Республики Бурятия пересмотрено уголовное дело по обвинению Дульского С. А. по ст. 58-2 УК РСФСР и на основании ст. I Указа Президиума Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов он считается, реабилитированным» Начальник подразделения В. Ф. Сухоруков.

ПРОКУРАТУРА
Российской Федерации

Бюро Республики
ПРОКУРАТУРА

ПРОКУРАТУРА
Республики Бурятия

670000, г. Улан-Удэ,
ул. Борсова, 23

27.01.03 № 13-13-03

СПРАВКА
о реабилитации

Дульский Степан Андреевич, 1898 года рождения, уроженец с. Нижний Мангитуй, Бичурского района, крестьянин-единоличник.

Арестован 29.06.1930 г.

6 января 1931 года осужден Особой тройкой при ПШ ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю по ст. 58-2 УК РСФСР к ВМН – расстрелу. Постановление исполнено 09.02.1931 г.

10 июля 1989 г. заключением прокуратуры Бурятской АССР в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» Дульский Степан Андреевич реабилитирован посмертно.

Заместитель прокурора
старший советник юстиции

В.А. Фалилеев

**Справка о реабилитации Дульского С.А.
№ 13-13-03 от 27.01. 2003 г.**

Ответ, как видно найден. Это Память. Да, колесо исторических событий времени, не от них зависящих, хотя это знак вопроса, проехало по моим родным, но не придавило. Растет поросль. И живет память. А это – категория из вечных.

Юзеф Кобылецкий

**ПОЕЗДКА ИЗ ИРКУТСКА В КЯХТУ
НА ГРАНИЦУ КИТАЙСКОЙ МОНГОЛИИ ЧЕРЕЗ
БАЙКАЛ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ, ИМЕВШАЯ МЕСТО,
В 1832 Г.**

Читателю

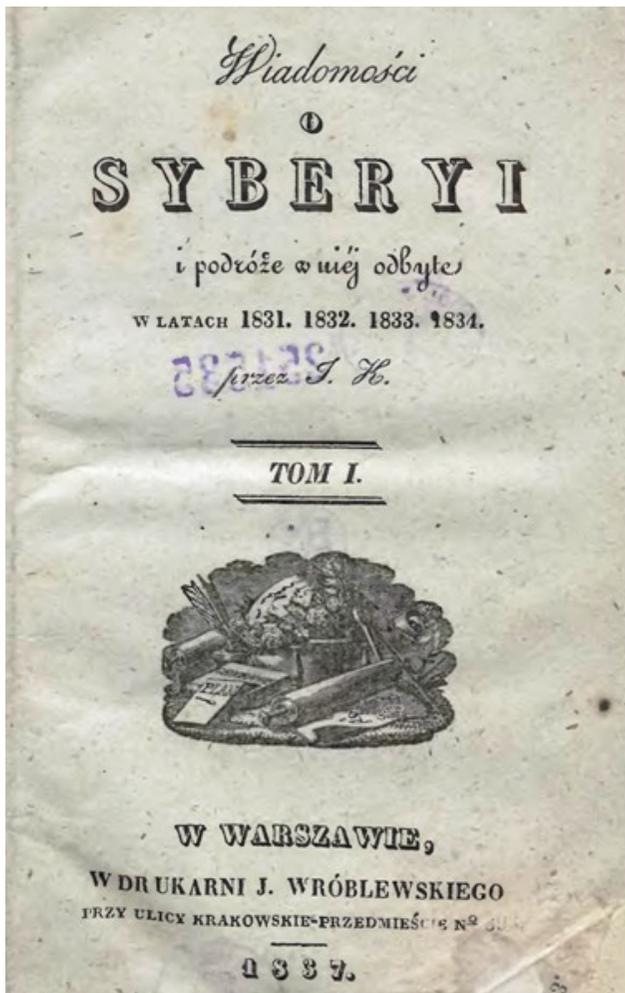
Начиная с 1831 года, в течение четырех лет я совершил несколько служебных поездок по центральной и южной Сибири, добираясь даже до границ Китайского Государства. Во время этих поездок я собирал, заботясь о том чтобы это осталось в моей памяти, все, что мог узнать от мудрых жителей: об обычаях, религии, быте людей, живущих в местах, в которых я находился и самых дальних уголках; данные сведения, старательно собранные, которые должны были стать для меня образцом поведения в различных обстоятельствах моей службы, я в свободное от обязанностей время сверял с описаниями различных авторов: давних и современных, в особенности российских, которые будучи ведомыми рвением в своем стремлении к благоденствию своей Нации, лучше знают местность и обычаи народов, которыми управляют по воле Его Императорского Величества, или же среди которых им пришлось нести службу, в качестве просвященных государственных чиновников, во время которой составляли они с большим прилежанием подробные описания этих мест; к ним относится труд Губернатора Степанова, в котором собраны сведения о Енисейской Губернии и множество других; труды эти являются образцовыми, наполненными доскональными исследованиями и правдивыми картинами жизни. Пользуясь ими, я дополнял свои описания, особенно благодаря сведениям П. Степанова о Енисейской губернии и «Мемуарам» Господина Мартоса, касающимся исторических исключений. В описании природы полярного края я подражал некоторым фрагментам трудов Господина Калашникова, которого в не-

сколько романтическом смысле можно было бы назвать Сибирским Купером.

Вернувшись в Варшаву и получив тысячи вопросов по этим страницам, я убедился насколько ошибочным было представление о Сибири; многим знакомым образованным людям я давал для прочтения свою рукопись, и всюду меня уверяли, что отдельные содержащиеся в ней сведения, являются интересными и до сих пор неизвестными и, наконец, склоняли меня к тому, чтобы рукопись издать и настаивали на том. Ободренный так лестным для меня мнением, отдаю в печать мои записи, не имея при этом цели ни бороться за репутацию профессионального исследователя природы, ни за почет авторства, но ведомый стремлением подобным стремлению других Авторов, внесения посильного вклада в дело народного просвещения, ожидаю, что заслуживающими доверия описаниями устраню ошибочные представления о Сибири, крае, который благодаря заботе Правительства и значительному развитию образования, рукоделий и крупной торговли, не только перестает быть неизвестным, но находится уже на том уровне, на котором незнание о нем, свидетельствует о глубоком невежестве сомневающегося.

Случается еще слышать голоса, утверждающие, что писать о далеких и неизвестных вещах и странах просто, поскольку необходимо надеяться на порядочность Автора и, на самом деле, в данном труде могут появиться сведения, которые благодаря своей новизне могут показаться особенными для людей, мало знакомых с описаниями северных окраин, тем более, что человек по природе своей склонен сомневаться в том, чего сам не видел. Сибирь, однако, перестала уже быть той неизвестной землей и все сведения об этом крае, в том числе самые диковинные, можно проверить, не только на основании замечательных трудов как российских так и зарубежных писателей, но также на основании свидетельств просвещенных людей, которые, из интереса или по службе, данный

край посещали. Общеизвестными старыми описаниями Сибири являются: Палласа, Сауэра, более отрывочными и поздними – Степанова, Мартоса, Словцова и многих других.

Титульный лист издания
«Известия о Сибири о путешествии по ней состоявшемся в
1831, 1832, 1833 и 1834 годах»

ПОЕЗДКА ИЗ ИРКУТСКА В КЯХТУ НА ГРАНИЦУ КИТАЙСКОЙ МОНГОЛИИ ЧЕРЕЗ БАЙКАЛ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ, ИМЕВШАЯ МЕСТО, В 1832 Г.

Путешественнику, находящемуся в Иркутске, сложно перебороть в себе желание увидеть край Далай-Ламы и Шаманов, знакомства с кочевыми племенами Монголов, которые когда-то наводили ужас на Европу, а теперь под российским управлением, спокойно практикуют свои идолопоклоннические обряды. Летом, расстояние в пятьсот верст, отделяющее Иркутск от Кяхты, можно преодолеть двумя способами: сперва по тракту вдоль Ангары до корабельной переправы через Байкал, после которой следует поездка по левому берегу Селенги через города Верхнеудинск и Селенгинск; здесь следует добавить, что зачастую встречный ветер усложняет переправу через озеро¹.

Второй тракт, огибая рукав правого конца Байкала, проходит через хребет Хамар-Дабан и, будучи дорогой неровной, все же довольно удобен и хорошо обустроен. Он соединяется с первым трактом в Усть-Кяхте, последней почтовой станции перед Кяхтой. Быстрее всего это расстояние можно преодолеть зимой, хоть и влечет это за собой множество неудобств и опасностей; большей частью дорога проходит по водоемам, покрытых льдом, то есть по быстрой реке Ангаре, озеру Байкал, которое Монголы называют Святым Морем и по реке Селенге. Намереваясь поехать этим путем, я выехал из Иркутска 15 января 1832 года. Термометр Реомюра пока-

¹ Мне кажется что использование паровых судов на Байкале сделало бы постоянный перевоз товаров российских и китайских более удобным; ветра здесь настолько сильные, что обычные суда сносит далеко от точного курса, так в 1834 году транспортное судно генерал-губернатора Сулимы во время его поездки в Забайкальский край было снесено в далекие стороны, что привело к многочисленным трудностям и неудобствам при доезде в Иркутск.

зывал двадцать семь градусов ниже нуля; луна бледным светом освещала дорогу, в удобных крытых санях, на небольшом расстоянии от города, мы спустились на частично замерзшую реку Ангару, которой длина от этого пункта составляет шестьдесят верст до Байкала, из которого она берет начало, ширина ее значительна, а течение настолько быстро, что появляющийся на ней лед она топит в своих водах, ледяные же поля как будто из-под воды появляются, что дает местным жителям повод предполагать, что лед появляется на дне реки: вода в ней чистая, но нездоровая и безрыбная, судоходство усложнено и опасно из-за множества порогов и подводных скал. Скорость течения реки составляет восемь футов в секунду.

Зная о том, что Ангара замерзла лишь частично, я постоянно испытывал тревогу, а поскольку ночью окружающие предметы представляются нам более страшными чем обычно, я, несмотря на то, что ресницы на веках слипались от мороза, безустанно протираю их, чтобы иметь возможность смотреть по сторонам; кроме прочего путешественник так привыкает к знанию дороги присущему местным возницам, что даже там, где угроза на самом деле существует, страх чувствуется меньше. Возница одно время двигался вдоль одного берега, затем, там где река замерзла, перебирался на другой и так попеременно выбирал более удобную и безопасную дорогу. Чем ближе подъезжали мы к озеру, тем уже становилась дорога между хребтами гор, окружающих Ангару и дорога становилась более трудной, сани еле помещались на обледеневшем берегу, отираясь с одной стороны о подножья гор и скал возносящихся над нашими головами, а с другой стороны кипящие воды Ангары каждую минуту угрожали поглотить нас; пейзажи здесь однако были живописные, луна освещала заснеженные горы, а ее свет, отражаясь от беспрестанно появляющихся из кипящих вод ледяных глыб, производил какое-то чарующее впечатление на смотрящего, противоположный же берег, погруженный в темноту, распростирали перед глаза-

ми вид гигантского черного горного массива, скрывающего в облаках вершины покрытые снегом; местами мы ехали через натуральные алеи из акаций, пышно растущих на берегах Ангары¹. Меняли коней на нескольких почтовых станциях, после проезда через церковную деревню Никольское, в которой находится зимний порт байкальских транспортных судов, который состоит в ведомстве флота²; мы подъехали к озеру, исторгающему из себя воды Ангары; великолепный и захватывающий вид и я с интересом присматривался обозримому пространству, несмотря на ветер и пробирающий мороз; из неподвижной плоскости замерзшего Байкала, среди вздымающихся в небо скал, выплывает черной лентой стремительная Ангара, исчезая среди гор. Я встал на правом берегу реки, на повороте величественной горы, именно там, где, как казалось, вода с невероятной мощью вырывалась из-под гнетущих льдов Байкала; ее пенящийся поток разбивался о две гранитные скалы, торчащие посреди русла; густой пар плыл к небу, а миллионы диких уток качались на кипящей воде; Байкал святое море, подобно огромному зеркалу сотворенному из гололеда, отражал жгучие лучи восходящего солнца; если бы не тяжесть климата, сложно было бы оторваться от подобного зрелища.

Следующую часть пути мы проехали по берегу Байкала, меняя коней на двух станциях, расположенных в маленьких, но замечательно и живописно расположенных у подножья высоких гор, поросших темнозеленым ельником; в этом районе находится Тальцинская фабрика фаянса и стекольный завод³. От последней станции, с названием Лиственничная, мы поменяли направление и поехали поперек озера, на дру-

¹ Сибирская Акация, кустарник высотой от четырнадцати до шестнадцати футов, изначально сибирского происхождения, с парноперистой формой листа, соцветием в форме кисти и желтыми цветами без запаха.

² Два военно-транспортных судна и двадцать три купеческих.

³ Професор Лаксман основал его в 1784 году. Производятся здесь зеркала и различные изделия из резного стекла, которые вывозятся в Китай.

гой берег, находящийся на расстоянии более сорока верст; вопреки, однако значительному расстоянию перспектива была настолько обманчива, что казалось будто от возвышенностей, находящихся на противоположной стороне, нас отделяет всего пара верст. Я был немало удивлен, увидев, что в сани загрузили железный лом и несколько досок, однако эта предосторожность, как потом, оказалось, была необходима. Над поверхностью Байкала в основном господствуют два ветра. Один, как говорят, ломает его льды, другой же укрепляет их, отсюда часто в то время когда дует первый, лед лопается по всей длине озера и образуется довольно широкая расщелина; путешественнику в этом случае остается рассчитывать на смекалку и отвагу возницы и прыть коней, способных преодолеть такую преграду одним прыжком. Ветер к несчастью дул сильный, морозный, и мне, хоть я и был в санях старательно укутан в теплую шубу, казалось, что меня мочат в холодной воде. На небольшом расстоянии от берега видны гранитные скалы, возносящиеся над озером, под которыми Тюлени или так называемые Байкальские нерпы¹ выходили дышать свежим в воздухе на незамерзшие места, опираясь плавниками о край льда.

Лед на озере был гладким как стекло по причине равномерного замерзания, а сухой снег, гонимый ветром, стелился туманом по его поверхности, создавая подобие вида песча-

¹ Водные нерпы размножаются на Байкале в большом количестве, самка рождает по одному детенышу, которого вскармливает грудным молоком. Буряты убивают нерп с берега при помощи стрел. Старые тюлени скрываясь от преследования кричат, молодые же издают возглас похожий на человеческий: «ох!»; они пугливы, осторожны и быстро передвигаются. Спят крепко и, будучи внезапно разбуженными, замирают от страха, придя же в себя, убегают, сплевывая перед собой, чтобы слюной смазать путь. Выходят на сушу и с помощью своих плавников забираются иногда на довольно высокие скалы, масть у них белая с серыми пятнами и в целом они похожи на тех, которых промышляют возле Архангельска.

ной пустыни; горе путешественнику или охотнику в подобный час бредущему через эту гололедицу! Влекомому сильной метелью по гололеду стоит большого труда добраться до берега озера. Поэтому местные жители, переходя через байкальский лед, берут с собой топоры, которые вонзают в лед и таким образом служат спасительным якорем в таких ситуациях держащемся за их рукояти.

Наш путь был отмечен сосновыми ветвями, закрепленными во льду; три бурятских коня, запряженных в наши сани бежали резвой и ровной рысью, искры сыпались из-под копыт, а острые подковы не оставляли ни следа на байкальском гололеде; противоположный берег становился все ближе и был так отчетливо виден, что можно было различить деревушку, монастырь, а также высокие горы и темный лес, лежащие за ними. Я уже терял терпение после долгой и однообразной дороги и хотел пройти это небольшое расстояние пешком, чтобы согреться, но это была лишь иллюзорная перспектива очень далеких предметов, поскольку возница сказал с улыбкой: «до берега еще пятнадцать верст, а этот ветер не сулит ничего хорошего». Эти его слова сбылись, поскольку не успели мы и ста шагов проехать, как раздался грохот, который длился несколько секунд, громкий как залп крупной батареи и мы узрели перед собой расщелину шириной в несколько футов, проходящую по всей длине озера; казалось, что это перед нами раскрылась могила, однако привыкший к данному явлению возница остановил лошадей неподалеку, взял упомянутый железный лом, который ранее забрал с собой, поскатывал куски льда, там где смог их найти и примерился преодолеть расщелину обычным для местных способом; сел в сани, перекрестился, погнал упряжку сперва ровной рысью, однако приблизившись к расщелине резко встал, крикнул, взмахнул кнутом словно волшебной палочкой над хребтами коней, которые будто ударенные электрической искрой, пустились в галоп и, упершись задними ногами о край пропасти, перескочили вместе с санями на другую сторону. Следует признать,

что я с закрытыми глазами задержал дыхание и не успел оглянуться как кони, оставив далеко за собой эту опасную переправу, вновь побежали ровной рысью.

Байкал в переводе с бурятского, означает огненный котлован и на самом деле, приглядевшись к местности можно убедиться, что здесь остались следы стародавнего землетрясения: видны остывшие вулканы, разорванные гранитные и скальные глыбы, окружающие озеро, горы покрытые вечными снегами, а среди них как бы огромный котел – Байкал, распространяющийся на тысячу верст в длину и около полутора-раста в самом широком месте, что окончательно убеждает в его происхождении. Дно этого почитаемого Бурятами святого моря, довольно неровное: в одном месте неизмеримая глубина, поскольку даже заброшенная пятисотаршинная вертикаль не всегда достигает тверди, в другом месте опять же брод, где невозможно движение судов; это подводные возвышенности, а в чистой и пресной воде озера видны кое-где затопленные леса, из которых добывают множество окаменелостей; местные матросы показывают также горячие источники и источники мумие. Примерно двести больших и малых рек несут дань своему морю. Из них наиболее значительные: Селенга, Баргузин и Верхняя Ангара. Одна только Ангара вытекает из Байкала. Пользуясь реками, соединенными с этим озером можно было бы легко организовать транспортные пути от Кяхты по всей Сибири.

Байкал предоставляет местным жителям небывалое количество рыбы. В месяцах августе и сентябре ловят тут миллионы хариусов, тайменей, линей, налимов, щук, окуней и сига. Осетра же и стерляди добывают до тысячи пудов. Рыба вида омуль, похожая на сельдь, водится в изобилии не только здесь, но и в реках впадающих в Байкал и счет отлавливаемых штук этой рыбы идет на миллионы. Тунгусы и буряты едят ее в сыром виде.

Среди гор окружающих Байкал самой высокой является Хамар-Дабан – Носовидный перевал.

В открытой воде или скорее в открытом море находится множество островков; из них самым значительным является Ольхон. Длина его составляет семьдесят, ширина же примерно двенадцать верст; на его песчаной почве растут пышные сосны, ели, лиственницы и березы. Сильные ветры, бушующие зимой, сметают снег с песчаных участков острова. Живут на Ольхоне дикие буряты, занимающиеся разведением скота. Берега его, окруженные острыми скалами, в течение продолжительного времени были неприступными для чужаков. Лишь в 1643 году отважный казачий пятидесятник Курбат Иванов, с отрядом в семьдесят пять человек, отправился на Байкал и победил островных жителей. Смелость победителя здешних жителей оказалось недостаточной во время его похода против Тунгусов, живущих на берегах Верхней Ангары, поскольку те, нанеся ему большие потери, заставили его схорониться на Верхнеленском острове.

На северном выступе Ольхона возвышается Шаман-камень, которому жители острова поклоняются и приносят жертвы; кажется сама только дикость места могла вдохновить непросвещенный разум на то, чтобы установить здесь место культа своего божества; на вершине скалы видны остатки разрушенной святыни, а островные жители утверждают, что на этом месте стоит железный треножник, а на нем котел Чингисхана, в котором варится конская голова¹; в наши дни на этой скале вознесен символ веры Христа, Крест Господень. Буряты-идолопоклонцы приносят к Шаман-камню жертвы: серебряные и медные монеты, шкуры соболей и лис и др. Сосновая роща вблизи этой Кумирни, что по-бурятски обозначает место идолопоклонничества, считается святой и никто не смеет тронуть топором какого-либо дерева в этой роще или убить какое-либо животное из множества обитающих в ней лосей, лисиц и большого количества диких уток, находящихся здесь корм и возможно укрытие от ветра. Здесь же

¹ Об этом упоминает Г-н Мартос.

жители острова приносят особо важные клятвы. На небольшом расстоянии от этого святого Камня видны развалины давным-давно разрушенной крепости, о которой местные говорят, что была она укрытием великого человека; Был ли это Чингисхан?!

Двигаясь дальше, мы, в конце концов, остановились на второй станции за Байкалом, в монастырской деревне Посольское, расположенной на берегу реки Селенга; я, зная это место по рассказам, во время смены лошадей, навестил могилы российских послов, которые стали жертвами предательства бурят, что дало название данной местности. Я обнаружил старый монастырь, возведенный в 1651 году в царствование Царя Федора Алексеевича, в котором деревянные монашеские кельи перекошены так как будто сейчас упадут; здания Церкви и часовни каменной постройки, все окружено довольно высокими стенами; на небольшом расстоянии от церковной ограды видны семь холмиков – это курганы над могилами убитых послов¹. Стародавняя история забайкальских народов окутана пеленой неопределенности аж до четырнадцатого века. Лишь в царствование Царя Алексея Михайловича, некий Похабов родом из Москвы отправился на Байкал, где в то время краем изобилующим богатыми рудами благородных металлов владел Цысан-хан; желание услужить Царю России подсказало отважному россиянину способы приближения к Хану, который, будучи несколько более просвещенным чем его земляки, гостеприимно принял умного чужеземца и разпознав в нем человека высокого положения всегда прислушивался к его советам.

Прозорливый Похабов понял насколько выгодным мог бы быть для России союз с бурятами и, понемногу стремясь к поставленной цели, описывал Хану силу, мощь и славу своего Монарха и в конце концов уговорил его отправить своих послов к Московскому Царю; и так буряты прибыли в Москву в

¹ Смотри описание Западной Сибири П. Маргоса.

1648 году и Царь принял их с почтением и в доказательство своей дружбы отправил к Монгольскому хану посольство, состоящее из знатных подданных, которое возглавил Ерофей Заболоцкий, сын одного из самых знатных в то время бояр. Послы эти, прибыв на противоположный берег Байкала и веря в свое право неприкосновенности послов, остановились на мысе, который ныне называется Посольским, ожидая гостеприимного и торжественного приема; тем временем неожиданно были они атакованы толпой диких бурят и предательски убиты, а трупы их долго лежали без погребения на берегах Святого моря.

Царь Федор Алексеевич основал монастырь в память о своих верных подданных, который нарекли Посольским и признал ему право на отлов рыбы, являющийся в этих местах источником большого богатства. Деревня Посольское при монастыре насчитывает несколько десятков домов; раньше находилась здесь школа бурятского и монгольского языков сейчас перенесенная в главную школу в Иркутске.

Далее, аж до самой Кяхты, на каждой почтовой станции запрягали дюжих бурятских коней, которыми правил коренной бурят, странное существо, приобретшее человеческий облик: из-под остроконечной, сшитой из волчьих голов, шапки, выглядывала черная коса; глаза мелкие и черные блестели как два искрящихся во тьме огонька; лицо плоское, широкое и уродливо смуглое было обезображено редкой черной бородкой и такими же неопрятными усами; одежда как у народов севера: шуба вывернута мехом наружу, у пояса нож и небольшая, особой формы, трубка; погоня бравую тройку он издавал крик: чу! чу!!.. Буряты замечательно правят лошадьми, на всех станциях ожидают проезжих и берут очень дешево.

Выехав из деревни Посольское мы тотчас спустились на замерзшую Селенгу, которая послужила нам в качестве проезжего тракта до Усть-Кяхты, протяженностью более четырехсот верст. Река эта вытекает из Китайской Монголии и

полностью судоходна; рыбная ловля здесь богатая, в особенности если речь идет об омуле, которого так много, что порой, в один заход, в сетях может оказаться до ста тысяч штук.

Русло реки широкое и глубокое, вода чистая, ее берега и острова на ней находящиеся являются излюбленной средой обитания бурят и монголов. Летом буйные прибрежные луга полны неисчислимого множества верблюдов, коней и баранов. Также можно столкнуться со значительным количеством поселений российских староверов, а в их колониях, на определенном расстоянии друг от друга, располагаются почтовые станции. Дорога по реке Селенга была занимательна и разнообразна; кони бежали с так необычайной быстротой, что тяжело было следить за предметами, появляющимися перед глазами. В одном месте скалы и гранит, торчащие далеко над дорогой то ли угрожали путникам, то ли заслоняли их от суровости атмосферы; в другом юрты, жилища кочевых бурят, были разбиты в долине, окруженной со всех сторон горами.

Возле прибрежных прорубей можно было увидеть множество верблюдов, с накинутым на них для обогрева войлоком, которые, подобно неким гигантам, были окружены группами малорослых бурятских коней и баранов, также стремящихся напиться селенгинской воды. На проезжаемых нами обжитых островках и клочках земли, огромные бурятские псы защищали вход в жилища мирных жителей, лая, далеко раздающимися по равнине, ледяными голосами.

Природа, во многих других местах скупая, щедрой оказалась для Забайкальских земель. Горы, поросшие восхитительными зарослями кедра, лиственницы, сосны, ели и березы, хранят в своих недрах неоткрытые залежи драгоценных металлов и камней, не хватает лишь рук для добычи этих ценных даров. Леса полны зверей разных видов: маралов, лосей, косуль, волков, лис, зайцев, медведей и т.д. Разнообразные виды злаков приносят крестьянам обильные урожаи.

Прекрасная Флора, разноцветными растениями разнообразит луга, дающие вкуснейший корм многочисленным

стадам скота, являющимся настоящим богатством кочевых народов. Ночь прикрыла своей темной шторой земли Забайкалья, наши сани быстро пересекали льды Селенги, почтовый колокольчик постоянно звенел в ушах, а вместо тоскливого пения русского ямщика был слышен лишь однообразный, хриплый голос буряты: «Чу! Чу!». Все это, наряду с дикостью и унынием окружи, звуком ломающегося под ногами лошадей тонкого льда, который появился в результате разлива реки и темнотой ночи, вводит путешественника в какое-то грустное, мрачное состояние, будит мимовольную, но реальную опаску; разливы вод достигали временами до нескольких верст, вдоль реки можно было встретить места, в которых взломанный лед открывал глазам бездны кипящих потоков и лишь воткнутые кое-где вешки предупреждали о грозящей опасности; отлично знающий дорогу бурят, несмотря на ночную тьму, умело огибал такие места, в чем ему немало помогал инстинкт лошадей, однако эта его уверенность не могла все же защитить путешественника от опасений, и я не без радости остановился на ночлег в городке Верхнем Удинске, отъехав уже сто двадцать верст от Байкала.

Как же благословит гостеприимство тот, кто после неприятной и опасной дороги, найдет теплый и удобный ночлег? Таковой, и даже превосходящий мои ожидания, я нашел у одного из местных зажиточных купцов. Двухэтажным, со вкусом построенным, с приличными комнатами, краснокирпичным домом, владел вежливый и гостеприимный хозяин; несмотря на это, утомление, воспоминания об опасностях, речные разливы, прибрежные скалы, захватывали воображение, а голос бормочущего Буряты и почтовый звонок все еще закладывали уши, отнимая необходимый отдых.

С утра я осмотрел город и с немалым удивлением нашел в нем красивые и солидные постройки, придающие ему вид европейского поселения, хоть он и лежит более трех тысяч верст от Урала. Река Уда впадает здесь в Селенгу и обе опоясывают город с одной стороны, в то время как с другой

возносятся горы, покрытые лесом. Летом расположение Верхнего-Удинска прелестно.

Можно назвать здешние места Забайкальским раем, различные цветы разукрашивают горы и луга, пахоты приносят изобильный урожай зерна, лес переполняют множественные звери, одним словом все, что нужно для вольготной жизни здесь можно обрести за бесценок: пуд великолепнейшего говяжьего мяса стоит тут не более двух рублей ассигнациями; рынок ежедневно переполнен Бурятами, Братскими и Тунгусами, которые приносят на продажу плоды своего промысла; кирпичные лавки в центре города полны разнообразных товаров, местные купцы богаты и ведут крупную торговлю с Китайским Государством и Забайкальскими народами.

В сорока пяти верстах от Верхнего-Удинска находится, прекрасно расположенная, колония Тарбагатай, жители которой, Русские, переселенцы называемые староверами, поселились тут пятьдесят лет назад и являются людьми порядочными, живут в достатке, свойственна им исключительная чистоплотность; их хозяйства можно сравнить лишь с хозяйствами лучших немецких землевладельцев. В ста десяти здешних домах числится более семиста душ. Две добротные церкви служат проведению староверческих религиозных обрядов.

Следуя далее по реке Селенге, мы, среди диких зарослей, проехали возле места, называемого Разбойничьей горой, называемой так потому, что долгое время в ее окрестностях скрывалась грозная для путешественников, банда разбойников, после истребления которых, не только здесь, но и по всей Сибири, путешествовать можно без опасений.

После нескольких смен лошадей, мы остановились в нищем городке Селенгинске, удаленном от Верхнего-Удинска на сто верст; хоть он и находится на другой стороне главного тракта в Кяхту, нет в нем ни достатка, ни хороших построек, бесхозяйственность же эта берется, как говорят, от того, что город часто разрушают крупные разливы вод реки Селенги, в связи с чем правительство решило перенести его на другой

берег реки, более высокий и, тем самым, не подверженный повреждению в результате чрезмерного подъема воды, непосредственно по которому проходит главный сухопутный тракт.

Селенгинский арсенал, украшенный несколькими десятками знамен давних Сибирских полков, хранит несколько древних орудий, интересных в виду своей старины и особенности. Вблизи от города находится солеварня. Селенгинские озера содержат глауберову соль (*sal mirabilis Glauberi*). Озер этих несколько. Четыре озера поменьше и пятое, самое крупное и обширное, поверхность которого на глубину от четырех до двенадцати дюймов состоит из горькой соли, которую Буряты называют Гунджир, после чего следует илистый слой толщиной до трех дюймов, а глубже слои чистой, кристаллизованной глауберовой соли, имеющие от двух до двенадцати дюймов толщины.

Недалеко, всего в нескольких верстах от Селенгинска, на противоположном берегу реки, виднеются два огороженных и обжитых больших дома; кто бы мог подумать, что среди кочевий Бурят поселились английские миссионеры, вестители святого Евангелия! – ни расстояние от родного острова, ни дикость Бурят, ни малые успехи проповедуемой ими веры не отводят благочестивых мужей от жертвенности на благо ближних! Двое миссионеров с семьями. Эти порядочные и ученые мужи из Эдинбургского университета, уважаемые всеми, располагающие небольшой библиотекой, делятся своими значительными запасами лекарств, как с Русскими так и с Бурятами. Один из них переводит Псалмы Давида на бурятский язык. Временами они покидают свое жилье на длительное время, направляясь в дикие места, чтобы проповедовать слово Божье племенам Харынским, кочующим за Яблоновыми горами. Несколько девочек Буряток учится в миссии плетения корзин у работающих и добрых Англичанок.

Несмотря на старания этих Миссионеров, заботе Греко-Российских пастырей и множественные церкви в колониях

и городах, Буряты, кочующие по соседству с Тунгусами и Монголами, охотнее принимают чернокнижное суеверие Шаманов или Далайламизм чем веру Христову; очень немногие переходят в христианство; вообще все Азиаты предпочитают язычество как более соответствующее их кочевому образу жизни; большая однако часть Бурят, особенно из племен, живущих вблизи Китайской Монголии, исповедуют веру Далай-Ламы и у них есть свой Хамба, то есть предводитель, а как утверждают они главный Лама, который живет в божнице Гун-Гелан, в которой находятся их главные Кумирни то есть храмы. Эти бурятские божницы находятся почти в тридцати верстах от Селенгинска; дорога туда по бесснежным степям и бездорожьям неприятна и наполняет разум каким-то смутным мраком; быстро можно преодолеть только восемь верст по Гусиному озеру, называемому так из-за многочисленных стай данных птиц; на берегах озера лежит множество корзин, используемых Бурятами для ловли рыбы, которые на их языке называются Морды.

Поблизости от Гусиного озера, всего в пяти верстах от жилища Хамбы, находится рукотворный столп, высотой четырнадцати футов, верхушка которого украшена выпуклой резьбой человеческого лица, не имеющего однако отличительных черт какого-либо племени, кажется на боках также были орнаменты, частично стертые с течением времени; невозможно найти никаких сведений о данном памятнике ни в исторических ни в устных источниках, скорее всего является наследием какого-то неизвестного, а может уже несуществующего народа.

Через пять верст от Гусиного озера начинают появляться юрты, а за ними, у подножия высокого горного хребта, божницы или Кумирни Бурят, имеющие форму павильонов с остроконечными крышами, на которых видны, неумело вырезанное пламя в вазах, называемых Ганджи; только главная Кумирня покрыта белой жестью с такими же украшениями. Вблизи от этих храмов разбросаны маленькие домики покра-

шенные в красный цвет, которые предназначены для размещения прибывающих на торжества Лам, коих такое множество, что на пять Бурят без сомнений приходится один Лама; кельи эти очень убоги, вместо стеклянных окон в оконнице вставлены куски слюды [Marienglass]; каменные полы обогреваются снизу; царствующие здесь темнота и уныние являют настоящий образ монашеской жизни.

Однако дом, предоставленный Хамбе гораздо удобнее, его большую часть занимает домашняя часовня, которую украшают портреты Императорской семьи, к сожалению, довольно грубой работы.

Настоящее жилье религиозного предводителя находится в некотором отдалении, его имя: Данзин-Кован-Ишитямцуев, он подчиняется Далай-Ламе Гигену, проживающему в Китайской Монголии и обладающему, согласно представлениям суеверных Бурят, бессмертием.

Хамба Данзин-Кован-Ишитямцуев – человек огромного роста, необычайно полный; был одет в грязный меховой халат оранжевого цвета, перепоясанный вокруг бедер; голова его была обрита, он сидел на земле, сложив ноги на азиатский манер, опершись о низкую тахту, на которой лежали подушки разных размеров, возле него стояла миска и серебряная табакерка; видно было что он любил нюхать табак, поскольку часто ее открывал; по причине чрезмерной полноты он невероятно сопел. Ламы носят одеяния красного цвета.

Никто из трудящихся на религиозном поприще, то есть как предводителей так и Лам, не имеет жен; для поддержания порядка в хозяйствах содержатся Ключницы, которых часто можно увидеть со связками ключей, висящими у пояса. Особого порядка в доме у Хамбы все же не было, напротив, царил полнейший хаос: разбросанные шубы, войлоки, сундуки, шапки и шляпы; на оловянной тарелке лежали обгрызенные кости, открытый, нечищенный чайник лежал на боку, кое-где виднелись истертые и засаленные, даже не закрытые,

книги, все указывало на то, что глава Лам кочует по собственной избе, часовня однако заслуживает внимания.

Господин Мартос, который посещал эти места, через переводчика дотошно расспрашивал о каждом предмете. Длина домашней часовни, согласно его описанию, достигает десяти футов, высота вдвое меньше; В более высокой части стоят сосуды для жертвоприношений Бурхану. Главный идол, сделанный из меди, сидит со сплетенными ногами, держа в руке кубок и зовут его Шигимоне. Другая фигура подобной величины изображает женщину и зовется Дорахе, является она матерью всех божеств, количество которых, как объяснил сам верховный жрец, не поддается исчислению. Идолы эти стоят в деревянных ящиках, довольно скудных, и им подносят жертвы. Яндар, алтарь бурятских идолов, находится в этой часовне; в первой его части размещены металлические сосуды: из них одни наполнены водой, другие зернами, в третьих горит масло; также жгут тоненькие свечи, сделанные из Китайской ароматной травы, которые называются Арцы; воду в сосудах меняют ежедневно.

Буряты молятся с рвением, украшая свои Кумирни различными добровольными подношениями, охотнее всего висящими на железном пруте занавесками, состоящими из кусков шелковой материи различной длины, в особенности тканых в полоску и плетеных сеток с бахромой; божество можно видеть сквозь эти занавески. Желтая материя, повешенная строго посередине называется Цалан-Хадах; между ними находится пестрая ткань, называемая Кип. Из этих полос создается подвесной валик, называемый Джан-цан.

Между занавеской и идолом висит на черном шнурке круглое зеркало, имеющее диаметр полтора дюйма, а под ним стеклянная банка, что все вместе зовется Талик и предназначается для отражения света зажженных перед божеством свечей. В нижней части алтаря лежат медные тарелки Сельням, в которые ударяют во время молебна, вместе с ними там помещены кадила Вайпор.

Среди религиозных сосудов важнейшую роль играет Хурду, то есть ковчег, содержащий все религиозные песни и молитвы, напечатанные на длинном свитке, пятидюймовой ширины, намотанном на валик.

Ковчег Хурду имеет форму восьмигранного фонаря, вертится на железном пруте, проходящем сквозь нее, находится справа от часовни возле подушек, на которые усаживается Хамба; расцвечена она красными, зелеными и желтыми полосами с нарисованными изображениями различных зверей, чаще всего слона и зеленой лошади, костяных труб, в которые трубят во время молитвы, рыб, различных сосудов с творогом, молоком, разных цветов, лекарственных трав, зеркала, золотого цветка Ирдыни, являющегося символом бесконечности, множества шелковых тканей, и, наконец, людей в разнообразных позах; человеческая фигура изображает Небеса. Хурду окружен шестью кругами: на втором, третьем, четвертом и шестом находятся упомянутые изображения, а первый и пятый содержат только молитвы.

В назначенные часы, духовный Предводитель, несколько не меняя своей позы, оборачивает Хурду, который легко вращается на оси, перебирая в то же время четки, состоящие из ста восьми белых и трех зеленых костяных бусинок; по окончании молитвы ставит футляр, содержащий духовные книги. Ламы в своих юртах также держат в руках небольшие серебряные Хурду, валик которых оклеен молитвой, содержащих всего несколько слов, и вращают их беспрестанно. Поворот валика с молитвой иметь должен те же последствия, что и молитва произнесенная вслух, а по их утверждениям, чем больше раз кто-либо произнесет такую молитву, тем ближе он спасения!

Для большего удобства, а скорее для дорогих ему воспоминаний своего изначально кочевого образа жизни, Хамба часто пребывает в своем отдельном жилье. Этот повелитель нескольких сотен Лам, предводитель идолопоклонничества народов, расселенных от Байкала до границ Китайского Госу-

дарства, от хребта Яблоневого гор аж до гор Тункинских, не стыдится своей родной юрты, обтянутой войлоком и конскими шкурами; близ маленького деревянного домика, парадного жилья Хамбы, установлены две большие юрты, одна из которых предназначена для его слуг, а другая является излюбленным пристанищем его самого; в ней собрано все, что может призвать воспоминания обычаев кочевой жизни и ранней молодости; юрта эта, формы соломенного улея, обита внутри войлоком, в ней беспрестанно горит очаг, дым от которого выходит через отверстие в верхней части, закрываемого створкой, двери же прикрываются войлоком. Главное место в юрте занимает Яндар, слева стоит Хурду, сундуки составлены друг на друге, вдоль стен уложены подушки, только тем отличается она от юрты кочующего хозяина, что пол ее устлан досками. Хамба живет в пяти верстах от главных Кумирень, имеет он неисчислимое множество стад баранов, овец и верблюдов, гордо подносящих головы на звук почтового бубенчика; бурятские кони к ним привычны, русские же их опасаются и фыркающая уходят от них в бок.

Правила религии Лам построены на благодетели, любви к божествам и тем более удивляют христианина, что являются неким соединением Ветхого Завета с Верой Христовой, аляповато украшенной примитивно-суеверными обрядами; их молитвы и притчи полны кристально моральных и благочестивых изречений. Их труды, написанные по-монгольски, напечатаны судя по всему путем оттиска резного дерева, буквы ровные и стройные, а бумага по периметру украшена аккуратными арабесками; такую бумагу специально для Бурят производят в крупной бумажной фабрике в Иркутске, поскольку на ней должны быть нанесены священные буквы или знаки, без которых она не может использоваться для записи.

Всего возле Гусинога озера находится одиннадцать Кумирень, из которых десять, возведенных на равном расстоянии друг от друга формируют квадрат, в центре которого главная, имеющая четыре башни по бокам и одну на самой

постройке, украшает весь комплекс зданий; пять лестниц ведут в сени площадью двадцать два шага. Первым предметом попадающим на глаза является большое хурду, полностью увешанное шелковыми полосками Джан-цан, к верхней части которого прикреплены колокольчики, издающие приятный звук при его вращении. Набожный Бурят ревностно стремится к чести обернуть Джан-цан собственной рукой.

Вход в святилище сторожат два зверя, неумело выделанные долотом, с правой стороны белый лев с раскрытой пастью, с левой страшный Тигр; над ними свисают шкуры рысей, волков, медведей и жеребят, а чуть выше кольчуги, ружья, бердыши, луки, стрелы, палаши, пики и прочее военное снаряжение; над дверями приколочены два распущенных китайских веера; стены сеней украшены тремя изображениями кумиров, называемых Михаранзи, окруженных пламенем и башнями, из которых один имеет лицо зеленого цвета, второй черного цвета и играет на инструменте, похожем на русскую балалайку; первый держит в руках обоюдоострый меч, с правой стороны ото льва висит огромный искусственный рисунок; поскольку на всех этих декорациях сеней изображены похожие религиозные казни, возможно последний рисунок имеет некое отношение к потопу из Святого писания.

Хоть все предметы попадающие на глаза внутри божницы выполнены без вкуса, изящества и гармонии, есть в ней нечто угрюмо-святое, что оказывает большое влияние на разум суеверного Бурята. Кумирня имеет восемьдесят футов в длину и сорок четыре в ширину, установленные в четыре ряда столбы, поддерживают тяжелую верхнюю часть постройки; два окна слабо освещают зал, кроме того между столбами висит такое множество шелковых тканей, что, желая приблизиться к большому алтарю, следует идти с пригнутой головой; столбы эти или колонны раскрашены в красный цвет, меж ними вверху висят Матыр-Толовой, то есть резные лица божеств, от каждого из которых ниспадают по три кушака с кистями, на лавочках с войлочной обивкой, расставленных

между колоннами, сидеть могут одни только Ламы, во время религиозного обряда; люди остаются во дворе и только по окончании богослужения подходят к идолам, чтобы получить благословение от жрецов.

Внутри Кумирни в самом узком проходе к алтарю наиболее примечателен Шухур: десять разноцветных шелковых полос сложенных в виде валика, в шести футах от него, если идти в сторону божества, по обеим сторонам столбов подвешены девять колокольчиков и фонарь в деревянной клетке Хон-хоо, это место предназначено для Хамбы и старших Лам.

Духовный предводитель садится слева от алтаря, перед ним стоит маленький столик с латунным колокольчиком; напротив него, с правой стороны усаживается Ширетуй, второй по старшинству жрец, другие, Саржей засык-шензава, Унзыт, Даа и Лансу, с той же стороны, что и Хамба, наконец обычные жрецы, коих тут помещается более 250, садятся на вышеописанных лавочках согласно старшенству.

Свита и слуги святынь называются Хубараки. Жертвенный алтарь – Яндар такой же по форме как и описанный в домашней часовне у Хамбы, однако значительно больших размеров; инструменты, используемые во время молебна: трубы и латунные колокольчики, украшенные довольно искусной резьбой, трубы довольно длинные, состоящие из пяти или шести колен, китайские бубенцы, бубны, тарелки, некий особый род волторны, небольшие барабаны, кобзы.

Тяжело описать впечатление, которое производит этот дисгармоничный оркестр средь пения или скорее крика нескольких тысяч собравшихся Бурят во время празднования белого Месяца! Хамба и Ламы читают книги, которые после кладут перед идолом и благословляют съехавшийся народ.

Существует еще одна, отдельная Кумирня на отшибе, посвященная зеленой лошади, которой так же как и другим идолам подносят жертвы и жгут упомянутые свечи из благовонных трав, называемые Арцы. Конь довольно крупных размеров сделан из дерева, перемещают его на колесах, что эру-

диту может напомнить троянские обычаи; на коня надет русский хомут, седло и чепрак из власяницы, грива на голове и загривке, а также хвост сплетены из зеленой пряжи; к седлу прикреплена некая прозрачная фигурка в форме кардинальской шляпы; вероятно для усиления, к основанию прикреплены две подпоры, украшенные цветами, которые поддерживают коня на уровне хомута; с левой стороны стоит русская повозка, называемая роспусками, несколько крупнее обычных, на ней во время шествия ставят медного истукана Надыра, они также покрашены в зеленый цвет; в углах Кумирни установлено девять небольших флажков в чехлах, с красными древками, которые служат приданию большей торжественности религиозным обрядам.

Еще у далайламских Бурят есть божества низшего уровня, подчиняющиеся старшим; домашних называют Онгонами и Иргекинами, утверждая что Тингиру-Бурхан то есть сам создатель четко поделил меж ними вопросы правления миром. Почти у каждого Бурята в юрте висит кожаный мешочек, в который помещены его домашние божества. Изображения этих идолов имеют форму пятидюймовых фигурок, вырезанных из дерева или войлока, а также чучел баранов с хвостами и копытами, но с человеческим лицом. Если Бурят, доверившийся покровительству своих божеств, был обманут в своих ожиданиях или дело свое завершил без успеха, вытряхивает он всех божеств из мешочка, хватает барана и зверски сечет его прутом, часто добавляя ругательства на русском языке: черт, дьявол, каторжный и т.д.! Если же напротив, может он похвастаться успехом, вытаскивает он упомянутую фигурку, намазывает ей лицо сметаной и, положив обратно в мешочек, хладнокровно вешает на обычный колышек.

Убедившись своими собственными глазами в том, что мне по слухам в религии Бурят казалось сказкой, я поспешно вернулся в Селенгинск, чтобы оттуда успеть проехать еще более ста верст в Кяхту, на торжество приближающегося праздника Белого Месяца, который празднуют Китайцы.

По дороге в Усть-Кяхту нет ничего интересного; вспомню здесь однако о знаменитом бурятском лекаре; Галцин-Санкин обладает громкой славой в забайкальских землях; ему приписывают случаи чудесных исцелений, многие богатейшие Русские купцы отправлялись к нему за советом, я даже знал знатную даму в Иркутске, которая от момента замужества семь раз теряла неразвитый плод и, по мнению совета опытейших врачей, не могла быть избавлена от данного дефекта. Доставили к ней Бурята, который, недолго думая, выписал ей лекарство собственного приготовления, которое оказалось столь действенным, что на данный момент у нее семеро живых и здоровых детей. Все искусство этого доктора основано на открытии путем длительных опытов эффективности различных трав; говорят что он великолепно лечит различные гангрены и начальные формы чахотки; секрет излечения последней должны знать Китайцы, их способы лечения верны и надежны.

В Усть-Кяхте я видел Бурятский полк, которым командовал отнюдь не ужасный Чингисхан или суровый Дымбыла-Тайша, а Иркутский Губернатор верхом на монгольском рысаке, которому всемогущий Монарх доверил правление в этой части Азии. Ежегодно, в это время, данный знатный чиновник прибывает в Усть-Кяхту и другие места забайкальского края для того чтобы раздать награды и милости, признанные Царем верноподданным Бурятам, принимать их жалобы, требования и притязания, наводить святую справедливость, создавать из них нерегулярные казачьи полки, делать списки новобранцев и увольнять отслуживших.

Странный вид имеет эта бурятская кавалерия: и больше всего особенности и отличия ей придают черные косы, торчащие из-под разноцветных, обшитых мехом, шапок; платья они носят длинные, посередине схваченные поясом, некоторые сверху надевают мантильи из рысей шерсти волосом наружу; вооружение их состоит из луков, колчанов со стрелами, палашей и пик. Старшие в основном имеют золотые ме-

дали, носят черные атласные одеяния, многие из них имеют воинские звания и палаши с серебряными темляками. Это Бурятско-казачий полк в пятьсот лошадей имеет свои знамена и несет службу в этой округе.

Во время инспекции и военных маневров Губернатору и нам, как людям из его свиты, подано резвых бурятских коней, на которых были рысьи чепраки и высокие кульбачные седла, украшенные серебром, равно как и уздечки. Губернатор сам на маневрах учил их выполнения правильных заходов при облаве; после поданного знака, все разлетелись как пчелы, а крик, беспорядок и путаница не поддавались уму, не было никакой возможности удержать их в строю и ни один не попал на свое место. Построение и обучение их чему бы то ни было требовало терпения и хладнокровия присущего одному лишь генералу. По окончании этих маневров, которые длились довольно долго, Губернатор был рад тому, что Бурятам, охотно выполнявшим его приказы, маневры, кажется, пришлись по душе.

Всем Бурятам очень нравится прибытие предводителя правительства в их край, дни его пребывания празднуют торжественно, обычно, при въезде в Кяхту, толпы всадников окружают его повозку, стреляют из пушек, расставленных на холмах, размахивают знаменами под громкие радостные возгласы; приятно смотреть на этот полудикий, но вооруженный народ, познающий благодеяния мягкого правления и восхваляющий Его Императорское Величество в лице Наместников!

Церковная деревенька Усть-Кяхта является последней почтовой станцией перед Кяхтой, в которой путешественники обычно меняют сани на колесный экипаж, поскольку ветра, господствующие в этих местах, сметают снег с песчаной почвы и санная дорога обрывается; в это время года данный способ путешествия был менее быстрым, однако довольно приятным; множество интересных предметов попадалось на глаза: множество групп верховных и простых Лам устремлялось в Кяхту, еще большее количество бедных и богатых Бурят,

конно и пешком, спешило туда же, возможно по различным торговым делам, однако прежде всего на торжества праздника Белого Месяца. Окрестные земли показались мне обработанными; сосновые лески, голые холмы и канавы, занесенные снегом придавали разнообразие пейзажу! – Наконец мы прибыли в Кяхту и я, сам того не желая, оказался более чем в семи тысячах верст от родного дома!

Кяхта

Кяхта является основным местом торговли России с Китаем, расположена в большой песчаной долине у границ Китайской Монголии; была основана в момент начала первых торговых отношений между этими двумя народами. Кяхта как увидим – довольно большой город, состоящий из нескольких отдельных частей, которыми являются: Троицко-Савская крепость, получившая название от речки Саввы; она когда-то являлась укреплением, сегодня же видны только следы давних фортификаций, имеется тут скромный склад артиллерийской аммуниции.

Троицко-Савская крепость почти что соединяется с другим городом, носящим название Кяхта. На расстоянии четырех верст находится еще один маленький, но опрятный городок, именуемый Нижняя Плотина или Торговая Слобода, в которой живут купцы и комиссионеры, ведущие торговлю с Китаем; здесь находятся их прекрасные жилые дома, магазины и большие товарные склады. Длинный, высокий, крашеный забор, с большими воротами, увенчанными гербом Российской Империи, служат граничной стеной со стороны Китая. С левой стороны от ворот, в каменном доме живет окружной таможенный инспектор, с другой стороны находятся кордегардия и внутренняя стража. Почти сразу за воротами, не более чем в текста шагах располагается китайский городок Маймачин.

Кяхта и Троицко-Савская крепость, как уже было сказано выше, располагаются в центре песчаной долины, окру-

женной большими сопками, по которой протекает небольшой ручей, который замерзает зимой и высыхает летом, лишая жителей ценнейшего водного ресурса, за которым они вынуждены отправляться за много верст.

Застройка Кяхты состоит из трех каменных церквей, вкуче с купеческими складами и лавками и четырехстами семьдесятю четырьмя жилыми домами; количество жителей, включая пехотный гарнизон, небольшой артиллерийский отряд, казаков и таможенную пограничную стражу, значительно превышает четыре тысячи человек. Россия со стороны Китая не содержит практически никаких или очень скромные вооруженные силы, поскольку даже в случае враждебных действий с их стороны, даже небольшие отряды могут успешно действовать против многочисленных китайских войск, пример чего мы недавно имели. Тридцатитрехтысячная китайская армия с полным боевым оснащением осадила жалкий, именуемый крепостью, не имеющий ни одного орудия, российский приграничный городок Албазин, расположенный на открытой местности на реке Амур; случайно оказавшиеся в городе восемьдесят казаков из местной милиции, собиравших Ессак – подать с Тунгусов на северном берегу этой реки, долго защищались от назойливости Китайцев; мужественные, не испугавшись численности неприятеля, они часто и успешно организовали вылазки, не только не сдаваясь на милость осадившей их толпы, но ужасая их собственной смелостью; только спустя три месяца осады, когда закончились еда и амуниция, они сложили оружие.

Китайцы сами понимают свою не то что слабость, так как они многочисленны и хорошо вооружены, сколько отсутствие умения; когда, из-за интриг на китайском дворе, посольство графа Головкина не увенчалось успехом и последний, не доехав до места, вернулся в Иркутск, они так сильно испугались разрыва союза с Россией, что, несмотря на врожденную гордость и суеверное предубеждение о собственной мощи, они искали протекции у одного из приграничных рос-

сийских чиновников, стараясь через него, будто бы по причине неурожая, получить продуктовую помощь, только бы войти в какие-либо отношения с обиженным правительством и в то же время, при помощи политической уловки показать что регулярная армия не сможет прокормиться на территории Китая; таким образом они выиграли время и убедили российское правительство, что нет другой точки кроме Кяхты для реализации торговых отношений между двумя народами.

Самым значительным лицом здесь является Директор Пограничной таможенной стражи, без ведома которого никакие переговоры купцов с Китайцами вестись не могут; он пользуется большим уважением и среди Китайцев и часто, на обедах по случаю российских торжеств, можно увидеть несколько знатных китайских купцов, охотно пьющих шампанское вино.

Во время своего пребывания в Кяхте, я застал российскую миссию, возвращавшуюся из Пекина. Рассказы некоторых из ее участников об обычаях Китайцев были довольно занимательны; во время пребывания в Китае все они носили китайскую одежду и парики с длинными косами; некоторые имели при себе собственные портреты в таких костюмах, написанные славным художником, участником миссии, который был достоин чести написать портрет самого Китайского Императора.

Правительство тщательно отобрало просвещенных и способных мужей, чтобы поручить им такое важное задание как топографическое, географическое и статистическое исследование соседнего государства: астроном, ботаник, минералог, топограф, хирург, доктор и филолог вызвали своей ученостью уважение даже у самих Китайцев. Доктор В. вылечил от тяжелой и опасной хвори наследника престола и Китайский Император, в благодарность ученому Россиянину, приказал в честь него уместить в своем сенате таблицу с описанием болезни и ее чудесном излечении.

Профессор Казанского университета Осип Ковалевский, снискал расположение китайского Предводителя Придворного духовенства Хутухты; Его святейшество, перед которым падали ниц тысячи Монголов, принимал ученого Европейца в кабинете устроенном в стиле, приближенном к Европейскому. Святой начальник разговаривал с Ковалевским доверительно и в доказательство своей высокой дружбы пожертвовал ему святую книгу, собственноручно написанную Хутухтой на монгольском языке. Духовники забайкальских Кумирен узнали о чести оказанной ученому профессору и имеющейся у него святой книге; они старались получить его благословения, а сам Хамба заявил что в него перешла душа монгольского племени, сделал его своим братом и вручил Ковалевскому диплом по случаю получения данного отличия. Буряты дивятся, как чужой человек может в таком совершенстве знать их язык, обычаи и веру. После его прибытия в Кяхту немедленно отовсюду стекались Ламы, чтобы получить от него благословение, коснуться святой книги; некоторые из них даже вручили дары, состоящие из небольшой, богато позолоченной фигурки, изображающей Бурхана и маленького серебряного Хурду. Почти не верится, что Европейец смог преобразиться в настолько отличного Монгола.

Перевод Гребенщиков А.Н.

СПИСОК АВТОРОВ

Баженова-Белоусова Галина Савельевна, член МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» (Улан-Удэ, Россия)

Виноградова Анна Ивановна, член Правления МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея», член Союза писателей Российской Федерации (Улан-Удэ, Россия)

Голубев Евгений Александрович, к.ф.н., доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (Улан-Удэ, Россия)

Гребенщиков Николай Дмитриевич, военный пенсионер (г. Улан-Удэ, Россия)

Гулин Алексей Степанович, соискатель на научную степень кандидата ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, (Сочи, Россия)

Заленчны Иоланта доктор исторических наук, руководитель отдела истории и научных исследований Музея независимости (Варшава, Польша)

Иванов Геннадий Григорьевич, член МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» (Варшава, Польша)

Иванова Марина Ивановна, Почетный председатель МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» (Варшава, Польша)

Кобылецкий Юзеф (г. Варшава)

Мелешевич Марина Алексеевна, заведующая Историко-краеведческим музеем им. И.В. Бабушкина МАУ «Бабушкинский информационно-культурный центр» (Бабушкин, Россия).

Мостовщикова Галина Николаевна руководитель филиала МОО «Национально-культурная автономия полков г. Улан-Удэ «Наджея» в Кяхте, член Русского географического общества, член Союза журналистов России, (Кяхта, Россия)

Полянская Оксана Николаевна, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова» (г. Улан-Удэ, Россия)

Резникова Софья Вячеславовна бакалавр ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (Братск, Россия)

Семенов Евгений Владимирович, к.и.н., доцент ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», заместитель Председателя МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» (Улан-Удэ, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ПОЛЬСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	7
Заленчны Иоланта ХРАНИТЕЛЬ ССЫЛЬНЫХ АЛЕКСАНДР ДЕСПОТ ЗЕНОВИЧ (1829-1897 ГГ.)	7
Гулин А.С. К ВОПРОСУ О СТАТИСТИКЕ УМЕРШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛНОКАТОРЖНЫХ, СОСЛАННЫХ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ ПОСЛЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863-1864 ГГ.	22
Семенов Е.В. ПОЛЯКИ В ВЕРХНЕУДИНСКЕ В 60-80-Е ГГ. XIX В.....	32
Мостовщикова Г.Н. УЧАСТИЕ ПОЛЯКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРОИЦКОСАВСКО-КЯХТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.....	47
Иванов Г.Г. ЛИЦА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ПОЛЯКИ БУРЯТИИ - ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	59
Иванова М.И. УЧИТЕЛЬ - ПРОВОДНИК К ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ. ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ В БУРЯТИИ.....	79

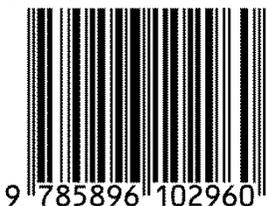
Гребенщиков Н.Д., Полянская О.Н. ОБ ОДНОМ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ (КТО ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРОМ ОЧЕРКА «ПОЕЗДКА ИЗ ИРКУТСКА В КЯХТУ ЧЕРЕЗ БАЙКАЛ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ»)	89
МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛЯКОВ БУРЯТИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД	95
Мелешевич М.А. ДЖЕНЬ ДОБРЫ, ЛУЦИЯ!	95
Резникова С.В. ОН БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ ПРИМЕРОМ	118
Голубев Е.А. ВКУС ПОБЕДЫ	127
Мостовщикова Г.Н. МАРИЯ ИВАНОВА – ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ «НАДЖЕИ»	139
Виноградова А.И. ЖИЗНЬ СЕМЬИ ВЕНГЛОВСКИХ	147
Виноградова А.И. ДВЕ СУДЬБЫ ОБЪЕДИНЕННЫ ДОБРЫМ СЕРДЦЕМ	155
Баженова-Белоусова Г.С. СЕСТРЫ	161
Юзеф Кобылецкий ПОЕЗДКА ИЗ ИРКУТСКА В КЯХТУ НА ГРАНИЦУ КИТАЙСКОЙ МОНГОЛИИ ЧЕРЕЗ БАЙКАЛ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ, ИМЕВШАЯ МЕСТО, В 1832 Г.	175
СПИСОК АВТОРОВ	205

Научно-популярное издание

ПОЛЯКИ В БУРЯТИИ

Том VIII

ISBN 978-5-89610-296-0

Корректор
Д.Ц. Цыденова

Библиографические редакторы:
Бурлакова Т.В., Оленникова А.

Подписано в печать 11.09.2019. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 13,0.
Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз. Заказ №2363. Цена договорная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Переплет изготовлен ПАО «Республиканская типография».

